

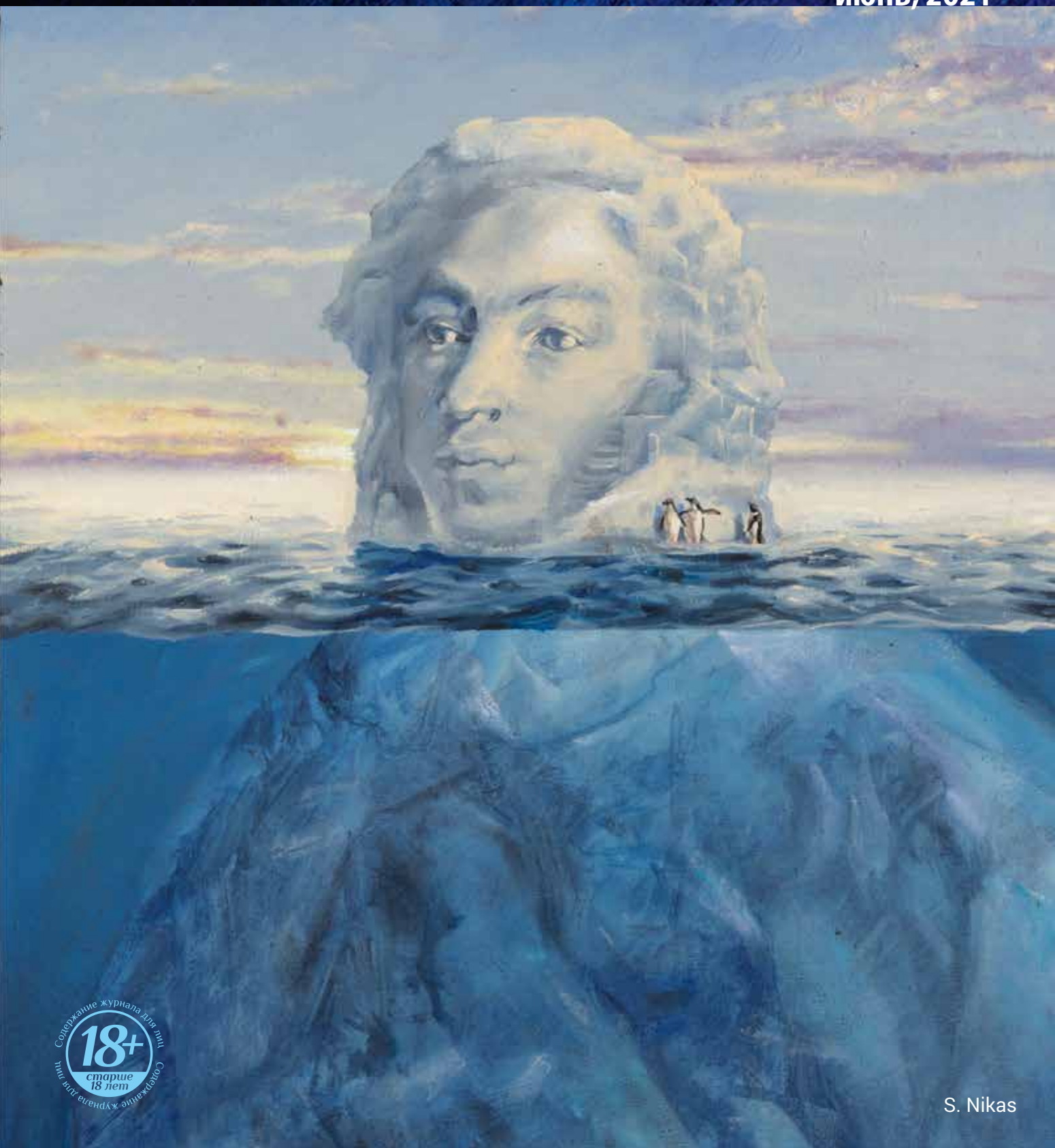
АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 6 (57)

июнь, 2021

S. Nikas

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ

Перед вами июньский, «молодёжный» номер литературно-исторического журнала «Александръ», представляющий на ваш суд творчество молодых писателей России. Целью его создания является развитие творческого и профессионального потенциала молодых литераторов, активное привлечение одарённых людей к творческим процессам и укрепление их веры в собственные силы.

Союз писателей России прилагает немало усилий для выявления, обучения и поддержки молодых писателей, способных русским словом перевернуть сложившуюся в современном мире ситуацию – господство бездуховности и пошлости.

Начинающему автору чрезвычайно трудно посмотреть на своё произведение со стороны и почти невозможно определить, получилось у него или нет. Вот эту функцию выполняет наставник – корректный, думающий, грамотный, который оценивает произведения объективно.

Важно оценить слог, индивидуальность писателя, образы, художественные приёмы, которые он использует в своём произведении, и обдумать, в чём заключается его неповторимый стиль, чем этот автор отличается от других. Поэтому особенно ценны мероприятия, проведённые в Химках для молодых литераторов. А этот номер литературно-исторического журнала «Александръ» поможет им расширить свою аудиторию и не даст «зарыть» свой талант.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Не встречал на своём пути людей, которые бы полноценно пришли в литературу без советов со стороны опытных писателей. Страна в советское время, как кровеносными артериями, была пронизана литературными студиями, семинарами, встречами, наставничеством, издательскими сериями первой книги, молодёжными журналами.

Каждый может привести свой пример дружеского участия к литературной судьбе, лично меня до сих пор потрясает вызов из Псковской писательской организации на межрегиональное совещание молодых литераторов в Ленинград. Вроде ничего необычного, если бы я в это время не воевал в Афганистане. И ведь отпустили! С войны! Или когда командующий ВДВ генерал-полковник Д. Сухоруков позвонил мне, капитану, в прибалтийские леса и поздравил с публикацией первой повести в журнале «Октябрь»: «Чем вам помочь?» Я попросился обратно в Афган, а когда прилетел снова в Кабул, то меня встретил начальник политотдела дивизии и усмехнулся: «Командующий предупредил, чтобы с тебя тут ни один волос не упал. Но если ты не пойдёшь сегодня ночью с дивизией на боевые, я твои книги читать не буду».

Доверие и ответственность. Этого, помимо кропотливой работы над текстами и словом, о чём будут говорить на семинарах мастера, мы в Союзе писателей ждём и от участников Всероссийского совещания. Лучшее из того, что уже было в отечественном литературном процессе, стараемся передать следующему поколению. Уверен, многое у многих получится и будет сделан шаг вперёд в постижении мастерства. А значит, дальше будем идти вместе, каждый по своей творческой дороге, но в одном направлении.

Николай ИВАНОВ
председатель Союза писателей России.

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ПУШКИН

Журнал издан за счёт грантов выделенных из бюджета Тамбовской области, предоставляемых в целях финансового обеспечения затрат на реализацию лучших социально значимых проектов в средствах массовой информации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 6 (57), июнь 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 15.06.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

НАСТАВНИК

- 6** Интервью с А. Казинцевым.
«В минуты роковые»

СИТУАЦИЯ

- 15** Наталья Калинникова.
Моя скрытая суперсила

ПОЭЗИЯ

- 21** Екатерина Годвер (Богомолова).
В деталях

- 22** Евгений Мельников.
Дорога на север

- 24** Вадим Шевяков

ЖИТЕЙСКОЕ

- 26** Виктор Уманский.
Осока

- 28** Наталья Короткова.
Сердце-вещун

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 33** Надежда Князева.
Нарисуй свой город

- 35** Анна Зорина

- 36** Екатерина Малофеева

- 38** Любава Горницкая

ВРЕМЕНА ГОДА

- 40** Яна Гальченко.
Переход

- 45** Евгений Язданов

- 47** Мария Тухватулина

- 48** Павел Сидельников

- 50** Екатерина Пешкова

НОСТАЛЬГИЯ

- 52** Ирина Родионова.
Тоска

- 62** Светлана Попова

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

- 64** Марина Овчинникова.
Сердце слышит

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 68** Александр Лошкарёв.
...И слов не можешь подобрать...

- 70** Мария Леонтьева

- 72** Кира Марченкова

- 73** Глеб Белов

СОВРЕМЕННОСТЬ

- 74** Дмитрий Кононов.
Прогулка

ДЕБЮТ

- 86** Арина Беззубцева.
Сказка маленькой Цикады

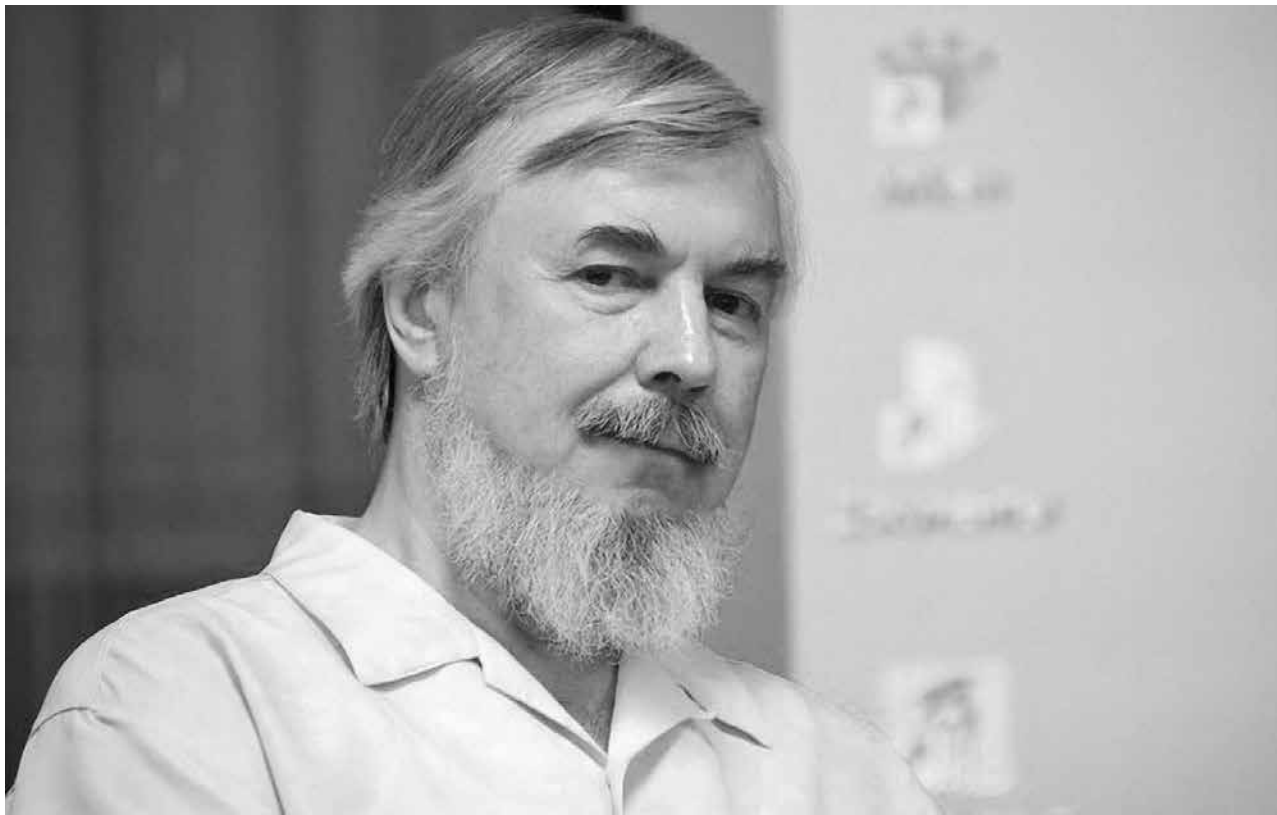
- 91** Анастасия Волкова

ШАГИ

- 93** Александр Сергеев.
Награждение

- 94** Нина Дьякова.
Праздник и трудовой субботник
в самом космическом городе России

«В МИНУТЫ РОКОВЫЕ...»

ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСАНДРОМ КАЗИНЦЕВЫМ

Александр Иванович Казинцев родился 4 октября 1953 года в Москве. В 1977 году окончил факультет журналистики МГУ, в 1981 году – аспирантуру факультета. В 1981 году после знакомства с В. Кожинным стал сотрудником журнала «Наш современник», с 1991 года – ведущий авторской рубрики «Дневник современника». Автор шести книг и около 200 публикаций в журналах «Наш современник», «Литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Октябрь», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Завтра» и др. Автор нескольких книг, в том числе «Новые политические мифы» (М., 1990), «Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996» (М., 1996), «На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство» (М., 2004), «Возвращение масс» (М., 2010), «Имитаторы. Иллюзия “Великой России”» (М., 2015). Секретарь правления Союза писателей России. Лауреат литературных премий.

? – Александр Иванович, зимой исполнится сорок лет с того момента, как вы работаете в журнале «Наш современник». Какие чувства испытываете, оглядываясь назад?

– Мы с журналом почти ровесники. Я на три года старше. Родился в 1953-м, а журнал выходит с 1956-го. Сорок лет, что я работаю в «Нашем современнике», – это большая часть моей жизни. Но и большая часть истории журнала.

Сказать, что ощущаю сопричастность, – ничего не сказать. Не сопричастность, а сроднённость, глубокую вовлечённость в жизнь журнала, его историю, а через неё в историю страны. «Наш современник» – во всяком случае, на моей памяти – не ограничивал себя литературной повесткой. Он был органом направления, которое сам же и создавал.

Сейчас заговорили о «русской партии». Пытаются отыскать её в КПСС. Чушь! Коммунисты строго следили за чистотой рядов, хотя к восьмидесятым идеология выдохлась, как старые духи. Любое отклонение от партийной линии было бы выявлено, разоблачено, изничтожено. «Русской партией» был «Наш современник».

Горжусь, что в 80–90-е участвовал в битве за судьбу страны.

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель.*

? – Расскажите, какими были ваши первые дни в журнале. Было ли что-то за это время, о чём сейчас жалеете? Какими достижениями и публикациями за это время особенно гордитесь?

– Признаюсь, я шёл в журнал с опаской. За плечами было издание неподцензурного альманаха «Московское время». Я собирал его вместе с друзьями – Александром Сопровским, Сергеем Гандлевским, Бахытом Кенжеевым, Алексеем Цветковым, Михаилом Лукичёвым. Не сказать, что мы были диссидентами, но к советской печати относились так же, как про-

фессор Преображенский из «Собачьего сердца». Кстати, точно так же я отношусь к нынешнему официозу.

И вот я сотрудник советского издания! В «Наш современник» меня рекомендовал Вадим Кожин. Но прежде чем представить своему другу Юрию Селезнёву, только что назначенному первым заместителем главного, он долго беседовал со мной. Вадим Валерианович умел убеждать.

Через несколько дней после моего прихода состоялось партсобрание. В партии я не состоял. Позже был единственным беспартийным куратором «идеологического блока». Но на собрание загоняли всех. Сажу, слушаю. А говорят о том же, о чём мы с друзьями на кухне. О тех же неурядицах в жизни страны. Да, под другим углом зрения: без вольнодумной насмешки. С болью. Но ведь и мы с друзьями насмешничали, потому что чувствовали боль.

О чём жалею? Это тоже из впечатлений первого года – скандал, разразившийся после публикации ноябрьского номера со статьёй В. Кожина «И назовёт меня всяк сущий в ней язык». Немарксистская трактовка истории!

Селезнёва, подписавшего номер, уволили. А журнал лишился не только отличного организатора (Юрий Иванович проявил себя, возглавляя редакцию ЖЗЛ) и талантливого кри-

тика, но идеолога нового типа, который мог бы стать лидером патриотического движения в перестройку. Результат – несколько потерянных лет и упущенная инициатива в идеологической борьбе на рубеже девяностых.

❓ – Когда человек отдаёт существенную часть жизни одному изданию или одному проекту, то зачастую он как бы полностью растворяется в нём. Когда мы говорим «Александр Казинцев», мы подразумеваем «Наш современник»? Насколько вы сами внутренне отделяете себя как критика, публициста и поэта и себя как многолетнего сотрудника журнала?

– Трудный вопрос. «Наш современник» – народный журнал. Но это не только политика редакции, это мой собственный выбор. Он меня нисколько не смущает, не ущемляет моих интересов.

Однако нельзя всё время только и делать, что «служить народу». Так можно превратиться в профессионального патриота – из тех, которые на вопрос: «Что делаешь?» отвечают: «Родику люблю». У человека должно быть за душой что-то ещё помимо «генеральной линии».

У меня таким «ещё» были мои истоки, как сейчас говорят, «бэкграунд». Поэзия, издание «Московского времени», дружба с Арсением Тарковским. Я ездил на студенческую конференцию в Тарту к Юрию Лотману, ходил на психфак МГУ слушать лекции Мераба Мамардашвили.

Когда пришёл в «Наш современник», поэтесса Татьяна Полетаева упрекала меня, что я не печатаю друзей в журнале. Интересно было бы посмотреть, как я предлагаю кенжеевский цикл «Стихи управдома Иванова» Сергею Викулову, тогдашнему главреду «НС». Но только со стороны. Взгляд от первого лица был бы слишком рискованным.

Необдуманных поступков я не совершал. Но и от своего багажа не отказывался. В 1983 году в «Нашем современном» появилась моя статья о молодой поэзии «Поиск пути», где в качестве образца я цитировал стихи Александра Сопровского. В том же году в «Вопросах

литературы» вышла моя статья «Я наблюдал, боготворя...» о поэзии Бориса Пастернака, Анны Ахматовой. Тогда они были ещё под подозрением. История публикации напоминала детектив: сотрудники редакции пошли на обман высокопоставленных членов редколлегии – замминистра культуры Юрия Барабаша и директора Института мировой литературы Георгия Бердникова, не принявших статью.

Я имел неосторожность похвалиться в нашем журнале. Заведующий отделом критики, которому я показал только что вышедший номер «Вопросов литературы», доложил главному. Викулов вызвал меня на ковёр. Я не стал юлить и сказал, что считаю Пастернака и Ахматову выдающимися поэтами. Если мои взгляды противоречат позиции редакции, готов написать заявление об уходе. Сергей Васильевич, офицер Великой Отечественной, был известен крутым нравом, но ценил прямооту и честность. Он оставил меня в журнале.

Я не стыдился своих взглядов. В этом меня поддерживал Вадим Кожин, считавший «искус вольнолюбия» моим преимуществом. Думаю, некоторая «инакость» полезна для общего дела. В отличие от ортодоксальных коллег, я имел возможность взглянуть на предмет обсуждения с разных сторон, что придавало оценке объективность. Я ценил произведения не потому, что они «наши», а потому что они обладают очевидными художественными достоинствами.

Конечно, «Наш современник» сильно повлиял на меня, уточнив, а в чём-то изменив мои взгляды. Но и я в течение этих сорока лет влиял на позицию журнала. В частности, я пригласил в «НС» академика Игоря Шафаревича, Александра Панарина, Ксению Мяло, Юрия Бородаю. Они так же имели диссидентское или полудиссидентское прошлое, их взгляды сильно отличались от ортодоксально-патриотических.

Академик Шафаревич любил повторять: «Человек начинается со слова “нет!”». То есть с решимости отстаивать свой выбор в противовес навязанному извне. Я бы добавил: «Начинается со слова “нет!”», но окончательно оформляется как личность, произносится слово “да!”», утверждая

положительные идеи и ценности. Как бы то ни было, и сам Игорь Ростиславович, и Ксения Мяло, и Александр Панарин, и Юрий Бородай свой выбор сделали. Причём в самый трудный для патриотов момент, когда встать рядом с нами означало подвергнуться травле. А ведь могли бы, подобно другим «властителям дум», козырять былой оппозиционностью, обменивая её на места в новом парламенте, премии, внимание прессы. Но даже мысль подобная не возникала. Они действительно умели сказать «нет!».

К сожалению, наши оппоненты из числа либералов старательно не замечают разницы между кондовыми патриотами и выдающимися интеллектуалами из патриотического стана. Мажут всех одной краской, не желая вступать в содержательную полемику, которая могла бы оживить нынешнюю ситуацию в культуре.

❓ – 80-е и 90-е годы были временем активной общественной борьбы, когда писателей разделяли не столько эстетические, сколько политические убеждения. Насколько остро стоял для вас вопрос о «своих» и «чужих»? Есть ли сейчас в литературном процессе эти самые «свои» и «чужие»? И если есть, насколько остро это противостояние?

– Андрей, когда вы говорите, что в конце прошлого века писателей разделяла политика, создаётся впечатление, будто это нечто внешнее. «Далась им эта политика!» – отмахнутся молодые читатели. А вы сформулируйте по-другому: отношение к России, к народу.

Примириться писатели пытались неоднократно. Последний раз в конце 90-х годов. Секция критики устроила в ЦДЛ обсуждение новых рассказов Валентина Распутина. Тогда уже не все его любили, но уважали все. Устроители рассчитывали, что творчество выдающегося писателя примирит антагонистов – как имя Пушкина во время юбилейных торжеств 1880 года. Действительно, пришли и патриоты, и либералы. Выступали через одного. В числе первых, если не ошибаюсь, Владимир Огнев, влиятельный критик умеренно либеральных

взглядов. Он высоко оценил рассказы за правду жизни, дескать, прозаик показал, что, если русского человека не отхлестать, тот ничего не сделает. Не ручаюсь за точность формулировок, но смысл был именно такой. Затем слово дали мне. Я сказал: «Последнее время немало говорят о необходимости объединения союзов. Но я не могу объединяться с теми, кто хочет отхлестать русского человека».

В ту пору либералы зачитывались повестью Василия Гроссмана «Всё течёт». Приведу цитату: «Крепостная душа русской души живёт в русской вере, и в русском неверии, и в русском кротком человеколюбии, и в русской бесшабашности, в хулиганстве и удали, и в русском скопидомстве и мещанстве, и в русском покорном трудолюбии, и в русской аскетической чистоте, и в русском сверхмошенничестве, и в грозной для врага отваге русских воинов, и в отсутствии человеческого достоинства в русском характере».

Борьба не ограничивалась словесной сферой. Наша беседа рассчитана в основном на молодых, возможно, они не знают недавней истории. Конец 80-х – начало 90-х – эпоха сепаратизма и русофобии. По окраинам Союза размахисто шагал парад суверенитетов. То и дело оборачиваясь погромами. В Баку в январе 1990-го, в Душанбе в феврале того же года.

Писатели «союзных» республик активно участвовали в сепаратистских движениях. Приводить имена можно списками, не стану. Но два имени назову. Звиад Гамсахурдия, литературовед, член Союза писателей, первый президент Грузии, и Зелимхан Яндарбиев, поэт, литературный чиновник в СССР, второй президент Ичкерии (Чечни). Оба отъявленные русофобы. Сборник стихов Яндарбиева трогательно назывался «Сажайте, люди, деревца». Сколько русских людей погубил этот любитель живой природы!

В Москве либеральная интеллигенция, в том числе писательская группа «Апрель», активно поддерживала окраинные выступления. В столице регулярно проходили многотысячные шествия «За нашу и вашу свободу!». Пресса была переполнена статьями, где русских

изображали притеснителями соседних народов, тупыми, ленивыми существами, склонными к алкоголизму.

Как в таких условиях должны были вести себя русские писатели? Валентин Распутин, Василий Белов отложили работу над художественными произведениями и публиковали злободневные статьи, выступали на Съезде народных депутатов и на вечерах «Нашего современника», собиравших стадионы. Всегда чуравшиеся политики, они вошли во властные структуры, пытаясь защитить русских людей.

Спустя тридцать лет страсти как будто улеглись. Но почитайте запальчивые выпады Натальи Ивановой, Дмитрия Быкова, и вы увидите, что пламя не погашено. Быков провозгласил: «Это не страна Александра Казинцева и Владимира Бондаренко... Это не их страна, и они не имеют на неё права, это моя страна».

Не знаю, какую страну Быков называет своей. А я ещё сорок лет назад писал о России:

*Страна моя, моя родная,
В снегу, бетоне и стекле.
И всё-таки такая земляная –
Как и положено родной земле.*

❓ – За сорок лет вы работали со многими знаковыми русскими писателями и публицистами. Кого бы вы особенно выделили среди них? Кто был вам дорог не только как писатель, но и как человек?

– Я уже называл дорогие для меня имена. Добавлю к ним Юрия Селезнёва, демографа Галину Литвинову, эколога Фёдора Шипунова, замечательного поэта-фронтовика Виктора Кочеткова, публициста Ирину Стрелкову. Конечно, Василия Белова – горячего, вспыльчивого – и тут же готового примириться, наивного в житейских делах и проникательного, когда речь шла о движениях души. Белов заходил в редакцию после заседаний Съезда народных депутатов – бледный, возмущённый той ложью, которую изливали на Россию делегаты «союзных» республик. По-моему, Василий Иванович так и не оправился от этих потрясений.

Особо скажу о Валентине Распутине. Для меня он не только живое воплощение таланта, но и образец человека, следующего заповедям Христа. Помните завет: «...Вы должны умывать ноги друг другу». Люди ввели суровые посты, строгие правила поведения, подозреваю, затем именно, чтобы без угрызений совести не соблюдать простейшие, но такие трудноисполнимые правила Спасителя: «возлюби ближнего своего», приюти бездомного и это – «умывайте ноги...», то есть не превозносите себя перед другими. Как учителю, лидеру склониться перед теми, кого он – на полном основании – считает ниже себя? Но эта гордыня от недостатка любви. А Христос воплощал в себе любовь к человеку. Её ответ отразился в душе Валентина Григорьевича.

Сколько раз мы с коллегами прилетали в Иркутск. И Распутин всегда встречал на аэродроме. А ведь самолёт из Москвы прилетает ещё затемно. И обязательно провожал – до паспортного контроля, дальше не пройти. Как-то он выхлопотал для друга-писателя премию, и тот на премиальные купил две меховые шапки. В одной щеголял в аэропорту, другую, как ему казалось, положил в багаж. И вдруг перед вылетом обнаружил, что оставил её в гостинице. Как переживал Валентин Григорьевич! Тут же связался с гостиницей, послал нарочного в город. А тот, кто вызвал переполох, знай себе важно расхаживал по залу.

Мне дороги и более личные воспоминания. Моя жена собирает морские камешки и красиво укладывает их в аквариумы с водой. Привозим отовсюду – с тёплых морей, с берегов северных рек. Ей очень хотелось полюбоваться камешками с Байкала. Прилетев в Иркутск, рассказал об этом Распутину. Когда нас вывезли на Байкал, Валентин Григорьевич вместе со мной взялся за поиски. Но на берегу лежали здоровенные булыги. На следующий день Распутин принёс из дома очаровательный брусочек бирюзы: мол, передайте супруге. На моё сомнение: «Ведь это не галька с берега» он, по-детски улыбнувшись, ответил: «А мы расколем брусочек и скажем, что нашли на Байкале».

При огромной известности Валентин Григорьевич был невероятно скромн. Как-то он

пришёл в журнал, когда никого из начальства, кроме меня, не было. Хотя я и не курирую прозу, взял принесённую рукопись. И в тот же вечер позвонил Распутину, чтобы выразить восхищение. Знаменитый писатель растрогался: «Александр Иванович, первый раз в жизни мне звонят из редакции в тот же день, как принёс рукопись». Даже сейчас: вспоминаю Валентина Григорьевича, и на душе светлеет.

❓ – Недавно был ещё один юбилей – 90 лет со дня рождения Вадима Кожинова. Каким вы запомнили Вадима Валериановича? Насколько актуален Кожинов сегодня? Поделюсь одним своим соображением, не знаю, насколько вы согласитесь со мной. На мой взгляд, Кожинов, Палиевский, Лобанов ценятся той частью литпроцесса, которую можно условно назвать «патриотической», в основном за свои общественные взгляды и за верность русской идее. А другая часть литпроцесса, по сути, вообще не интересуется их наследием. Тогда как эти критики – вершины, вполне сравнимые с Белинским, Григорьевым, Страховым, Розановым, Бахтиным. Придёт ли время осмысления их творчества? Все они были постоянными авторами «Нашего современника». На какие их работы вы советовали бы сейчас обратить особенное внимание?

– Если до сих пор я не говорил о Вадиме Кожинове, то лишь потому, что ждал от вас вопроса о нём. Вадим Валерианович сыграл огромную роль в становлении журнала, сравнимую с ролью главных редакторов С. Викулова и Ст. Куняева. Молодые ребята, которых он привёл в «НС» в начале 90-х, называли его «генеральный секретарь». Он привлёк к сотрудничеству видных мыслителей и учёных, подсказал множество тем, предложил к публикации ценнейшие архивные материалы. И конечно, способствовал существенному обновлению редакции. Вадим Валерианович говорил мне: «Делайте ставку на молодых. Состоявши-

еся авторы уже сказали то, с чем пришли в литературу. Нового слова можно ждать именно от молодых».

Он и меня привёл в «Наш современник», правда, на десять лет раньше, чем свою «молодую гвардию». И потом поддерживал советами, предложениями совместной работы. Вадим Валерианович хотел, чтобы я написал несколько статей для книги по истории XVII–XIX веков, которой собирался закрыть временной пробел в своём многотомном исследовании русской истории. К сожалению, из-за моей медлительности замысел не осуществился.

Мне особенно дорого кожиновское предисловие к книге «Россия над бездной. "Дневник современника" 1991–1996», где знаменитый критик высоко оценил мои аналитические и литературные способности: «Чем замечательна сегодняшняя публицистика Александра Казинцева, привлёкшая внимание, вызвавшая такой интерес, если угодно, очаровывающая читателя? Прежде всего тем, что злободневность, постановка самых животрепещущих проблем сочетается в его произведениях с широким пониманием всего исторического развития России и мира».

Один известный литератор заметил, что значение критика определяется тем, какого писателя он сокрушил. Понятно, литературу нужно чистить от дутых авторитетов. Но насколько плодотворнее умение открыть писателя, показать его своеобразие и значимость. Именно таким был основной дар Вадима Кожинова. Показательна его книга «Статьи о современной литературе», выпущенная издательством «Современник» в 1982 году. В неё вошли статьи о В. Шукшине, В. Белове, В. Соколове, Н. Рубцове, А. Прасолове. Отличный подбор имён, скажете вы – это действительно лучшее, что было тогда в литературе. Но значение книги в том, что статьи были написаны, когда авторы только начинали свой путь. Кожинов откликнулся на первую книгу В. Белова, первую книгу В. Шукшина. Он пронизательно отметил, что шукшинский рассказ «Стёпкина любовь» «принадлежит к настоящему искусству». Примечательно, что Вадиму Валериановичу пришлось отстаивать

высокую оценку в полемике с известным критиком, который камня на камне не оставил от произведения начинающего писателя.

Счастлив, что мне удалось напечатать рецензию на книгу Кожина. Остановлюсь на этом чуть подробнее, потому что ситуация характеризует положение дел в тогдашней литературе. После скандала со статьёй «И назовёт меня всяк сущий в ней язык» Кожин на какое-то время стал «непубликабельным». И вот в начале 1983-го мне звонит Г. Красухин, влиятельный сотрудник «Литературной газеты», и предлагает написать рецензию на книгу Кожина. «Не пропустят», – усомнился я. «Пропустят. Принято решение вернуть Кожина в литературу», – заверил Красухин. В те годы публикация в официозной «Литгазете» означала «воскрешение» опального литератора.

*Кому быть живыми хвалимым,
Кто должен быть мёртв и хулим,
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.*

Рецензию в «Литературке» так и не напечатали. Она вышла в конце 1983-го в скромной «Литературной России». Надеюсь, она хоть в какой-то мере помогла «реабилитации» Кожина.

Возвращаясь к вашему вопросу, в частности к словам о замалчивании таких критиков, как Кожин, Лобанов, Палиевский, приведу любопытное высказывание. Оно принадлежит Павлу Литвинову, который наряду с Аликом Гинзбургом считается основоположником диссидентского движения в СССР. Кстати, Кожин, человек поистине разносторонних интересов, был знаком с обоими. Литвинов сказал о Кожине: «Этот человек заслуживает памяти, потому что он был замечательным энтузиастом».

Представляете, первый советский диссидент, безусловный идейный противник Вадима Валериановича, отдаёт ему дань уважения. А коммунистические начётчики, все эти доктора и кандидаты, въехавшие в науку на цитатах Ленина и Маркса, доказывая свою приверженность либерализму, пробудившуюся в них ак-

курат в 1991 году, пытаются замолчать, а то и выдавить из истории литературы выдающегося критика и мыслителя!

❓ – Поговорим о сегодняшнем дне. Я прекрасно знаю, насколько большое внимание уделяет журнал молодым авторам, потому что и сам попал в журнал благодаря этому. Расскажите о «молодёжных» номерах «Нашего современника». Как давно они выходят? Кто за это время стал постоянным автором журнала?

– Вы говорите о журнале. Кожин научил меня называть конкретные имена. Ни в коем случае не принижая роли редакции. Публикуя молодых, она уже одним этим значительно повышает их статус. Напечататься в журнале Распутина и Белова огромная честь. Но прежде чем стихи или рассказ появятся на страницах, кто-то должен прочесть их в рукописи, отобрать, поработать с автором, втиснуть в под завязку забитый план номера, а после публикации привлечь к ним внимание критиков, издателей, организаторов конкурсов. Это делает не журнал – конкретный человек, имеющий фамилию и имя. И от того, насколько ответственно и настойчиво он выполняет эту работу, зависит успех начинающего автора и в конечном счёте успех журнала.

«Наш современник» начал печатать молодёжные подборки с 2005 года. Первая была сформирована по итогам совещания в Переделкине. Выразительная деталь – в совещании участвовал Захар Прилепин, но тогдашние сотрудники отдела прозы отобрали не его, а некоего Фуфлыгина. Кстати, годом ранее я привёз с семинара в Липках повесть Захара «Патологии» и предложил её отделу прозы, мне ответили: «Да у нас таких полно». В итоге Прилепин дебютировал не в «Нашем современнике», а в «Севере», повесть перевели на множество языков, молодой автор стал знаменитым.

В 2007-м именно Захара я попросил представить молодых. Он собрал великолепный номер из писателей своего поколения – Андрей Рубанов, Александр Карасёв, Ирина Мамаева, сам Захар.

С 2008-го молодёжные выпуски формирую я на основе семинаров в Липках. Первоначально печатали в основном молодых поэтов – Елизавету Мартынову, Марию Знобищеву, Карину Сейдаметову, Кристину Кармалиту. С 2014 года настало время прозы: Андрей Антипин, Елена Тулушева, Дмитрий Филиппов, Юрий Лунин, Андрей Тимофеев. Кого мы печатаем сегодня, покажет очередной молодёжный номер. Он выходит на днях. Хорошего чтения!

? – Я благодарен вам за то, что в 2016 году вы опубликовали мою статью о «новых традиционалистах», которые там довольно громко были названы «будущим русской литературы». Как вы сейчас оцениваете это явление? Может быть, то была с моей стороны лишь молодая горячка и стремление выдать желаемое за действительное? Состоялись ли «новые традиционалисты», на ваш взгляд, и есть ли у них будущее?

– Я смотрю на новое поколение не так масштабно, как вы. Станут ли «новые традиционалисты» «будущим русской литературы» мы узнаем десятилетия спустя. А то и вовсе не узнаем. Всё зависит от вас.

А пока скажу: ребята, вам фантастически повезло! Нашлось несколько талантливых прозаиков примерно одного возраста, а это уже литературная группа. Нашёлся идеолог, объявивший об их общности. Это я о вас, Андрей. Нашёлся редактор и журнал, готовый вас печатать. Все козыри на руках.

О «новых традиционалистах» пишут академические «Вопросы литературы». Того и гляди начнут защищать диссертации. В разговоре со мной Ольга Брейнингер, американская писательница, родившаяся в России, обмолвилась о молодом авторе: «Эта проза ближе к “новым традиционалистам”». Видите, о вас уже за океаном знают! В нынешнем году Русский культурный центр в Париже представил серию видеоматериалов об Антипине, Тулушевой и о вас. Писать бы да писать! Но меня тревожит спад творческой динамики. Андрей Антипин давно не публиковал повестей. Его миниатюры

хороши, но это только миниатюры. Дмитрий Филиппов уверяет, что пишет роман, но издает публицистику. Да и вы, Андрей, после «Пробуждения» ничего крупного не написали. Что случилось? Откуда эта творческая немощь при блестящих, казалось бы, перспективах?

Возможно, проблема в читателе. Точнее, в его отсутствии. Об этом прямо говорит Андрей Антипин в «Живых листьях». Можно ли создать литературу, не имея читательского отклика? Даже у русской эмиграции первой волны была небольшая аудитория. А вот у второй её не было, и ничего крупного она не создала, хотя авторы были талантливые (Иван Елагин).

Возможно, это какие-то внутренние проблемы – у каждого свои. Но если вы замахнулись так широко («будущее русской литературы»), этому надо соответствовать.

? – Каковы перспективы толстых журналов в России? Каковы перспективы «Нашего современника»?

– Не стоит специально выделять толстые журналы. А книжные тиражи не падают? Вся литература в беде. Вы, наверное, не застали, а я помню:ходишь в вагон метро – все уткнулись в книги. Сейчас не вылезает из смартфонов, но загляните: читают единицы, большинство либо играют, либо переписываются. В киноиндустрии положение вроде бы лучше. Но уберите миллиардные программы поддержки, и российское кино исчезнет. Происходит деградация культуры. Расчеловечивание человека. Возможно, толстые журналы исчезнут. Но, боюсь, вместе с цивилизацией.

? – Вы много лет вели в журнале рубрики «Дневник современника», «Поезд убирается в тупик», «Менеджер Дикого поля», где рассуждали о проблемах нашего общества. Последняя из ваших опубликованных статей называлась «Новая ненормальность» и была посвящена «карантинным» событиям. В связи с этим вопрос, на который, может быть, трудно ответить кратко, но всё-таки. Каким вы видите ближайшее будущее

России? Есть ли позитивные явления, с которыми связаны ваши надежды?

– Не путайте: «Дневник современника» – авторская рубрика, которую я вёл в журнале с 1991 года. Печатал отклики на самые острые проблемы страны. А «Менеджер Дикого поля», «Поезд убирается в тупик» – циклы статей под этой рубрикой. Последний я так и не завершил, хотя оставалась всего одна статья. Внезапно ощутил, что потерял своего читателя. Наверное, есть несколько десятков тех, для кого я писал, – интеллектуалов, ценящих не нахрап (невзыскательная публика путает его с эмоциональностью), а аргументы, не туманные отсылки к конспирологии, а точные факты – поэтому в моих работах так много ссылок на источники, чтобы читатель мог всё проверить сам. Проверить, обдумать, решить, на чьей стороне правда. Недавно получил письмо, где автор посмеивается над моими ссылками. Такая добросовестность кажется ему устаревшей. Деталь, характерная для нашего времени.

Я читаю множество статей – публицистика, политология. И обязательно просматриваю отклики, это своего рода социологическое исследование. Обычно уже после третьего-четвёртого о теме забывают и начинаются взаимные обвинения, порой матерные. В обществе царят нетерпимость и воинствующий антиинтеллектуализм.

Можно ли построить будущее на такой основе? Будущее надо проговорить – в спорах,

дискуссиях, столкновениях мнений. Такую возможность сегодня искореняют и на личном, и на общественном уровне. В результате у России нет образа будущего. Провозглашают равенство на прошлое. На официальном уровне это «скрепы», на бытовом – люди просто тянутся к тому, что было. Запомнился комментарий: как хорошо было в Советском Союзе, может, мы ещё отыщем дорогу в прошлое...

По-человечески понять можно. Однако в ситуации, когда мир движется вперёд – к новым технологиям, новой организации работ (та же удалёнка), новым общественным отношениям (прямая демократия, совместное управление предприятиями с участием профсоюзов), стремиться в прошлое опасно. По сути, это означает добровольно уйти из истории.

В таком случае – откуда возьмётся будущее? Но это пока ещё (подчёркиваю – пока) не означает, что у России будущего нет. Всё зависит от наших усилий. Я много лет бьюсь, доказывая: решающий фактор – самоорганизация масс. А мне в ответ: да что мы можем сделать? Синдром выученной беспомощности страшнее всего. К счастью, появляются первые признаки социального пробуждения – самоорганизация в Екатеринбурге, Шиесе, Хабаровске. За будущее надо бороться.

❓ – Каковы ваши личные творческие планы? Над чем вы сейчас работаете? Есть ли какие-то крупные статьи или книги в планах?

– Я долго раздумывал: для кого писать? Если массовый читатель потерял способность воспринимать рациональные аргументы, к кому обращаться? К Господу Богу? Он и так знает всё. Постепенно пришло мужество отчаяния – писать несмотря ни на что. Я решил возродить рубрику «Дневник современника». Статья «Новая ненормальность», о которой вы упомянули, первая напечатанная под ней. А там, глядишь, и читатель появится. Те же хабаровчане. Или люди, которые придут вслед за ними.

Беседовал Андрей ТИМОФЕЕВ

Моя скрытая суперсила

Середина февраля. Дворник чертит вдоль дома песчаную полосу. По ней можно ходить, всё остальное пространство принадлежит сугробам, закованным в блестящую хрусткую корку. Но небо уже поменяло цвет. Долгожданное солнце карабкается всё выше. Оно согревает ветер, топчет снег, обжигает мои глаза. Счастье для перезимовавших – долгожданный кошмар для меня.

Это происходит второй год подряд. Ещё нет ничего, на что можно подумать, – ни пыли, ни пыльцы. Но глаза болят и слезятся; веки набухли, как почки, натянутая кожа ярко-розова, вот-вот треснет.

Я не ем ничего такого и ничего такого не пью. Может, причина в химикатах, которые дворник так щедро сеял всю зиму? Теперь солнце мощно взялось вытапливать соль из подножной мути, которой перемазан весь город. Но почему я так чувствительна к этому? Почему другие не страдают, если мы дышим одними и теми же испарениями?

У меня нет никаких догадок, что со мной творится. Знаю только, что это очень больно, выглядит стрёмно и как-то связано с приближением весны. Я боюсь смотреться в зеркало – и заглядываю туда каждый час, в надежде, что отёк хоть немного спал. Прикладываю столовые

ложки, охлаждённые в утробе холодильника, к пылающим векам. Бесполезно. Если оно началось, то минимум на неделю я – китаянка. Скоро всё это начнёт шелушиться, а я не смогу терпеть – буду трогать, ощупывать, отщипывать крошечные кусочки кожи, рискуя оставить рубцы и «занести новую заразу».

Пятый день пропускаю школу, вру учителям и одноклассникам, что у меня ОРВИ. Кому какая разница, чем я болею на самом деле. Мне ведь правда больно, я не симулирую! Дурацкий голос внутри презрительно шепчет: «Подумаешь, глаз припух! Люди на ледоколах в минус шестьдесят покоряют новые континенты...» У меня нет сил покорять новые континенты. Всю свою энергию я потратила, убеждая родителей написать и отнести классной объяснительную записку.

Лучше приврать, чем показаться в школе с этим. Там ведь не будет пощады. Сопли, кашель – неприятные, но привычные симптомы, бывают у всех (поржать и отпустить). Распухшие веки – нечто из ряда вон (затравить, осмеять, распнуть). Такие глаза бывают у алкашей или у тех людей, что роются в помойках. Их обветренные, багровые лица выглядят жалко и страшно одновременно. Не хочу думать, что я теперь – как они. Я не напивалась и не засыпала в сугробе, но одноклассникам поди докажи.

Глаза болят, нос болит, губы потрескались и тоже болят. Но руки-ноги работают, сидеть дома невыносимо. Тянет сходить куда-нибудь, хоть в магазин во дворе, который виден из окна, с синей крышей. Спускаюсь с пятого этажа; в нашем доме нет лифта, каждая вылазка подбавляет бодрости. А мне надо взбодриться.

Иду по улице и понимаю, каким свежим, сухим и просторным стал предвесенний воздух! Гуляла бы и гуляла, до самого заката. Но, во-первых, могут увидеть и спросить – чего это ты не в школе, а гуляешь? Во-вторых, хищное солнце, как только я ступаю на его территорию, достаёт свой скальпель и тянется к моим векам. Тончайшие лезвия надрезают кожу; начинает пощипывать, начинает ныть, начинает гореть. Надвинув вязаную шапку до самых бровей, прыгаю через грязевые ванны асфальтовых проталин, несусь под магазинный

козырёк. В спасительной тени снова обращаю лицо вверх: небосклон совсем уже мартовский. Нежно-молочные, полупрозрачные завитки стремительно текут на запад, туда, где горизонт заштрихован угловатыми силуэтами оголённых деревьев. Увижу ли, как лес позеленеет? Или мои глаза к тому времени опухнут до такой степени, что веки сростутся? Вдруг я совсем ослепну? Волна саможалости накрывает меня, как порыв пронзительного восточного ветра. Захожу внутрь магазина, протягиваю продавщице деньги и рыдаю. Выглядит так, словно мне страшно жаль расставаться с этой сотней, но хлеб и молоко нужнее.

Продавщица удивлённо пялится на меня. Возможно, вспоминает новостные сюжеты о домашнем насилии. Я кажусь ей несчастным подростком, которого годами удерживали в подвале (иначе откуда такое лицо?). Однако она не говорит ни слова (боится связываться с моими взрослыми). Молча подаёт мне то, что я прошу, отсчитывает сдачу. Сейчас я повернусь спиной, она нажмёт красную кнопку под прилавком, сбегутся спецназовцы – спасти меня. Но мне больше не хочется быть объектом чьего-то героизма. Сгребая мелочь в горсть и ухожу, прижимая к груди шуршащий пакет с ещё теплым хлебом и булькающим прохладным литром молока.

Всё, чего я хочу, – вернуться в свою комнату без приключений. Но увы: на первом этаже меня подлавливает соседка, тётя Лида. Она высока, толста, очень разговорчива – не в пример продавщице – и наблюдательна. Тётя Лида работает в банке, выдаёт людям кредиты, но ей кажется, что она обладает достаточными врачебными компетенциями, чтобы поставить мне диагноз. «Что-то кожное», – говорит она, преграждая мне дорогу. Не могу ни обойти, ни уклониться от неё, руки заняты пищевой ношей. «Сходи в кожвен, покажись доктору». – «Куда?» – «В кожвендиспансер. Там всё скажут. Нельзя так оставлять, само не пройдет».

Кожвен. Это слово страшнее, чем любой другой диспансер. Оно знакомо мне из глупых сценок КВНа, из трёпа старшеклассников. Про одну из десятого «Б» у нас так говорили: «Не

обнимайся с Веркой, на ней уже пробу ставить негде, в кожане загремишь!» Верка перешла в другую школу, а шутка осталась. Не понимаю, как можно ставить пробы – это же вроде тех, что мы делали на химии? – на человека. Если так поступают в кожане, я туда ни за что не сунусь. Да и вообще, как говорят бабушкины подруги, это не больница, а притон проституток и наркоманов. Я вежливо улыбаюсь тётё Лиде, протискиваюсь между ней и стенкой, испитанной любовными посланиями к «Иванушкам International», и бегу наверх.

Но тётя Лида так просто не сдаётся. Работа по выдаче кредитов сделала из неё человека с железным характером. Вечером она звонит моей маме и пытается вразумить её, словно имеет на это право. Мама краснеет, вздыхает, вставляет фразы типа: «Я подумала, это просто диатез», «Ну какие оральные контрацептивы, 13 лет ребёнку!», понуро угукает. Наверно, после такого мама наденет на меня паранджу, чтобы я больше не позорила её перед людьми. Или вообще запретит выходить на улицу до полного выздоровления – то есть навсегда. Эта мысль подстегнула мои воспалённые железы; слёзная соль заструилась по мелким кожным трещинкам, зашипала, как яблочный уксус.

Вопреки моим ожиданиям, мама ничего такого не сказала про паранджу и затворничество, а только протянула мне бумажку с номером телефона: «Регистратура. Позвони сама завтра с утра, запишись. Василий Викторович, зав. отделением, от Лидии Алексеевны».

Откуда сама Лидия Алексеевна знает Василия Викторовича? Что она у него лечила? В другой ситуации я бы обязательно задалась этим вопросом. Пошлые шуточки и пикантные догадки не чужды мне и моему пубертатному окружению. Узнай об этом учительница литературы, которая считает меня ангелом во плоти, у неё случился бы инфаркт. Но сейчас мне больно даже дышать, не то что лишний раз говорить «всякую ерунду». Я покорно киваю и кладу бумажку между страниц недочитанного «Сильмариллиона». Какое мне теперь чтение.

Наталья КАЛИННИКОВА

Родилась в 1986 году в городе Жигулёвске Самарской области. С 2010 года живёт в Москве. Писательница, преподаватель, редактор, филолог. Окончила филологический факультет Тольяттинского государственного университета в 2008 году (специалитет), в 2019 году – магистратуру «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ (г. Москва, дипломный руководитель – М. Л. Степнова, академический руководитель – М. А. Кучерская).

Публиковалась в журналах «Юность», «Формаслов», «Дистопия», «Пашина», «Незнание», «Тетрадь в линейку» и др. В качестве редактора и копирайтера работала с Яндексом, Ростелекомом и Сколково.

Соавтор курса «Автобиографический рассказ» (НИУ ВШЭ, CWS).

Соавтор сборников «Мама, у меня будет книга! Как научиться писать в разных жанрах и найти свой стиль» (БОМБОРА, 2020); «Молодой Горький» («Пятый Рим», 2020; отрывок можно прочитать на сайте «Год литературы»); «Хранители времени» (Rideró, 2019).

Просыпаюсь, не могу открыть глаз: засохшая слеза склеила ресницы. Иду в ванну на ощупь. Долго бережно оттираю веки махровым полотенцем, смоченным в воде. В тёплой ванной так приятно, я бы провела здесь целый день. Но в регистратуру надо звонить ровно в восемь и ни минутой позже. Иначе шанса записаться не будет, только выговор от дежурной. Но что я скажу? Она ведь не станет выслушивать полный набор моих симптомов. Ей надо сразу обозначить суть, иначе зарычит и бросит трубку.

Восемь ноль пять. Пора. Сердце прыгает, ударяясь то об пятки, то об горло. Может, там сегодня выходной? Вот бы...

– Регистратура!

– Здравствуйте. У меня... вопрос.

– Говорите!

– Я бы хотела записаться к доктору, который по кожным вопросам.

– У нас много докторов, кто конкретно?!

– Мне... – неужели я это всё-таки произнесу? – Мне к Викентию Васильичу.

– Василий Викторович расписан на месяц!

Фух, пронесло; через месяц он мне уже будет не нужен, всё само пройдёт, ведь так бывало. Палец тянется нажать «отбой», но трубка вдруг раздражается удивлённым воплем:

– А, нет, девушка, есть! Сегодня в шестнадцать окно! Записываю?!

О-о-о-о, нет. То есть да, конечно. Почему я всегда соглашаюсь с тем, чего на самом деле не хочу? Кому это надо? Мне. Я ведь хочу выздороветь. Но мне не надо такого, чтобы соседка позвонила маме, узнала об отказе, а потом выпросила у своего ненаглядного доктора, что место всё-таки было, а я просто струсил! Это будет позорище. Поэтому я записываюсь, по полной. Фамилия, имя, год рождения, рост и вес.

Завтракаем с бабушкой. Сырники с джемом, любимые. Она всё-таки жалеет меня, хоть и не подаёт виду, чтобы я «не развела нюни».

Пытаемся выяснить, где находится кожвен. Бабушка настаивает, что в медгородке, за роддомом; мне кажется, там вообще нет такого здания. Устав со мной спорить, бабушка набирает рабочий номер тёти Лиды (у неё есть

номера всех соседей, на всякий пожарный). Тётя Лида в пух и прах разбивает бабушкину теорию. Конечно, кожвен переехал. Теперь он располагается в одноэтажном кирпичном здании, где когда-то была станция переливания крови. На окраине центра, в квартале, который в народе зовётся «немецким». Те уютные двухэтажные дома с небольшими балконами, с колоннами и лепниной, когда-то построили пленные немцы.

В тех домах живёт всё руководство нашей школы. Директор с женой-библиотекаршей, мать директора (географичка) и, конечно же, завуч, Ирина Николаевна. Ещё там живут учителя из центральной школы искусств. А я окончила основной курс фортепиано всего год назад. Меня ещё не забыли.

Я живо представила себе, как вся эта компания возвращается домой – вдруг у них сегодня короткий день, – и тут им на пути попадаюсь я. Опухшая, розовая, просто гуляю возле кожвендиспансера. Допустим, директор меня не узнает, библиотекарша тоже, старая географичка подслеповата, а вот завуч... Она сразу всё поймёт. Это профессиональное – сразу всё понимать про своих подопечных. У Ирины Николаевны сверхчувствительность ко всякой лжи, ко всякому лицемерию. Даже если оно ничтожно, как брякнуть скверное словцо, не подозревая, что тебя сдадут. О, как она орала на меня тогда, в шестом классе! Вызвала к себе посреди урока, усадила на бордовый бархатный стул. Встала надо мной, трясла своими короткими искусственными кудрями, и заревела белугой. Я всё никак не могла взять в толк, что случилось. Оказывается, я совершила вопиющий проступок – назвала душой «ту девочку».

«Та девочка» была проблемной «переведённой», конфликтовала со всеми подряд – не только с обидчиками-одноклассниками, но и с защитниками-учителями. Что называется, нарывалась. Вот я и обронила в приватной беседе, что она дура – ну а кто ещё, если выпендривается даже перед теми, кто пытается ей помочь? Единственное это слово поставило на мне вечное клеймо в глазах Ирины Николаевны. Я встроилась во вражий строй тех, кто травил «ту девочку» ежедневно, выбрасывал из окна её

портфель, лепил ей жвачку в волосы... Выходит, разочаровать Ирину Николаевну ещё больше я не способна. Куда уже ниже – всё, плитус. В каждой девочке старше десяти, вздумавшей нарисовать ногти или, не дай бог, ресницы, Ирина Николаевна своим рентгеновским зрением видела гнилую душу. По идее, она должна быть морально подготовленной к тому, что эти девочки рано или поздно окажутся в кожвене. Но... я же всё-таки хочу доучиться. А если она заметит меня в таком месте, то сделает всё, чтобы я навсегда покинула её школу. Так сделали с Анечкой из 9 «В». Когда узнали, что она залетела, её по-тихому вынудили забрать документы. Никто не знает, что с ней потом стало. Я так не хочу.

Поэтому я иду в свою комнату и тру мои бедные глаза изо всех сил. Подзажившие частички кожи расползаются, обнажая свежие ранки. Раскрасневшись пуще прежнего, иду к бабушке. «Что-то мне поплохело, – шепчу я спёкшимися губами. – Может, отменить запись? Дома отсижусь».

Бабушка отвечает, что это вздор, что надо идти, а то вообще всё лицо сгниёт. Она достаёт градусник, резко встряхивает его, заталкивает мне под мышку. Результаты физических измерений моего тела показывают, что я могу не только самостоятельно доехать до кожвена, но и «пахать, как молодая кобылка». Если бы у кобылки были такие же заплывшие глаза, ни один конюх не погнался бы её в поле. Но бабушка неумолимо отсчитывает сорок рублей на проезд – двадцать туда, двадцать обратно, и чтобы в пять была дома.

Мне казалось, что корпус кожвендиспансера должен быть похож на военные госпитали в старых фильмах. Сквозь разбитые форточки доносятся стоны больных; возле рухнувшего крыльца толкуются бродяги, прикрывают ветoshью обезображенные части своих измождённых тел. Но это оказался просто длинный тихий дом советской постройки. Какой-то мужик в форме медбрата курит за углом, больше – никого. Наверно, толпы страждущих кишат здесь по утрам, а сейчас расползлись по своим убежищам. Подожду, пока медбрат докурит, чтобы

зайти внутрь абсолютно инкогнито. Останавливаюсь на противоположной стороне улицы и делаю вид, будто просто кого-то жду.

Тут подъехал автобус, из него вышла низенькая женщина в жёлтой меховой шапке. Отряхнула пальто и чинно двинулась в глубь немецкого квартала. Она шла такой знакомой походкой, неумолимо превращаясь в мою бывшую учительницу по сольфеджио. Только не это! Я не видела её с самого выпуска, почему именно сейчас? Да, она где-то тут живёт, но что, обязательно идти домой вот прямо по этой улице?

Я решила срочно перейти дорогу, наплевав на медбрата. Не сомневаюсь – он на всю жизнь запомнит странную девочку, которая с глупым видом мечется туда-сюда и никак не решается войти в диспансер. Но мне уже пофиг. Я спасаю свою отёкшую личность от неминуемого позора.

Перейти дорогу мешает здоровенная грязная лужа. Я стала её обходить, но тут, как назло, из переулочка выскочила ревущая «скорая». За ней – ещё три машины, пристроившиеся как бы между делом, типа они не нарушают, а тоже спешат. Пока вся эта кавалькада проезжала мимо меня, притормаживая перед грязевым бассейном, учительница по сольфеджио подобралась совсем близко. Я уже могу различить оттенки её помады.

В последнее мгновение кидаюсь через улицу, едва не наскочив на капот притормозившего автомобиля. Учительница оборачивается. Бегло оценив дорожную обстановку, она сбавляет шаг и прижимается к самой дальней кромке расчищенного тротуара. Чуть ли не в сугроб лезет, чтобы быть подальше от машин. Помню-помню, она рассказывала, как боится лихачей, которым бы только права купить. Аккуратно переступая через крупные отколотые ледышки, уходит восвояси.

Она меня не узнала. Видно, моё бедное лицо распухло до неузнаваемости. Но это меня и спасло.

Меж тем на часах уже пятнадцать минут пятого. Если сейчас встану в очередь в регистратуру, чтобы завести карточку, это займет ещё минут десять. Получается, я подойду к кабинету врача всего за пять минут до окончания

своего приёма. Поняла, что не хочу выслушивать ещё один сердитый выговор. Мне на сегодня хватило воспоминаний о завучихе и разведённой сольфеджистке.

Немного прогулявшись по центру, чтобы убить время, еду домой. Говорю бабушке, что врач ничего не понял и никакого рецепта не выписал. Он вообще торопился и даже толком меня не осмотрел. Вот вам и рекомендации знакомых! Это едва ли не первый случай, когда я так откровенно вру бабушке. Да ещё и с такими красочными, обвинительными подробностями. Но я договариваюсь с собой, что это как раз тот случай, когда ложь во благо. Так будет проще для всех, особенно для бабушкиных нервов.

Я не догадывалась, какие последствия это повлечёт. Через день мама взяла отгул, мы встали в шесть утра и поехали на маршрутке в областной центр к частному врачу-аллергологу на платный приём.

Платный врач-аллерголог понял всё и сразу. Не пришлось даже сдавать анализы. Он, вернее, она, приятная тётенька средних лет, просто посмотрела на то место, где на моём лице когда-то были глаза, и сказала:

– Атопический дерматит.

Она ещё долго объясняла нам, что к чему; половина слов были непонятными, но суть я уловила. Случай редкий. Никто никогда толком не изучал причины возникновения, поэтому лекарства как такового нет. Это генетическое, стало быть, не лечится. Я плакала от обиды на такую подлую жизнь, но делала вид, будто глаза просто сами собой слезятся.

– Но можно облегчить симптомы, – резюмировала аллерголог и написала на квадратном бумажном листочке названия каких-то препаратов. Потом она рассказала мне, как надо ухаживать за кожей, чтобы «минимизировать ри-

ски». Я почувствовала себя так же странно, как на приёме у стоматолога, который в прошлом году учил меня заново чистить зубы – будто я двенадцать лет делала это неправильно. Но всё же я ощутила внутреннюю благодарность к этой женщине. Она хотя бы разубедила меня в том, что я мутант. Только весной и только если не пользоваться специальным кремом и не пить противоаллергенные таблетки.

Крем оказался не таким уж приятным, как я ожидала. Он белёсый и непрозрачный – сколько ни втирай, остаются крупитчатые полосы. Зато он правда работает – солнце больше не впивается мне в веки, а отскакивает от них. Магия!

Глаза постепенно заживают и вскоре делаются обычными, как раньше. Но я продолжаю пользоваться кремом до конца апреля, пока солнце не вытопит весь снег и не успокоится. Чтобы не было жирного блеска, припудриваю лицо светло-бежевой пудрой. Я купила её в обычном магазине, где на одном прилавке были навалены колготки, трусы, кухонная утварь и дешёвая косметика. Продавщица спросила, не ругают ли нас в школе за то, что мы красимся. Её дочку вот ругают, хотя ей уже пятнадцать. Я ответила, что, конечно, да – и не просто ругают, а орут и заставляют идти в туалет, смывать всё холодной водой с хозяйственным мылом. Продавщица сочувственно ойкнула. «Но мне можно», – успокаиваю её. Благодаря атипическому дерматиту я могу даже пользоваться тональным кремом, и мне за это ничего не будет. Это мой защитный экран от всего.

«Какая симпатичная стала!» – сказала мне тётя Лида, подловив меня в подъезде вскоре после того, как отёк спал и моё лицо ко мне вернулось.

Спасибо, но что значит «стала»? Я такая всегда и была.

Екатерина ГОДВЕР (БОГОМОЛОВА)

Родилась и живёт в Москве. По образованию – клинический педагог-психолог, мастер FIDE по шахматам среди женщин. Пишет стихи и прозу. Участник очных туров «ФилатовФеста» (2020), лауреат II степени IV международного конкурса «Верлибр» (2020), победитель IV конкурса проекта «#тожепоэты» (2020).

В деталях

1. ОСЕНЬ

Ощерился невырубленный лес
Скелетами отцветших колоколен;
Травы – по пояс, грязи – по колено,
Вокруг следы ботинок и колес,

А в них черна вода и небо стынет,
Ложатся листья золотом сусальным.
Бьёт о кремень господнее кресало,
Горит закат бездумно и бездымно,

Языческую охру льёт на крыши
И киноварью мажет полустанки.
Болота под белилами тумана
Обманчиво недвижны, тихо дышат.

Но в сумерках, кряхтя по-человечьи,
Сосна к другой склоняется сосне
И шепчет ей о снеге, и весне,
И тучах, навалившихся на плечи.

2. ЖИЛ И РАБОТАЛ

В этом доме жил и работал,
До зелёных чертей бухал,
Ждал зарплату и ждал субботу,
Строил карточный Тадж-Махал,

Строил планы, не знал покоя.
Дослужился и заслужил.
И наградой ему – скупое:
«Здесь родился, работал, жил...»

Буквы крупные, чёткий профиль
На граните. И строгий взгляд.
Трудовая его Голгофа
Обвалилась пять лет назад.

Или – двадцать. А может – сорок;
Неизбежность берёт своё.
Век табличек и книжных полок –
Как поломанное цевьё...

Он, возможно, хотел иного:
 Чтоб без дури и дураков;
 Чтобы школьнице длинноногой
 Не выспрашивать, кто таков,
 У смартфона в кредит за двести;
 Чтобы – к звёздам, к иным мирам...
 Но табличка висит на месте,
 Лишь отколот гранитный край.

3. ТЕТРАДКА

Петька нашёл за печкою тетрадку
 по географии:
 Контурсы континентов.
 Двойки – карандашом...
 Ясно, что география – дело совсем
 не графское,
 Но и, увы, не Петькино; мал для неё ещё.
 Мир, как и Петька, маленький: сложен
 в тетрадку тощую,
 Скреплен по сгибу степлером – тем до сих
 пор и жив.
 Петька его раскрасил бы яблоневыми
 рощами,
 Но не нашёл фломастеров: ножницы да ножи,
 Спички – в штормовке папиной, вместе
 с буржуйским «Ротмансом»...
 Петька на печке греется, тлеет искра внутри.
 В акте миросожжения есть элемент
 перформанса.
 Петька однажды вырастет. Может быть,
 повторит.

4. 13

Дьявол в деталях. Дьявол отнюдь не глуп;
 Как ни пытайся – задорого не продаться.
 После полуночи стрелка скользит во мглу,
 Мимо понятных правил – к числу тринадцать
 В час неучтённый: незавершённых дел,
 Встреч и несостоявшихся разговоров...
 Время конечно. Короток каждый день,
 Древо познания дарит плоды раздора:
 Дьявол в деталях... Чёрт в табакерке спит,
 Розовый кулачок подложив под щёку.
 Стрелка скользит и, свой завершая сплит,
 Входит в сегодня, чем-то недобро щёлкнув.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Родился в г. Саратове в 1988 году. В 2010 году окончил биологический факультет Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, в 2014-м – заочно аспирантуру. Кандидат биологических наук. Работает доцентом кафедры морфологии и экологии животных и заведует зоологическим музеем СГУ. Публиковался в литературных журналах «Волга. XXI век», «Европейская словесность», альманахе «Радуга-XXI». Участвовал в совещаниях молодых литераторов в г. Ульяновске (2018–2019) и Всероссийском литературном фестивале имени Михаила Анищенко в г. Самаре (2020).

ДОРОГА НА СЕВЕР

ПИСЬМО С БЕЛОГО МОРЯ

Считайте, вам письмо прислал.
 И в нём скажу легко и смело:
 Я тишины такой не знал,
 Как в октябре на море Белом.
 Причудлив облик. Молчалив.
 Оно задумчивость рождает:
 Чуть плещет, празднуя прилив,
 И сонно в дали отступает.
 А мы? Живём. Не тратим слов,
 Гусей считаем поголовье.

Ждут вечерами колка дров,
Очаг и низкое зимовье.
Порою – отзвуки тоски:
Дождей плетутся часто нитки,
И прячет осень в сундуки
Берёз дырявые накидки.
Весна, тепло придут? О да!
Но понял я: неторопливо
И... неизбежно, как вода,
С утра ушедшая с отливом.

ПЕТРОГЛИФЫ

Прибой, беснуясь, рокотал,
Врезаясь в каменные плиты.
Жил человек у хмурых скал,
Была эпоха неолита.
И, полон первобытных сил,
Под шкурой расправляя плечи,
О камень камнем бил и бил,
Чтоб жизнь свою увековечить.
Теперь петроглифом зовём
Мы те наскальные работы,
Находим и распознаём
В них сцены древние охоты,
Людские судьбы, пир и мор.
А страсть осталась неизменной –
Рисуют люди до сих пор
На камне, на дверях, на стенах.
Творят картины и слова.
Печально... Но не сильно плохо.
Поймите просто, в нас жива
Та, первобытная эпоха.

ПАСВИК

Над рекою – крик гагары,
Отражённый вдаль водой.
Остров. Лес, ещё не старый.
Дом бревенчатый с трубой.
Мало троп и перепутий,
Дни погожие редки:
Заповедное безлюдье –
Обе стороны реки.
Здесь в войну и годы лиха
Всё вставало на дыбы,
А теперь спокойно. Тихо.

Пограничные столбы.
По фарватеру граница,
Но, сбивая весь устой,
Пролетают реку птицы,
Звери плавают порой.
Что им карты? Им свобода –
Жить, где были рождены.
Ведь у них одна природа,
И неважно, чьей страны.
Нам даёт понять картина
На реке с названием Паз:
Это мир рождён единым,
Без границ ещё до нас.

ОБЕЛИСКИ

Северные тучи бродят низко:
Нелегко от сопок в небо взмыть.
Много в Заполярье обелисков,
Много мест, где им присуще быть.
Порохом пропитанные вежи,
И войною – север Кольский весь,
Где сражались хмурые морпехи
И солдаты группы «Эдельвейс».
А в морях, где ветры жутко воют,
Шли во тьме средь волн и острых льдин
К Мурманску союзные конвои,
Уходя от залпов субмарин.
И, хотя давно исчезли гари,
Те следы, за маем встретив май,
Медленно, натужно зарастают:
Слишком уж суровый этот край.
Слишком часто сумраком и хмарью
Небеса окутавшись грустят...
Много обелисков в Заполярье,
И они забвенья не простят.

Вадим ШЕВЯКОВ

*Краткая биография: родился в 1988 году в г. Су-
хиничи Калужской области в семье шахтёра и
учителя музыки. Если верить матери, первое
стихотворение написал в три года. В двад-
цать бросил писать, в тридцать начал сно-
ва. В промежутке успел повзрослеть и стать
программистом. Где-то публиковался, в чём-то
участвовал, какие-то места занимал. Впрочем,
ничего такого, чтобы прямо сильно гордиться.*

* * *

Я устал от иронии,
Я устал от беды.
Мне набрать бы в ладони
Изумрудной воды.

Мне от праха умыться бы
Под присмотром небес
И уйти бедным рыцарем
На возвышенный квест.

Но доспехи изношены,
И вода что мазут.
Ни граали, ни мощи
От беды не спасут.

Не помогут скабрёжности
На потеху толпы,
И экранные звёзды
Не укажут тропы.

Журавлиные, странные,
Прорастают в туман
Неподъёмные краны,
Пожилые дома.

Здесь задёрнуты окна,
Чтоб не видели дня,
И небесное око
Не глядит на меня.

Только мне и не требуется
Никакая звезда.
Я хожу, как троллейбусы,
По чужим проводам;

Как по рельсам оборванным –
Пассажирский состав,
Через белое в чёрное...
Я устал, так устал.

* * *

Даже если скажешь искренне,
Прозвучит как словоблудие –
Так беззуба и бессмысленна
Эта фраза: «Я люблю тебя».

Просто два местоимения
И одно местоглаголие.
Вроде речь – и тем не менее
Только шум пустой, не более.

...Так умаялась любимая,
Что легла пораньше спатеньки.
Я пойду посуду вымою
И придам словам семантики.

* * *

Одуванчик ломает бетон
И растёт посреди автострады.
Я пишу, как всегда, не о том
И не так, как, наверное, надо.

Не пристало мечтать о цветах –
В этом возрасте всяк плодоносит.
Мне пора бы пройти через страх
И принять свою близкую осень.
Но смотрю, тихий вздох затая:
Это грустно, и страшно, и мило,
Как крошит полотно бытия
Твоя хрупкая, нежная сила.

Этот маленький вздёрнутый нос
Ни пред чем не склонится на свете,
Твой шампунь и бальзам для волос
Заглушают зловоние смерти.

Провожая тебя до такси
В затрапезном махровом халате
И, запретного плода вкусив,
Становлюсь оттого лишь крылатей;

Как обычно, пишу не о том,
И метафора слишком конкретна:
Одуванчик растёт сквозь бетон,
Ожидая июльского ветра.

* * *

Мы сидим вдвоём с котом,
Кот страдает животом,
Я играю тихий блюз,
Маюсь от тоски.
Всё известно наперёд:
Я умру, и кот умрёт;
У кота седеет ус,
У меня виски.

Предсказуемый финал –
Режиссёр балду пинал,
Не искал апофеоз,
Только делал вид;
И сюжетный поворот
У кладбищенских ворот
Рассмешит меня до слёз,
Но не удивит.

Хоть мяукай, хоть играй –
Нам не светят ад и рай,
Только мы уже давно
Ничего не ждём.
Приготовили попкорн
И сухой кошачий корм,
Смотрим грустное кино
С чеховским ружьём.

Мы с котом сидим вдвоём,
Пузо чешем, пиво пьём.
Гаснет вечер, тонет дом
В гробовой ночи.
А за мною по пятам
Призрак прошлого кота
Ходит, тычется в ладонь,
Ласково мурчит.

Виктор УМАНСКИЙ

Родился и живёт в Москве. Первое место в номинации «Проза» на Слёте молодых литераторов в Большом Болдино в 2020 году. Рассказ «Чёрный палочник» напечатан в журнале «Юность», рассказ «Дом на болоте» напечатан в журнале «Литература», рассказ «Марракеш» отмечен в конкурсе «Сквозь пену дней» и зачитан на радио. Рассказ «Чегет» попал в сборник «Твист-2», готовящийся к публикации в «Эксмо».

Осока

– Макс, хорош... Куда шас... – бормочет Вова, стараясь между делом не расплескать текилу.

– Посиди, – Юля обвивает Макса рукой.

– Держи, – Вова протягивает ему пополненный пластиковый стаканчик, но Макс занят: целует Юлю в губы.

От текилы внутри тепло, спокойно и даже как-то задумчиво. Вова на секунду замирает, зачем-то пытаясь удержать стаканчик так, чтобы его верх превратился в линию и совпал с горизонтом.

Со стороны поля задувает, заставляя осоку шуметь, бестолково путаясь шершавыми ломкими листьями. Ветер слегка покалывает ноги мельчайшими осколками ракушек – почти песчинками. Рябь на воде превращается в маленькие волны, украдкой лижущие берег.

Давно он не чувствовал себя так спокойно. Здорово Макс придумал, что попросил забросить их на денёк сюда... на остров. Ни кричащих сёрферов, ни парусов, ни гидриков, ни катеров. Даже солнце, уставшее от этой бесконечной канители, с самого утра скрылось за низкими белёсыми облаками, подарив прохладу.

Макс протягивает руку к стакану. Широкая ладонь, длинные сильные пальцы... Облезший нос уже вновь почернел, и улыбка на загорелом лице кажется особенно белозубой. Юля не отрывает от него взгляда. Интересно, он это видит?..

От арбуза остались корки в луже сока на пакете, но Вова замечает среди них небольшой хороший кусочек, вытаскивает его и впиывается зубами. По щекам неприятно елозит сладкая мякоть, но сок освежает.

Макс вскакивает.

– Давай недалеко, Макс, ну! – кричит Юля. В её голосе и волнение, и восторг.

– Конечно! Ножки помочу только! – Макс со смехом посылает ей поцелуй.

– Ну тебя! – она кидает в него горстью ракушек, но Макс уже бежит к воде, сверкая сильными голеньями. Как он вообще бежит по такому пляжу? По нему и ходить-то больно!

– Тебе подлить?

Юля не отвечает. Вове и оборачиваться не надо: он знает, что Макс плывёт кролем... Всегда забавляло его мнение, что это якобы выглядит особенно мужественно! Даже если делать это как-то криво, уставать, периодически глотать воды...

Вова опрокидывает стакан и встает, кое-как упираясь руками. Ветер как будто свистит в ушах сильнее. Может, просто из-за того, что он поднялся на высоту своего роста?.. Хотя нет, ну не настолько же, чтобы в спину подталкивать!..

А вон там уже барашки... Волны закручиваются, обгоняют сами себя, и их верхушки срываются в пену. Воздух вдалеке рябит: с косы, едва различимой отсюда, взмывают чайки.

– Пойду... прогуляюсь.

– Давай, – Юля улыбается. И вот её улыбка кажется куда более... настоящей, что ли. Никаких тебе зубов, только скромный изгиб тонких губ... Зато в уголках глаз – настоящая искренность. И... как сказать бы? Дружелюбие?

Вова просовывает ноги в шлёпки и отбывает в сторону поля. Осока здесь едва ли доходит до пояса. Отдёргивает руку: это ещё что за лиана с колючками? Да, такие кустики ничего не скрывают... зато дальше – овражек.

Юля отбрасывает голову назад и наслаждается ветром. Он треплет волосы, ласкает шею и мочки ушей, забирается под майку. Юля чувствует лёгкое возбуждение от его прохладных прикосновений.

Сколько времени так проходит? Юля не знает. Слишком тут хорошо и неспешно... Она поднимает голову, чтобы найти глазами Макса – и долго не может этого сделать. Ага, вон... далеко же он забрался.

Макс плывёт брассом, совершая быстрые гребки руками, – по направлению к берегу. Пожалуй, даже более быстрые, чем обычно...

Секунда, другая, третья... Юля понимает, что что-то не так. Подбирает ноги, садясь на колени и всматриваясь вдаль. Вдруг она сообщает: похоже, Макс не приближается к берегу. На воде ей чудится гигантская серебристая клякса с хвостом. Течение, что ли?

– Вова-а!

Голос её выдаёт напряжение, но не более того. И это отлично...

– Вова!

Движения Макса кажутся всё более напряжёнными, но кто разберёт с такого расстояния? Внезапно он перестаёт грести и два раза машет руками над головой. И тут же уходит под воду. Юля вскакивает на ноги.

– Макс! МАКС!

Голова Макса вновь показывается на поверхности, но теперь сомнений не остаётся: он крайне измотан.

Юля бросается к воде. Но что делать?.. Макс, конечно, учил её плавать... Хотя, когда он держал её в своих сильных руках в прохладной морской воде, она чаще начинала чихать, смеяться и брыкаться, чтобы быстрее оказаться в его объятиях...

Метров пять она, однако, проплыть уже могла – и не только по-собачьи, но и лягушкой...

Стоп! О чём это она?!

А вот Вова мог бы! Он же хорошо плавает! Ведь так?! Ну конечно!

– Вова!!! Ты где?!!

Макс вновь скрывается под водой, и Юля начинает кричать что-то уже совсем непередаваемое и невыразимо мучительное.

Когда Вова наконец показывается из кустов осоки, неловко косолапя шлёпками по кочкам, Юля сидит в воде на коленях и хрипит. Затем ползёт вперёд и погружается, продолжая перебирать руками по дну...

Руки Вовы подхватывают её под мышки и тащат к берегу.

Юля лежит на спине с широко открытыми глазами. На краешке неба мечутся две птички, то показываясь, то вновь скрываясь где-то за границей видимости. Птички чёрные, маленькие и юркие. Ласточки?..

Вова до боли прижимает телефон к уху. Гудок... гудок... гудок...

Пам-пам. Вызов завершён.

Это его не удивляет – ещё с тех пор, как ментов у бабки на даче вызывал... Вновь набирает 101 и ждёт. Гудок... гудок...

Чувствует он себя... отрешённо. Так странно. Пять минут назад он лежал на пузе на холодной и влажной земле, раздвигая руками острые листья, и смотрел, как тонет его лучший друг. Макс... и течение от берега? Что ж за чертовщина?.. Соваться туда, пытаться помочь... это было бы самоубийством.

А вдруг нет? Вдруг он смог бы?

Пять минут – в осоке – это ведь целая вечность. За это время простой вопрос можно задать себе тысячу раз и раз триста ответить: «Я смогу! Я готов!» Шанс спасти, пусть и маленький... Маленький, маленький. Ещё семьсот раз остаётся ткнуть лбом в землю, тщетно стараясь, чтобы вышло побольше.

Скорее всего, они остались бы там вместе.

Теперь перед Вовой простирается лишь гладь. Но он знает: в пучине таится нечто страшное, склизкое, холодное и бесконечно мёртвое. А здесь, на берегу, – Юля. И они живы.

Наталья Короткова

Родилась в 1974 году в городе Бердске Новосибирской области. Окончила факультет психологии Новосибирского гуманитарного института. Получив диплом, несколько лет работала психологом в реабилитационных центрах для инвалидов. В настоящее время работает директором по персоналу.

Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Молодая гвардия», «Дон», «Огни над Бией». Участник Второго регионального совещания сибирских авторов в 2018 году и совещания авторов Сибири и Дальнего Востока в 2020-м. Лауреат ежегодной литературной премии журнала «Сибирские огни» 2018 года.

Лауреат всероссийских литературных конкурсов «Хрустальный родник», «Поэзия русского слова».

СЕРДЦЕ-ВЕЩУН

Лёха проснулся от неясной, щемящей тревоги. Открыл глаза. Полежал. Прислушался к себе. Не отпуская. Попытался припомнить события предыдущего дня. В тяжёлой с похмелья голове мысли ворочались с трудом, медленно и натужно.

Лёха пил. Мало сказать – пил. Пил крепко. В свои пятьдесят он выглядел лет на десять старше. Худой, высохший, с мятым, сморщенным, как печёное яблоко, лицом. Серая кожа тяжёлыми мешками свисала под глазами. При этом, в отличие от таких же приятелей-горемык, алкоголиков со стажем, он не опустился. Следил за собой: одет был всегда чисто, опрятно, можно сказать – фасонисто. «Газельку» свою тоже содержал в чистоте – Лёха шоферил. Раз в три дня выходил на маршрут. Спиртного себе накануне не позволял. За всё время работы ни разу не сорвался. За это и ценил его хозяин. Даже обещал подарить старенькую «Газель», если тот ещё пару лет продержится, не уйдёт с маршрута. Работа – та ещё... Собачья.

Приподняв голову, Лёха протяжно застонал:

– Ой-ё...

«Чем же это мы так вчера злоупотребили-то? Погоди-погоди...» Колян... Колян пришёл вечером с бутылкой. «Столичной». Точно! «Столичной» не хватило...

– Ой-ё!

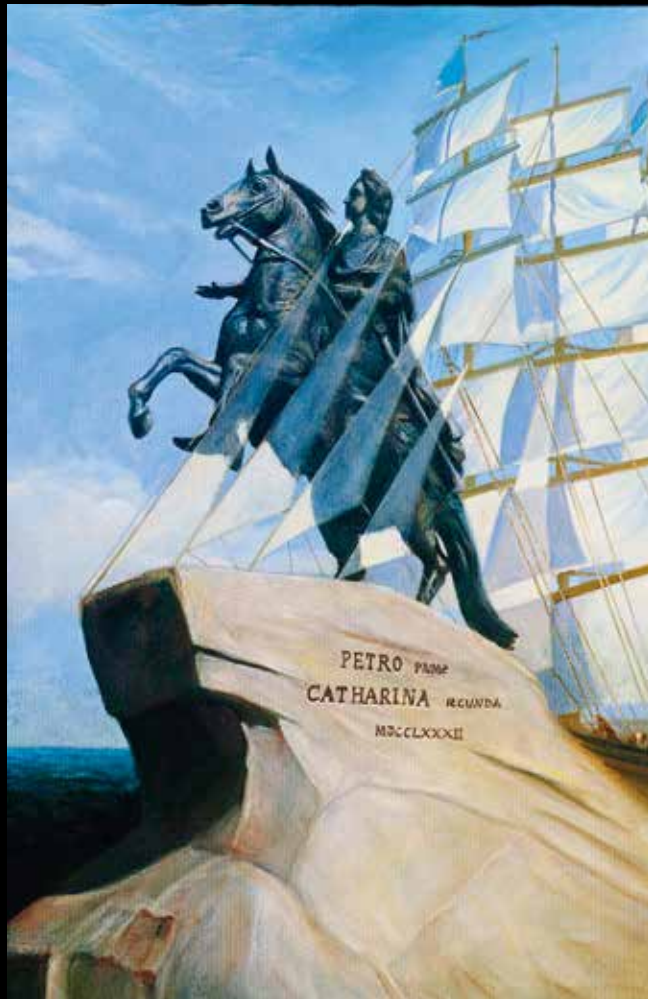
Лёха посмотрел на часы – без четверти пять. За окном светало. Спать бы да спать ещё, но голова раскалывалась, а в груди саднило – мерзко и нудно. Хоть вой! Что ж такое?

Незадолго до того, как пришёл Колян, Лёха вернулся от Валентины – соседки-разведёнки. Сам он тоже жил один. Жена от него ушла лет пять тому назад. Или шесть? Не вытерпела бесконечных пьянок. Сын взрослый – отрезанный ломоть. Вот и сошлись они с Валентиной. Та была лет на пять моложе. Не сказать, что красивая или даже симпатичная, но что-то потянуло к ней. Какая-то беззащитность, покорность, что ли? Неяркая, в отличие от бывшей жены: голос тихий, уголки губ всегда опущены. Что-то напоминало в ней мать. Лёха совсем пацаном был, когда та умерла. Но именно такой она и осталась в памяти: с вечно виноватой улыбкой. В общем, прикипел к бабе. Да и какво оно мужику одному?

Валентина безропотно терпела Лёхины пьяные выходки. Не попрекала. Он потом случайно узнал от соседок, что Валентина, оказывается, баптистка. Лёха ничего против веры её не имел. «Может, через это она такая тихая? – рассуждал он. – А может, после муженька своего». Валентина как-то разоткровенничалась: призналась, что бывший её поколачивал. Лёха

Никас Сафронов. Лето. Море. Отпуск или
Мечта чиновника. 2012. Х., м. 56х43

Никас Сафронов. Окно в Европу, 2004. Х., м. 60х40

Никас Сафронов. Летний сон перед грозой при
посещении таинственного дома. 2007. Х., м. 50х41

Никас Сафронов. Ключ к чистой природе.
2007. Х., м. 42х41

Никас Сафронов. Салют эмоций или Благочестивый взгляд на нашу природу. 2011. Х., м. 92х62

же в самом пьяном угаре ничего себе такого не позволял. Ни-ни!

Он встал, прошёл на кухню, открыл кран, набрал кружку воды и залпом выпил. Налил ещё. Отхлёбывая, продолжал мысленно перебирать вчерашний вечер.

Сидели. Смотрели телевизор: концерт какой-то... Петька весь вечер ныл, ночевать просился. Нет, не то... Тут Лёха вспомнил, что накануне Валентина жаловалось на сердце: говорила, покалывает, мол, таблетками на кухне шуршала...

«Нет. Неспроста мне так хреново. Неспроста! А может, с Валентиной что случилось? Может, это предчувствие у меня такое?» – Лёха беспокойно заходил по комнате. Чем больше он думал, тем больше укреплялся в мысли, что не зря... ох, не зря вот так подорвался он среди ночи и носится теперь в трусах по комнате из конца в конец.

«Сердце-то чувствует! Не чурка же я!.. Как бабка-то, бывало, говорила? Про сердце. Вещун? Точно! Вещун. Вот оно мне и вещует, итить твою...»

Лёха бросился к телефону. От волнения, да ещё с бодуна не смог вспомнить номер. Трясущими руками начал судорожно листать записную книжку, жать кнопки. Телефон не отвечал. Набрал номер ещё раз: «Ну возьми, возьми трубку...» Гудки...

Он бестолково заметался по комнате: надо же что-то делать! Как был – в трусах – кинулся к двери. Тут же спохватился:

– Вот блин!

Схватил штаны. Кое-как натянул на себя, пытаясь в брючинах. Рубашку накинул уже на ходу.

Высочив за ворота, Лёха припустил вниз по улице, оглушительно шлёпая в предутренней тишине резиновыми тапками по тротуару. Добежав до дома Валентины, рванул калитку – и замер... Сердце колотилось так, что отдавало в затылок – то ли от волнения, то ли от неожиданно приключившегося утреннего марафона. Лёхин организм, изрядно подорванный алкоголем, был не готов к таким вызовам.

Покачиваясь, он подошёл к крайнему окошку: тут она – комната Валентины. Рядом окно квартиранта, Саида. Саид – гастарбайтер. На соседней стройке работает. Деньги с него неболь-

шие, но какая-никакая копеечка. Вот Валентина ему комнату и сдавала.

Лёха осторожно постучал. Тишина. Постучал сильнее. Глухо.

– Валя... Валечка моя... – жалобно протянул он.

В доме не подавали признаков жизни.

Валентина слышала, как Лёха шаркался по двору. И открывать ему не собиралась. Пошатается с перепою да угомонится. Не первый раз. Характер-то беспокойный. А «под мухой» он и вовсе с головой не дружил. Мог среди ночи закатиться к приятелю, которого со школы не видел, или к соседу – отдать столетишний долг. И хотя в силу своего характера Валентина мирилась с Лёхиными пьяными закидонами, однако же и у неё терпение было небезграничным. Последний случай окончательно её доконал.

В прошлую субботу, после очередной пьянки, Лёха очухался поутру, как позже выяснилось, в здании электромеханического техникума, что на другом конце города. Как он туда попал – хоть убей, не помнил. В панике, запинаясь в темноте о мебель, станки и ещё не пойми что, кинулся искать выход. Двери оказались закрыты. Снаружи. Тут он не на шутку трухнул. Кое-как нашёл окошко. В ужасе подвывая, полез наружу.

Выбравшись на волю, определиться на местности не смог. Ломанулся к неподалёку стоящей телефонной будке – благо была мелочь в карманах. Начал звонить Валентине. Пьяный, перепуганный, плакал в трубку, пытаясь описать своё местонахождение. Просил приехать, привезти какую-нибудь обувь, потому как, в довершение своих несчастий, оказался неожиданно для себя бос. Пришлось Валентине среди ночи ловить такси, тащиться на другой конец города – с тапочками под мышкой.

Лёха сиротливо жался за автобусной остановкой. На вопрос, как он оказался в здании техникума и где его новёхонькие, всего-то пару раз надёванные ботинки, ничего вразумительного ответить не смог.

Так что к таким выходкам Валентине было не привыкать. Обойдётся, решила она, услышав шум во дворе. Не обошлось. Лёха продолжал метаться по двору. И тут у сарайки попался ему на глаза черенок от лопаты.

– Щас, щас, Валюша...

Он схватил черенок, подбежал к дому и что есть дури саданул по окну. Стекло – вдребезги! Лёха замер.

– Валентина! – позвал со слезой в голосе. – Отзовись!

Валентина подошла к расхлёстанному окну. В белой рубашке на тёмном фоне оконного проёма она походила на привидение. Уголки губ её, как всегда, были обиженно опущены.

– Дурак...

Не говоря больше ни слова, она развернулась и скрылась в глубине комнаты.

Лёха развернулся, как оплётанный, и пошёл прочь со двора. Он обессиленно тащился по мирно спящей улице и зло выговаривал сам себе:

– Вещун, блин... Придурок! В дурку тебе пора! Вещун... Олень педальный – вот кто ты есть, Алексей Васильевич!

И вдруг он тормознул: нехорошая мысль осенила его страдающую с бодуна головушку.

– А чего она не открывала-то? А? Чего не открывала? – глаза его налились кровью. – Саид, твою душеньку...

Лёха развернулся и снова рванул к дому Валентины. Но вскоре силы окончательно оставили его. Он едва волочил ноги, задышливо сипел и, то и дело теряя тапки, останавливался, громко матерясь:

– Я тебе покажу дружбу народов, рожа нерусская... Я тебе устрою... И эта – тихушница! Лярва!

* * *

На следующий день во двор к Лёхе зашёл участковый. Тот угрюмо подметал двор.

– Что ж это ты, Алексей, себе позволяешь?

– Чего ещё? – напрягся тот, отставляя метлу в сторону.

– Жалуются на тебя.

– Кто жалуется?

– А то ты не знаешь? Известно кто: Дёмушкина Валентина Афанасьевна жалуется.

Лёха, пряча глаза, зашмыгал носом, как нерадивый ученик.

– Ты за что соседке своей все окошки в доме перебил?

– Недоразумение это...

– А фингал под глазом гражданки Дёмушкиной – тоже недоразумение?

Лёха сел на крыльцо, обречённо уронил голову на руки.

– Ну чего ты, дурья башка, попёрся-то к ней? Ночью. – Участковый сел рядом. – На кой ляд?

– Это всё вещун, Иваныч.

– Какой, к лешему, вещун?

– Сердце-вещун, вот какой, Иваныч.

И Лёха поведал участковому о своих ночных злоключениях.

Тот, выслушав рассказ до конца и от души насмеявшись, вытер слёзы.

– Завязывал бы ты, Алексей Васильевич, пить. Вот что я тебе скажу! – Иваныч поднялся с крыльца и оправил китель. – Счастье твоё, что Саид на стройке дежурил, а то сидеть бы тебе, Лёха... Как пить дать – сидеть! Скажи спасибо Валентине – не стала писать на тебя, дурака, заявление.

Надев фуражку, участковый пошагал со двора, но у самой калитки обернулся:

– Как там бабка-то твоя говорила?

– Вещун... – вздохнул Лёха.

– Вещун? Вот и я тебе вещую, Алексей: бросай пить! А то добром это не кончится.

Участковый ушёл, а Лёха остался сидеть на крыльце. В приоткрытую калитку сунулся знакомый бездомный пёс, который с недавних пор обретался на той самой стройке, где работал Саид. Мужики его не гнали, подкармливали. Какой-никакой охранник. Пёс был старый, жизнью битый. Глаза у него слезились, с худых боков клочьями свисала свалявшаяся шерсть. Лёха гостю всегда был рад. Особенно, когда хватит лишка и поговорить страсть как охота – да не с кем... Вот разве что с этим приبلудным псом.

Пёс подошёл, ткнулся мордой в тапки – и замер. Лёха ласково потрепал его по загривку. Пальцами нащупал запутавшийся в шерсти репей. Стал осторожно вытаскивать. Пёс не сопротивлялся, только жалобно поскуливал. И тут, в эту минуту, Лёха почувствовал себя таким же старым, неприкаянным, никому не нужным псом.

Он тихонько, по-собачьи завыл.

Надежда КНЯЗЕВА

Поэт, переводчик, живёт в г. Арзамасе Нижегородской области. Родилась в 1986 году в г. Лукоянове. Окончила Арзамаский государственный пединститут им. Гайдара в 2008 году, получив профессию учителя английского языка. В 2009 году приняли в Союз писателей России. Книги стихов: «Невидимые крылья» (2008), «Чёрно-белый режим» (2015), «Запасный вход» (2018), «Очертание звука» (2020).

Нарисуй свой город

Нарисуй свой город, который живёт внутри,
Начерти мне карту твоих заповедных мест:
Нестерпимый блеск стекла показных витрин,
Сокровенный мрак тяжёлой двери в подъезд.

Пусть ложится взмахом жжёная умбра крыш
И английский красный – тёплого кирпича.
Расскажи о тех, кто смотрит с твоих афиш,
Расскажи о тех, кто сел у окна пить чай.

Это трудно, когда внутри – грандиозный вид,
Не кривить перспективой, своих не скрывать
личин:

Будто он на ладони, светом и тьмой залит,
Будто ты протянул на ладони свои ключи.

Город больше холста – он стелется вширь и
вглубь:

До низин, окраин, до верхней звезды ковша.
Можно, я поселюсь на нём запятой в углу?
Я воздушный шар, сбежавший от малыша.

Приступай: вот краски, кисти и мастихин.
Нарисуй – а я потом напишу стихи.

Слова летят вперёд, их так легко сказать,
Поскольку наш язык напоминает птичий.
По небу – вертолёт, навстречу – стрекоза,
И общего у них чуть больше, чем различий.

Протяжный след баржи разрежет реку вдоль,
Но зарастёт водой – покажется виденьем.
Так мы стремимся жить, переступая боль,
И учимся летать, преодолев паденье.

Слова летят на свет, закат на волоске,
На золотом виске, как в лампочке, горящий.
И прожитого нет, как следа на песке,
И будущего нет.
Мы дышим настоящим.

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

* * *

В желании умерить дурь
Сквозь небольшую ранку
Я вывернул лицо вовнутрь
И заглянул в изнанку,

И там увидел не скелет,
Не тлен и страх распада,
А дедушкин велосипед
Средь яблочного сада.

Он мне отдал его, когда
Дыханья не хватало,
И оплетали провода,
И гасла нить накала.

Я думал, боль внутри найду
И спазм артериальный,
А тут мой дед стоит в саду –
Живой, почти реальный.

Ворчливо шутит: «Во, ребят,
Дурные вы, живые,
Всё вдаль да вширь, а вглубь себя
Ко мне пришёл впервые.

Не забывай о старике!..»
И я стою, виновный,
Сжимаю яблоко в руке,
И каплет сок венозный.

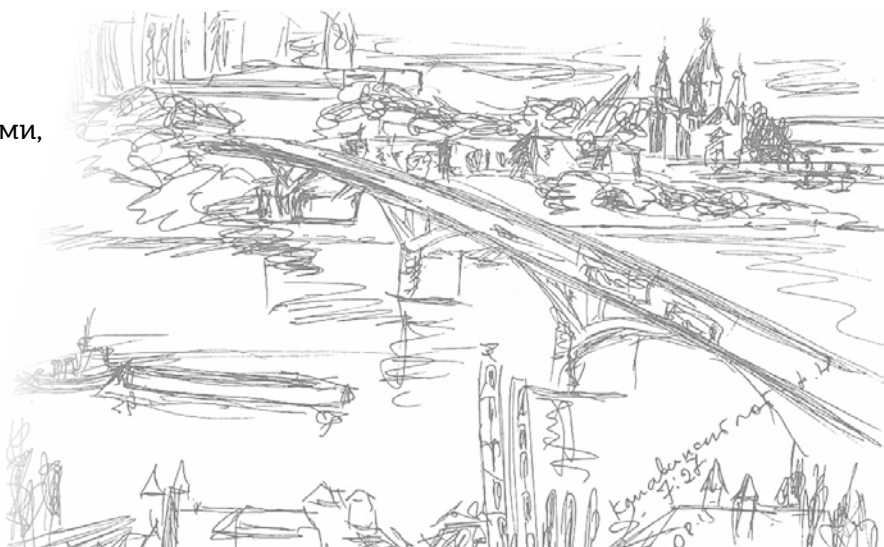
* * *

Марине Маловой
Уже ноябрь,
но жёлтые цветки
в пустых садах
раздули ветром пламя.
Костры стреляют в воздух лепестками,
и воды чёрной торфяной реки
неспешно их несут.
Горит лоза,
не разжимая кисти винограда.
Касаясь ветки вековой громады,
прозрачная трепещет стрекоза.

Горит листва,
не веря в царство тьмы,
и лес венчают лавры Герострата,
как будто бы зима
придёт не завтра.
Как будто бы
и вовсе
нет зимы.

КАНАВИНСКИЙ МОСТ

Понять: великое – в простом.
Пройтись Канавинским мостом
И с двух сторон увидеть город.
На Стрелке в свисте пустоты
Видны пакгаузов хребты,
Фонарик Невского собора.
Напротив – сахарный покров
Цветных зефирных куполов
Несёт Рождественская церковь.
Горит от холода щека.
Горит от золота река,
И мост с неё снимает мерку,
Чтоб подогнать по росту льды,
Чтоб глыбы встали на дыбы
И вмёрзли между берегами.
И белые фигурки яхт
Во льду у пристани стоят,
Напоминая origami.
Моста покатая спина
Дрожит, когда высоко над
Зелёно-бирюзовой бездной
По ней шуршат шипы машин,
И ты идёшь, и не спешишь,
И отражаешь свет небесный.

Анна ЗОРИНА

Родилась и выросла в Петропавловске, городе на севере Казахстана. Окончила Северо-Казахстанский государственный университет им. Манаша Козыбаева. Пять лет назад переехала в Новосибирск, где и начала писать стихи и сказки. Входит в состав творческих объединений Dark Romantic Club и «Городские сказки. Новосибирск». Принимала участие в различных литературных конкурсах, фестивалях и семинарах.

* * *

По дачам лето тихо катится.
Умолкла вечная сумятица.
Пылает маковое платице
У деревянного крыльца.

И, тенью утренней умножены,
Неспешно мысли осторожные
Ползут кофейными дорожками
По чашке сонного творца.

А над ленивой этой прозою
Погода быть пыталась грозною,
Но тут же хохотала грозами
До слёз, рассыпанных в траве.

От них легли повсюду зайчики,
Цветные солнечные мячики,
И слов, что ничего не значили,
Стада бродили в голове.

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Медлительная нежная истома
В закатных абрикосовых лучах.
И кажется, все родинки знакомы
На коже обнажённого плеча.

И
 блеск
 блик
 стук
кольца, упавшего со звоном
Безвольных опостылевших оков,
И – чувственная розовость пионов
Рассыпалась на сотни лепестков.

«Разотри тимьян, не рассыпь шалфей,
Что дрожишь, как хвост у рябой овцы?
Соберись давай, прекращай тут цирк.
На, держи свой чай, потихоньку пей».

Голос твой затих много лет назад,
Только память смех до сих пор хранит,
Милых рук тепло – в пальцах вьётся нить,
Вспоминаю дом, а за домом сад,

А за садом луг помнит зелень глаз,
За собой зовёт сладкий шёпот трав:
«До того ль теперь, кто из нас был прав?
Мы родная кровь, вот и весь рассказ».

Научи меня, как же быть сейчас.
Из седой дали добрый дай совет.
Как сберечь в себе хоть надежды свет,
Пусть расскажет дождь, мне в окно
стучась.

«Не сжигай мостов, не руби с плеча.
Из любой беды выход есть всегда.
Все печали в срок унесёт вода,
Так не вешай нос и допей свой чай».

* * *

Мириадами частиц в неизведанном
пространстве
Ниоткуда никуда мы несёмся наугад,
Размышляя по пути о желанном постоянстве,
Не трудясь его найти, вновь теряем берега.

Силуэты странных снов, пируэты гибких
линий –
Перекрестки трёх дорог на ладонях у судьбы.
Разобраться б, кто есть кто в
предначертанной картине,
Не пытаясь вспомнить всё,
что отчаянно забыл.

Солью съедены следы, молью съедены
прощанья.
Одиночество звенит сталью нового ножа.
Мы до горечи во рту не выносим обещаний,
А особенно когда их приходится держать.

Реконструкция души затянулась на неделю,
Всё нормально – даже мир сотворили
в этот срок.
Устарели чертежи, и приходится на деле
Сочинять себя с нуля, разбирая между строк.

Лямку сумки затянув, примани попутный
ветер,
Что заманчиво поёт в голове и волосах.
Ниоткуда никуда – мы мечты шальные дети.
Путеводную струной на дороге полоса.

Мир такой, какой он есть, невеликая
константа.
Научиться б просто жить – остальное
до звезды.
Он – потёртый старый кофр
под ногами музыканта:
Распахнул свой зев и ждёт,
чем его наполнишь ты.

Екатерина МАЛОФЕЕВА

Поэт, технический и художественный переводчик, лауреат Национальной молодежной литературной премии Роскультицентра (2020), лауреат IV Международного конкурса «45-й калибр». Участница лонг-листа XIV Волошинского конкурса, премии «Лицей» (2020). Победительница литературного конкурса в рамках Сибирского фестиваля искусств «Тарская крепость» (2020), «Вернись на родину, душа» (2020), «Печорская "Ассоль"» (2020), финалист Международного конкурса «Хижицы» (2020), «Это нужно не мёртвым, это нужно – живым!» (2020). Участница проектов «Чтецы», «Живые поэты». Публиковалась в журналах «День и ночь», «Байкал», «45 параллель», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса»; альманахах «Веретено», «Образ»; антологиях «111», «Чайная лирика», второй антологии лучших стихотворений проекта «Живые поэты» (2020); газетах «Бурятия», «Судьба» и др.

СЕНТЯБРЬ

Горький дым – выдох тлеющих листьев
умирающего сентября.
Проповедница азбучных истин – осень – учит,
что мелкая рябь
На воде – письма о забытом. Присмотрись,
может, вспомнишь? И блик

Ослепит. А в оправе гранита баржи строим
идут, корабли –
Колыбели, несущие грузы, бандероли –
чужим городам
В дар по Волге. Пустынно и грустно.
Небо маревом Бог залатал,
Но разъехалась штотпка в прорехах, и ползут
лоскуты серых туч.
В перевалах аукает эхо – крик гудка
на узорном мосту.
Хмуро смотрит, нахохлившись, галка
на провисших стальных проводах.
Брёвна спят в лесовозах вповалку,
поезд стонет, платформа пуста.

ВРЕМЯ

I

Вползает мрак семи часов утра –
Январская звенящая отравы –
До крошки жар домашний обобрав,
Под кожу.
Слепо, голодно, шершаво
Лицо ощупал холод, не смотрю,
Как мотыльком дворовый снежный ангел
В грязи крылами бьётся.
Неуют
Оглаживает с бархатной изнанки
Души зальдевший кокон.
Стылый взгляд,
Завязший в сахарине чьих-то окон,
Погреть бы о стеклярусы гирлянд,
Но дверью скрипнул пазик кривобокий
И потащил меня сквозь сумрак и огни.
В стекле колодцы улиц холодели.
Проснулся город тюрем и больниц,
Казарм, промзон, складов и богаделен.
И серые заборы спецчастей –
Идиллия рождественских открыток.
Ложится на грунтованном холсте
Асфальта пылью и силикальцитом
Глубинки неизбывная печаль,
Бараки и погосты – побратимы.
И плесневеет мир, кровотока
Иллюзией, что время обратимо.

II

Скользит песок истраченных минут –
Под пальцами осыпавшийся берег.
И мнится – кану в тьму и глубину,
Не удержавшись, сил не соразмерив.
Кто поддаётся – и уходит в грязь
И ряску лет, в замшевшее посмертье,
Кто борется, кичась и молодясь,
Кто воскресает, продолжаясь в детях.
Но неумолчно щёлкает отсчёт
Обратный равнодушным метрономом,
И плачь – не плачь – никто и не спасёт.
И я сама себя не сберегла.
Одна дорога нам –

С крыльца роддома
До стали секционного стола.

ПАМЯТЬ

*«Сорочьим сказкам»
Алексея Николаевича Толстого,
любимой книге моего детства,
посвящается*

Непролазная топь и грязь.
Полдень облачен и лубочен,
Страшных сказок сорочья вязь заколдует
и заморочит.
Заповедный сосновый бор в изумрудных
объятых стиснул
Обезлесевший островок усть-таёжного
смерть-сибирска.
Легкокрылая стая снов, поговорок и суеверий
Разлетается из-под ног,
Воют в чаще слепые звери.
Седовласый угрюмый лунь в окна тёмные
зорко смотрит,
Не боится икон в углу.
Не нарушит совиный окрик
Немудрёный крестьянский быт.
Шагу вторя тоскливым скрипом,
Кто-то ходит вокруг избы,
отмеряет костыль из липы,
Сколько жить вам /скырлы-скырлы/,
Остаётся совсем немного.

И корой со стволов гнилых объедается
криворогий
Заглутавший анчутка, чар не страшась
в дольном людем мире.
Выпевает свою печаль большегрудая птица
Сирин,
Черти сеют траву Сандрит, по-щенячьи
скулят игоши,
Алой алицы серебри терем-храм
по венцу порошей.
Прелый мох украдёт шаги,
Пряным духом плывет багульник.
Подкрадутся – подстереги – дивенята.
Эй, гули-гули,
Улетайте в своё гнездо.
Виснут плети плакучей ивы,
Покосившийся чёрный дом на русалок
глядит с обрыва,
Безучастный привычный взгляд прикрывают
ладони ставен.
Ночь приходит.
Костлявых лярв хоровод выступает навий.
Сгинет нечисть,
Умрёт тайга,
От огней городов отступит,
Но хранится под сердцем мгла,
Память древней,
Заветной жути.

Любава ГОРНИЦКАЯ

Родилась 22 июля 1986 года в городе Ростове-на-Дону. В 2007 году стала бакалавром журналистики, а в 2009-м – магистром филологии со специализацией «Литература народов зарубежных стран» в Южном федеральном университете. С 2009 по 2012 год обучалась в аспирантуре. В 2013-м была присвоена степень кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 «Русская литература». Работала методистом и педагогом в сфере дополнительного образования (руководила клубом юного журналиста Petite), учителем в школе, на протяжении шести лет (с 2013 по 2019 г.) преподавала в Донском государственном техническом университете дисциплины, связанные с историей и теорией лингвистики и культурологией. Замужем.

Участник фестиваля «Берега дружбы – 2020». Рекомендована к участию во Всероссийском совещании молодых литераторов в МГИК (Химки) организаторами Всероссийского фестиваля им. Бельмасова в Ленинске-Кузнецком.

* * *

У него были шрамы на память.

Лучше, чем фото.

Вот – следы того, что настигла охота.

Вот его любили: крылья и ноты,

Нацарапанные гранью стекла.

У него был шкаф для поиска и приключений.

Вот – на верхней полке шапочка «гений»,

Вот – коробка из жести для ценных мнений,

Вот – прозрачная мантия зла.

Он умел собирать огрызки, отрывки, ошмётки.

Вот – какие-то письма с подводной лодки,

Вот – фрагменты костей. Ожидаемые находки

Из раскопок собственных дней.
И ему всегда говорили: удобным быть круто.
Извлекай из жизни чужие минуты,
Улыбайся как надо. Тому-то. Кому-то.
Улыбайся и стекленей.
Он сидел на полу, потирая кисти.
Октябрём приносило прогнившие листья.
И ботинки в тине: стоит почистить.
И на теле расходятся швы.
И он шепчет, и голос вскрывает рёбра:
«Можно я уступлю приятным и добрым?
Осудите детали. Я криво собран.
Не мешайте мне быть живым».

* * *

У родителей не было веры в чудо.
Что у них родилось? Для чего? Откуда
Голова, упавшая в новое блюдо
Для десертов, приёмов, битв.
И они украшают цветами кудри,
Покупают кукол в несвежей пудре,
То ли сахарной, то ли такой, что мудрым
Посторонним – предмет молитв.
И девчонка для них ничего не значит.
Как известно, жалеют лишь тех, кто плачет.
Ей желают здоровья, любви, удачи
И не слышат сдавленный смех.
Мы, наверно, сейчас подберём витрину,
Чтобы стать там ровно. Писать картину
Подрядим того, кто призыв бы кинул:
Вот семейство, что краше всех.
У неё на булавах – чужие крылья,
Пахнут волосы дымом, а платье – пылью.
И кайма под ногтями болотной гнилью
Выделяется по весне.
И она умеет летать и таять,
Собирать по кладбищам птичьи стаи.
И старухи пророчат, мол, рать святая
Непреренно прибудет к ней.
И она готовит уж между делом
Кое-что, что для платы душой и телом.
И мечтает прийти на поминки в белом,
Как не в трауре. И печать
Проступает на коже частичкой грусти.
«Я могла простить бы. Судьба отпустит.
Только мир ржавеет, и гаснут чувства
К ним. Привыкшим не замечать».

* * *

Когда они жили – в воде и пыли,
В переплетении роз и лилий
На пыльных обоях заброшенных комнат,
Легко и жутко о прошлом не помня, –
А он уезжал: на войну, на работу,
На поиск, на помощь и на охоту,
На ржавом трамвае, где люди теснятся,
Где можно свихнуться или сломаться,
Она рисовала: на белом – мелом,
На чёрном – углем – и платила телом,
Душою и снами, и криком звенящим
За то, что не было их настоящим.
А в будущем крались мечты и мученья,
Площадки, решётки, шершавые тени,
Оградки и глыбы, ненужные фразы,
Всё то, что придёт навсегда и не сразу.
Но где-то мгновенье на грани порога
Хотелось смеяться, страшиться и трогать,
И было неважно, что станет со всеми,
Когда застывало тягучее время...

* * *

Детские игры, взрослая боль.
Светлая мгла бела.
Век забывает злобную роль.
Девочка подросла.

Как колокольчиком крик навзрыд:
Вырваться за предел!
А по проулкам чадят костры
Благословенных дел.
Крысой на дудочку – за порог,
Множатся витражи.
Где же ты спрятал, суровый бог,
Святость моей души?
Смял каменеющий всплеск дома,
Бред протекает в сон,
И серебристой тоски чума
Мечется меж времён.
Им не догнать! Колдовством, крестом...
Тлеет вдали зола.
В вечность, в историю, но потом...
Девочка подросла.

Яна ГАЛЬЧЕНКО

Увлекается театром, литературой, репортажной фотографией, особенно любит снимать хореографические и театральные постановки.

Администратор и фотограф камерного «Театра 43» (г. Киров). С недавнего времени пробует писать, тексты публикует на своих страницах в социальных сетях.

ПЕРЕХОД

Декабрь в валенках сидел на крыше. Ему столько лет, сколько этому миру, однако ни такая цифра, ни седая борода не мешали ему лепить отменные снежки и кидать в прохожих. Попав, он довольно болтал ногами и смеялся. Машины на стоянках превратил в гигантские торты. На шапке профессора философии, стоящего в очереди у ларька Роспечати, к радости студентов, нарастил роскошную снежную кучу.

Назабавившись, спустился в улицы. У торгового центра шла разгрузка товара. Декабрь попросил у грузчиков прикурить и постоял рядом, чтобы мясо не разморозилось. Заштопал ковёр на бульваре, повреждённый трактором, подровнял трассу лыжникам.

Вечером подбросил дров к северному сиянию. Подогрел свой походный чайник на трубе ГРЭС, посвистел месяцу. Сидя на кустах калины, они пили чай из больших чашек.

Город в толстом свитере из снега укладывался спать.

* * *

По потолку крадётся январь – звёзды звенят в мешке. В старых ботинках, в кармане пирог, на часах брелок из луны.

Он праздничный, он окна домов потрогал, он спящих укутал, он хочет, чтобы каждый тихий и звонкий день был для них.

* * *

Февраль – стареющий царь. С дремлющего деревянного дворца свисают застывшие белые гребни, и по промороженным стёклам лучи солнца скользят полуспящими.

По толстым коврам сквозняки стали отдавать звоном, и на окнах ледяной папоротник прочертился голубым. Время гостям просачивалось каплями на стрелках старых дворцовых часов.

Ладонь царя от серебристого меха одежды – вверх:

– Устроим встречу, добрую встречу! Мы видели своё, хорошо ли, плохо ли – делали. А дальше – достойным и молодым!

А пока ещё царствовал, и серебряные кубки с выпуклыми узорами качаются и поднимаются, и бороды глушат смех. Владения хранят воины с вьюжными голосами и мальчишки с колкой блестящей пылью.

* * *

Солнце предлагало ей одежду. Набрасывало на локти бледно-серое с опадающим стеклом, розовые длинные перья с золотыми концами, густое зелёное и такое белое из туманов, что позавидует Англия.

Весна выбирает серое платье и мокрого асфальта пиджак. Расправляя складки, рассыпает на горожан большие прозрачные капли.

* * *

Весь в дыму и в восторге от громкости своего гудка, поезд протарахтел на станцию.

Среди его пассажиров была аккуратная старушка с соломенной корзинкой в руках, одетая в серое пальто с цветочной вышивкой и льняную юбку. В городке ещё лежал снег, но на пушистых седых волосах дамы, убранных в пучок, не было головного убора.

Она прошла через здание вокзала и отправилась в сторону большого городского парка.

Отыскав полянку в самой его глубине, старушка аккуратно поставила корзинку на землю и открыла крышку.

Внутри на подстилке из свежей травы сидел зверёк, похожий на зайца. Гладкая шкурка серого цвета, жёсткая шерсть, длинные уши и жёлтый живот, однако на лапах тёмные копытца. Светлые усы зашевелились на свежем воздухе, и питомец перелез через край корзинки.

Обнюхав снег, зверёк попробовал его на вкус. Наклонил голову, подумал и стал поедать снежные залежи. За несколько минут он расчистил полянку и занялся сугробами вокруг деревьев.

А колючие барбарисы и дубы потягивались, разминали сучья, стряхивали остатки снега и шумели проснувшимися голосами, приветствуя старуху Март.

Та с улыбкой покивала головой, повесила корзинку на локоть и, напевая, отправилась обратно к станции.

* * *

Лохматая апрельская голова оторвалась от белой подушки и шлёпнулась обратно. Глянув на календарь, косо прицепленный на стене у кровати, он всё-таки встал. Быстро умылся холодной водой, выпил компота, заботливо оставленного ему в кувшине на столе, и выкатился на улицу.

В подтяжках на грубых брюках, с карманами подсолнечника, в ботинках не для луж со снегом, он напоминал беспризорника.

Отдав запасы солнца дворовым котам, разводил руками – на людей не хватило. Любя лошадей, он для них первых растопил и посушил дорожки, набросал по краям одуванчиков. Убрал похожую на море лужу, которую каждый день с трудом обходила глазастая девчонка, но ей же за воротник швырнул снега с крыльца подъезда. Лёд на школьном дворе оставил, несмотря на ругань дворника, и первый катался на подошвах, а за ним орава учеников.

На маленьком стихийном рынке остановился у торговли выпечкой. Порылся в карманах, однако монет не нашлось, и он, нимало не смущаясь, весело развёл руками. Женщина, хохоча, бросила ему в руки пирожок.

Парень поднялся на холм за торговым центром, постелил куртку на землю, улёгся и занялся пирогом.

Вокруг из прошлогодней травы полезли жёлтые мать-и-мачехи.

* * *

Май с подругами Атикат, Илтой, Ажар и Рахией босыми ногами по крышам. Они красивые, сильны и любят своих мужчин.

Атикат шепчет, оглаживает руками землю, кору, лепестки, посуду в чайных, шерсть, корзины, стебли, бутоны, стволы. Все они, и даже камни, дают свой аромат.

У Ажар корзина, в которой бумажные свёртки. Стоя на крыльце мира, она бросает и бросает из них семена.

Рахия улыбалась, шла куда хотела и где хотела сидела. Ветер вытягивал голову у неё на

коленях, рычал и сворачивал кольцами хвост. Это главное, что от неё требовалось, – свободно идти и свободно смеяться.

Илта расстилает свой платок, и мягкая пахучая темнота обнимает прохожих, дома, тротуары.

Май, вытянув ладони к небесному ковру, начинает свою песню.

* * *

Открытая банка с летом стояла на столе. В тишине комнаты из круглого отверстия, как бы издалека, слышны разнообразные звуки: звяканье посуды, шум волны, смех, жужжание бензопилы. Были голоса продавцов из фруктовых ларьков, какое-то скрипение и постукивание. Всё это смешивалось, одно переходило в другое.

Из банки шли запахи, они тоже перемешивались: сочный огурец и варёная кукуруза менялись на ароматы распиленного бревна и сигарет.

По всей комнате вдоль стен на деревянных стеллажах стоят другие стеклянные банки. Грубоватые мужские пальцы передвигают их, открывают и снова плотно прикручивают крышки.

В банку, стоявшую на столе, они добавили паровых гудков, запаха мокрого белья и тархтения града. Её содержимое зазвучало невнятно, как ненастроенное радио, потом снова стали различимы отдельные голоса.

Сильные руки взяли банку и аккуратно вылили за окно.

Содержимое растекалось на улицах, по стенам домов проникало в открытые форточки. Таких пока было мало, и лето задерживалось на стёклах. Когда окна распахнутся, оно заплывёт в квартиры, растреплет газеты, шерсть котов и собак, встряхнёт комнатные цветы.

Оно похозяйничало в парках и на клумбах, быстро и весело разбежалось на набережной, подпрыгнуло и окончательно отпрокинулось на город.

* * *

– Ваня, стой песню!

Парень с гармоникой выводит пчелиный звон, запах одуванчика, шум свежего ручья и ещё что-то большее.

– Ваня, сыграй жалостливо!

Тот клонит голову, и лица прячутся в окнах, серой водой поливаются травы, и жмётся по веткам яблоневого цвет.

Когда замокает платье Анюты, Иван загребаёт в горсть облака, достаёт из кармана золотого петуха, пускает его по тропинкам и крышам и сам бежит с улыбкою дурака.

Под вечер Ваня, за пояс обняв свою Анну, тихо дыханием греет селения и города, сторожит еловые шорохи.

Июнь-парень, Июнь-девушка – дорога их рада загорелым ногам. Шиповник у них пьяный-пьяный, танец по тротуарным камням. Раскрыты руки на тёмно-зелёных стеблях, солнце на шеях, ресницах, губах.

* * *

Июль – не то итальянка, не то испанка – распахнула двери веранды и вышла на яркий зелёный газон. Её соседка Моника Блант расчёсывает волосы. Первая усмехается:

– Ты красивее меня! Дай свой голос!

Моника расхохоталась. Июль знает, что её времени нужен смех счастливой от себя женщины.

В саду напротив четырёхлетка Бонс ревёт, сломав пластмассовый автомобильчик. Что же, и дождям будет место. Съезен и Алан, им по пятнадцать, держась за руки, столько пускают в мир солнца, что яблони созревают в этот раз, как ещё не бывало. Адами, ему восемнадцать, и он думает, что уже детектив. Его мечты покрасят утренние облака. На площади игры – кому и с кем в кругу танцевать. Сара находит глазами Джейну:

– Я её выбираю!

А будь кем хочешь и имя себе выбирай любое. Июль дарит им всем свои дни и ночи, а потом пусть как знают.

Дозревают вишни, и налито тепло в моря.
По кварталу бегут дети – маленькие летние боги.

* * *

Август слушал Озборна в больших неде-
шёвых наушниках. Качество имеет значение,
когда с тобой говорят на одном языке, а чужак
в круглых очках мало того что понимал грозы
между небоскрёбами, так и сам мог добавить
оттенков в предстоящие четыре недели.

Его Yamaha гремела по дорогам, тротуа-
рам, балконам и проводам. Лиловые вспышки
ломались в тучах, дым заполнял переулки.

В сумерках мотоцикл отправился на плат-
ную стоянку. Владелец хотел увидеть город
не только в виде пятен неона, летящих перед
фарами.

Обходя красочных распутных девиц, он
вошёл на пешеходную часть с кафе и арт-мага-
зинчиками. Отцепил ветер, намотавшийся на те-
лебашню, и затолкал в карман кожаной куртки.

Август брал в свою мелодию песни бездо-
мных гитаристов, голоса кораблей, уходящих в
долгие рейсы, низкий и мягкий женский смех,
звон льда в стаканах и пламя фаерщиков. По-
думав, добавил к вечерам новый трек Земфиры
и ритмы дождя в водостоках.

Небо задумчиво слушало этот блюз.

* * *

Достав местный паспорт вместо иностранно-
го, она бросила его на приборную панель. Загра-
ничный затолкала в тряпочную сумку на сиденье,
где он провалился в мешочки с кофе, сушёными
сливами, чабрецом и всякими разностями.

Старый грузовичок с открытым кузовом
остановился на дороге в полях. Полная жен-
щина с кожей цвета шоколада, в цветном хлоп-
ковом платье, тюрбане и прочных башмаках
выбралась из машины и размяла ноги.

Осень идёт медленно и думает о земле под
колосьями. Лицо её заливают слёзы. Она пом-
нит каждого, шедших друг на друга и павших.
Юнцы и старцы танцуют, целуются, молятся
и уходят, а ей их оплакивать. И плач её всех

цветов, языков и религий.

Но не только этот дождь принесён ею. Она
богата. Осень щедра и хочет дарить.

Крепко поцеловав тыквы, она красит их
закатом. Груши полнятся солнцем, в виноград
течёт настоявшийся день. Добавляет упругости
томатам, дорисовывает полосы на арбузных
кожицах. Утра будут созревать в сырах, а ночи
закупориваются в винных бутылках.

Грузовичок въезжает в город. Она стелет
в нём дорожки ручного ткачества. Цветы на
клумбах разгораются густым бордовым, фио-
летовым и оранжевым. Осень убавляет тепло
на улицах, и после работы жители спешат к
домашним чайникам и хлебу.

Начало положено, и ей нужен кофе, крепче
которого только бразильцы, его собиравшие.
Она останавливается в деревянном домике го-
стиничного комплекса, бросает свои вещи моло-
дому человеку, ожидающему у двери. Сентябрь
поймал ключи и припарковал её колымагу.

* * *

Сентябрь побросал чемоданы в кучу, не
разбирая. Из картонных коробок вывалились
его оксфорды, дерби и броги из оранжевой
замши и красной кожи. Плащ упал на клёны
возле администрации, шарф намотался на Бо-
танический сад, а шляпа укатилась за фабрику.

Пока он гулял ничем не занятый. Толкался
на четырёх городских мостах, слушал оркестры
и смех. Прохожие оглядывались на запах его
одеколона и отлично сшитый горчичный пид-
жак. Дела принимать не торопился.

Возле баров подозрительно порыжели дере-
вья. Август ухмыльнулся и отменил вызов такси.

* * *

Октябрь танцевал с девушкой.

Октябрь любил девушку, ревновал к её мо-
лодому человеку. Парк, одетый в лисью шубу и
белый дым от котельной, он не знал куда девать
руки и на что ему столько времени. Набросал
каштаны прохожим прямо под пятки, в туманах
дороги от Ростова до Вятки. Ругаясь, «Камазы»

ползут по ручьям и лужам, замочил до души, кто её-то просушит? И недовольно утки поджали лапы – его двадцатый день на них капал.

В своё тридцать первое утро он танцевал и её приглашал в танец. И в этот раз Октябрю улыбались окна офисных зданий.

Водители курят молча, в погасающих тучах взгляд.

Октябрь уходил рассеян и немного богат.

* * *

Одетый в серое пальто, что-то из тридцатых, на шее вязаный шарф, худой и высокий мужчина сидел на скамейке под знаком автобусной остановки. Здесь ходят редкие междугородние, сейчас же больше не было никого.

Утро только просыпалось, и не очень охотно. Воздух синего цвета, кусты вокруг, совсем облетевшие, торчат, как метёлки. По дороге проехала ранняя машина хлебозавода, а всё остальное ещё молчало.

Человек на скамейке вынул бутерброд с колбасой, завернутый в бумагу. Он вздохнул, и снежная крупа от его дыхания долетела до вороны, которая приземлилась на асфальт. Птица взъерошенно и неодобрительно посмотрела на него. Мужчина отломил кусок бутерброда, бросил в её сторону.

Они завтракали в светлом утре и смотрели на улицы, которые всё точнее чертились вдалеке.

Ворона вопросительно посмотрела на мужчину, тот кивнул головой, и она полетела со свежей, но ожидаемой новостью.

Ноябрь поднялся, стряхнул крошки с колен, опустил руки в карманы пальто и не спеша вошёл в город.

* * *

На небе вкрутили новые лампочки. Они были ярче, но с холодным светом, и подняли их теперь выше прежних.

Готовились к зиме.

Войлок туч растягивали во все стороны и на большие пространства. Практически весь он уже никуда не годился. Цвет его был тёмных тонов – серого, с чёрными пятнами. В сильно порванные полотнища набилось много пыли, сухих листьев, веток. Те, что висели над городами, выбросили сразу, почти не осматривая. Пыль, которая с них сыпалась, пачкала всё вокруг.

От золота октября в этот раз ничего не осталось. А вот на яблоневых ветках сохранились все плоды. Яблоки берегли. Ими будут заниматься особо, поливать пеной инея. На солнечных местах заработают огранщики, забирая красные шарики в твёрдые прозрачные оболочки.

Выливали ведра и ведра грязной воды. Затем привезли новые тучи и сразу занялись их распаковкой. Эти дела должны быть сделаны до того, как звонкие каблучки новой хозяйки быстро пробегут по паркету.

Её стройная фигура появилась на лестнице. Бросив дорогие прозрачные серьги на столик, она села в кресло и, не закрывая глаз, отдыхала. Все знали, ей нужен всего час, и процесс запустится.

Даже примерного графика не было. Куда поставить хрусталь, укладывать и вешать зеркала, сыпать блестящую пыль – будет решать она.

Начали около пятнадцати часов – сразу в городах и на окраинах. С высоты через отмеренные промежутки времени двинулись вниз снежинки. Расстояние между ними было довольно большим, но в то же время таким, чтобы не было пустот, и выходило как бы кружево редкого плетения. Запускающим было дано указание о плавности и тишине.

Сверху стало мягко и серо. Снизу, из света витрин магазинов, донеслись смех и возгласы. Переход состоялся.

Евгений ЯЗДАНОВ

Родился 19 июля 1987 г. в с. Толбазы Аургазинского района. Живет в г. Уфе.

* * *

С зерном Твоим я плыл во мгле,
тряся дыхательные крылья,
к нему тянулся звездный лес,
одновременно я бессилие

и сила, как путь листка,
сорвавшегося этой ночью,
в пример столбам подобным листьям,
распятым на земле Лунуо.

За тьмой сверкая окружал
в Своем глазу меня цветами,
и водопадом отражал,
где отражалась ночь пустая.

О, водопад, но были слово,
опустошение и ночь –
всю ночь текла душа по склону,
текла обратным током прочь.

Меня хранит духовный голод,
духовная пустыни жажда,
ночами свет ищу, как лодку,
и ем пустыни соль, что правду.

Раскалены сосуды крыльев,
которые покрыты словом,
где Ты – зерно, лаская выдох,
крестом вися и ужасая вдох мой...

САМАРЯНКА

ПЛАЧ В ВЕЛИКИЙ ПОСТ

1

О, плач песков, где тонут рыбы,
о, берега в песочной пене,
ковчег, как ночь перед обрывом
и звезды, метившие небо,
где тонет лунный челн святых,
над книгою плывя сегою,
семья младенцев выживших,
воспитанных Твоею кровью,
и над пустыней дно висит
необозримого Закона,
и книга с звездами стоит,
в которой холод дна – основа.

2

Где смысл песка в том, что есть вера,
всплывает рыбами молчанье,
неся с собою в серебре –
из глубины звучанье.
Где Иудейская пустыня,
одетая снаружи бедно,
в верблюжью эту холщевину,
где не озвучивают беды,
так как озвучено молчанье.
Песок звенит постом и стоном
на расстоянии от знаков в море,
частицами чудес в том море,
что нам транслируют себя же
в пространстве, то есть знаки Бога,
напоминая тем о Боге.
И те, кто шел, воззвали в сердце,
и те, кто шел, подняли плач,
и я шел тоже, в воскресенье,
на службу вслед Причастию,
и знаки в море вспоминал.

ВЕСНА

2

Какая первая волна!
Как одинока безупречность
глашатая весны, в тумане
невидимого, бесконечность
который рассекает, грозно
и весело-неумолимо,
невидимую звоном
пересекает опухоль,
откуда появились
впервые люди и с гнездом
на онкологии вокруг сливы
на ветках птицы, и льют дробь
лучами, где моей весны,
неизлечимо-бесподобной,
все разбивается волна
лучами, птицами дробясь.

1

Здесь вол и здесь осел
смотрели пеленичным оком,
Мария и Иосиф
блаженно внутри вошли пеленок.

Так свет, цветя в глазах
животных, как дитя, родил их,
и так же в пеленах
родительницы молодились.

Ведь говорится: все,
кто свыше повторяет рожденье,
как грустный брат Иосиф,
принесший плат для погребенья.

Господь, вот одеянье:
нас ночью спеленавший снег,
который серебрян –
его несем звездой, – одень.

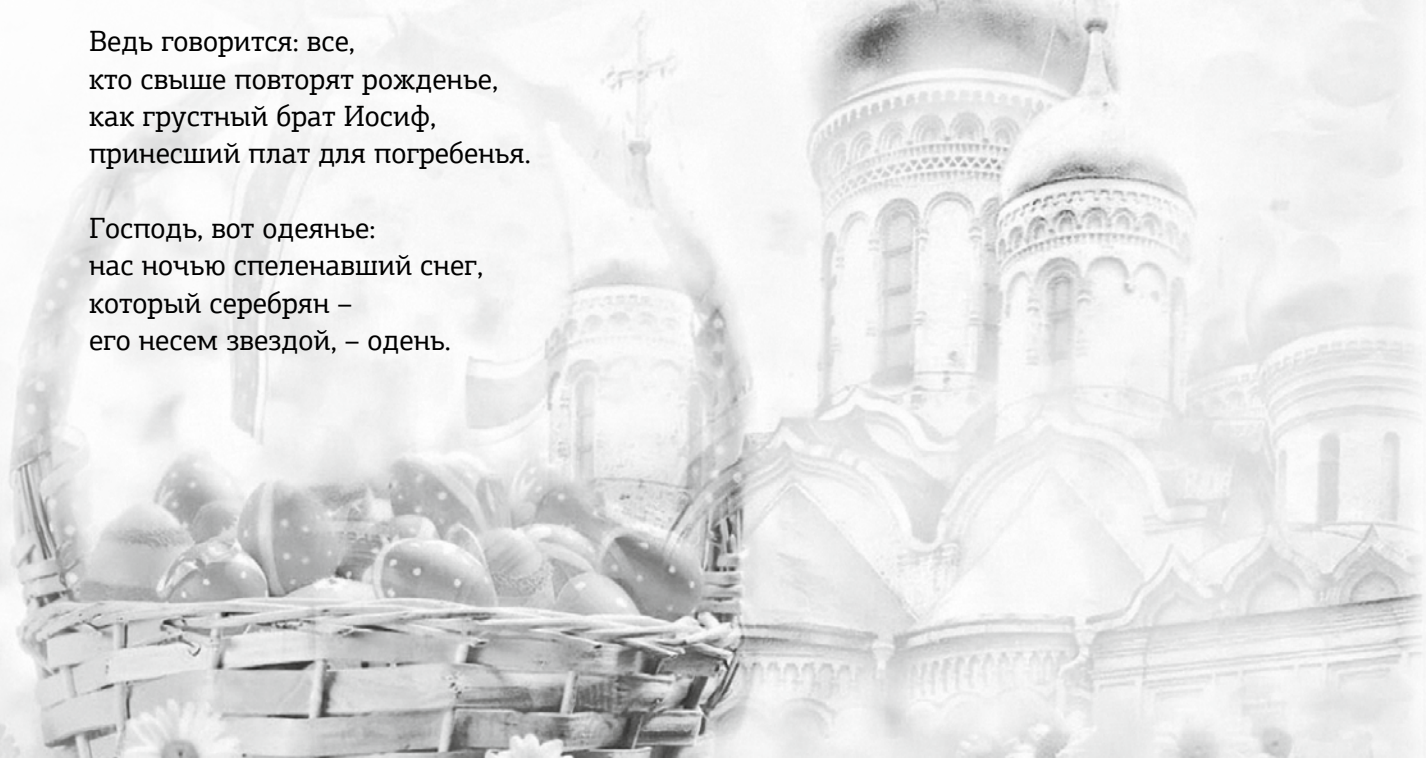
Сияла ночь в ночи заветной
овечьей серебристой шерстью,
пастушьи очи стражи звездной
пророчествовали, крутились.

Ночная благодать разлилась,
наполнил космос тук овечий,
и твердь земная уж прямилась,
росла и поздравляла вечность.

Остановилась колесница
над пастухами и их стадом,
когда бродили их зеницы
над овцами, их волосами.

* * *

Сегодня ночью мысли снились,
в то время выпал снег античный,
в то время я остановился,
чтобы дух сонно-гармоничный
перевести в дневное русло.
Остался я, но мне казалось –
я падал, в ночь насыпаясь,
в карманы ночи, в закоулки
лежащего, но в снежных валах
безостановочно-живого
и свежего своей печалью,
мифичностью, происхождением.

Мария ТУХВАТУЛИНА

Родилась 17 апреля 1993 года в Рязани. Выпускница факультета русской филологии и национальной культуры РГУ им. С. А. Есенина. Автор книг стихов «Простые вещи», «Чудеса и чудовища», «Молитва дилетанта». Лауреат фестиваля «Всемирный день поэзии – 2019».

НОЯБРЬ

Что впереди полгода темноты –
И с темнотой придётся нам водиться,
Как с затяжным этапом немоты.
Что не родиться – лучше, чем родиться
И самого себя же обречь
На дерзость и дешёвую отвагу.
Что строчки не спешат за берега,
Но под рукой чернила и бумага:

Какой ещё тревоги нагнету,
Пока в ноябрь ведёшь меня за руку.
В сырой туман, деревьев наготу,
Туда, где недочитанный Харуки,
Где медленно качает интернет
То доброе советское, то Линча.

Ноябрь извне – и чуточку во мне.
И даже свет всех лампочек столицы
Не отменяет ветра в проводах
И расстояний между фонарями.
Как остывает сонная вода,
Текущая соседними мирами...

Я не обижусь, если перебеёшь.
Слова по поздней осени как вектор –

По слякоти идёшь себе, идёшь.
Слова и отличают человека
От тени, что спускается в метро,
От дерева, что машет чёрной веткой.
У ноября холодное нутро,
Но нет на свете царствия навеки,
Хозяину холодной темноты
Немного жаль забавных людей.

* * *

Смерть канатоходца – пара строчек,
Смерть поэта – притча во языцех.

Стопка накрахмаленных сорочек
Против грима, вжившегося в лица.

Нынче что – грубей клавиатура,
Чем резьба дуэльных пистолетов.

Кто видал в гробу литературу,
Тоже любит парочку поэтов.

Только всё слышнее сквозь столетья
Подо льдом журчанье Чёрной Речки.

Чья-то – гарантирует бессмертье,
А кому-то – кратче, человечней.

* * *

Март уже на подходе. Снегам
Всё труднее держать лицо.
Если я не подам сигнал –
Всё равно замыкай кольцо,
Потому что не то чтоб я
Лишь сейчас начинала жить –
Я и так легион бабья
Не пополню – наладив быт,
Я не стану над ним дрожать,
Начадив фитилём свечи:
Раз над разумом есть душа –
И тебя ли тому учить –
Значит, каждый неверный шаг –
Лишний шанс приукрасить век.
Так однажды легко дышать –
А вокруг почерневший снег.

* * *

Так приходит волчок, не зная, кого кусать, –
Переходят в потьмах друг в друга черты лица,
Умолкают в одном созвучии голоса:

разбери, лиса,
Для чего засыпающих с краю караем.
Зажигалки и мелочь из их карманов –
Вряд ли откуп зажравшимся слугам зла.
Подождут будильники и вокзал – не ворчи

«когда же» –
Их разбросанные одежды
И невытертая посуда – знак того, что они
отсюда.

След помады на пустом бокале.
Переполненная пепельница на балконе.
Кто из раковины лакает – их оставит вот-вот
в покое,

Потому что – кого кусать? И квартира
на вид пуста.
Даже если чуешь, что рядом локоть,
Марципан или свежие сливки плоти, –
каноничного края нет,
Как у моря, что снится спящим. Нежить ищет –
да не обрящет.
Забирает лишь горсть монет.

ЛИЧНЫЕ / ЛИШНИЕ ВЕЩИ

Покупать у старушек увядшие к ночи букеты –
Просто из жалости, чтобы не мёрзли в потьмах,
От соседей тайком выдавать драным кошкам
обеда,

Вырастать из обид, из кусающих пальцы
нерях?
От огромной любви – до билетов в кино ли,
на море,
От намоленных мест – к огонёчку в знакомом
окне,

На котором ссутулился старый невзрачный алоэ,
Чтобы, в дом заходя, я шепнула лишь:
«Радуйся мне».

Вырастать – как дитя из застиранных мамой
пелёнок.

Вот бы искорку хоть, чтобы видеть,
что ждёт впереди.

Я с работы иду, из подвала мяучит котёнок,
Пожилая цветочница вслед
безразлично глядит.

Павел СИДЕЛЬНИКОВ

Родился в 2002 году в г. Тюмени. Выпускник школы литературного мастерства им. В. Крапивина. Студент Центрального филиала Российского государственного университета правосудия. Победитель студенческих литературных конкурсов в номинации «Авторское слово». Публиковался в журналах «Подъём», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», в казахстанском журнале «Дактиль». Живёт в Воронеже.

ГОЛУБИКА ВЫРОСЛА В САДУ

* * *

Я вспоминаю, как сидел
Над алгеброй. Ходил к балкону.
И ночь – неусечённый конус –
Математический предел.

Я в третий час ложился спать,
Как друг мой Лёшка, одноклассник.
Он понимал, что жизнь напрасна,
И цифры вписывал в тетрадь.

Проходит время. Что сейчас?
Тетрадь лежит на пыльной полке.
А мы сидим – сидим без толку,
Со школьным временем простясь.

* * *

Голубика выросла в саду.
Ягодку сорву – за ней найду
Ягодку другую, чуть помельче.
За оградой копошится ельник.
Ягодку сорву, ещё одну
И в корзинку мамину взгляну.

* * *

Вот так смотри: чужого не дано,
А что своё – то в рамку и на полку.
И я смотрю и робко, и чудно,
Подобно большеглазому ребёнку.
И взгляд далёк, он требует тепла,
Родного дела, как стихотворенье
О том, что жизнь со мною не была,
Хоть и она закончилась рождением.

* * *

Так уехал из Тюмени
я на запад и восток.
Б. Рыжий
А я – на юг.

И в общем, не жалею –
Мою ходьбу выносит чернозём,
И, как осины, вскоре порастём,
И свежий воздух оживит аллею –
Тот свежий воздух, как перед дождём.
Здесь по-другому, кажется, но всё же
Приветлив лист – он сам лежит в руке.
А где-то там – в сибирском далеке –
Отец и мать, мои друзья дороже,
Чем привкус табака на языке.
И так слагаешь мысли к диалогу,
Не в силах удержать простой мотив:
Тюмень – Воронеж – противоречив.

Нет, не вернусь – к тому же, слава Богу,
Что вообще я жив!

* * *

Помню:
мы курили поздно ночью
И читали Блока наизусть,
И стояли – порванные в клочья,
сохраняя слово.
Ну и пусть.

* * *

И вдох, и выдох
Уже неразличим.
А. А. прочитан.
Давай поговорим.

Светло на кухне,
И кухня – это рай.
Свеча потухнет.
Свеча, не потухай!

Конца и края
На свете нет. Речам –
Свеча ночная,
Прекрасная свеча.

* * *

Ещё не ночь.
Всё куришь, ждёшь,
Когда сплошная чернота
Закроет небо. И тогда
Проснётся дочь
И пустит дождь.

Ты теплом согрета.

Нет конца
счастью и поэта, и отца.

* * *

Бессонница. В ночном бреду
Разыгрываешь пьесу в лицах,
Приближая жизнь к суду,
Страшнее просто отступиться.

Из рая, из последних рук
Буонаротти вырвал фрески,
Где, затаившись, тихий звук
Становится живым и веским.

И жадно вглядываясь в цель –
Пространство музыки и ночи, –
Поймёшь божественный прицел,
Который сам и наптророчил.

Казалось, что судьба – игра,
Как классики – с ноги на ногу,
Но только прыгнешь – и пора! –
Вставить на звёздную дорогу.

И, ждущий Страшного суда –
Трусливый, маленький, хохлатый, –
Как птенчик, выпал из гнезда
И поджидает час расплаты.

Екатерина ПЕШКОВА

Родилась в 1990 году. Преподаватель Забайкальского государственного университета, переводчик. Печаталась в газете «Забайкальский рабочий», «Вечорка», альманахе «Слово Забайкалья». С 2013 года принимает активное участие в литературной жизни Забайкальского края (организация литературных вечеров, выступления в рамках поэтических дуэлей), всероссийских и международных поэтических конкурсах. В 2017 году вышел первый сборник стихов «В потоке мыслей». Член Союза молодых литераторов Забайкалья с 2019 года.

2020

Мы чесали ногами покатое брюхо холма –
Отзывался нам холм и ветрами дышал
по-собачьи.
Мы не верили в зиму – бесплотною стала зима,
И судьбы не боялись, себя по квартирам
не пряча.
Холм разлёгся меж рек и растил потихоньку
полюнь.
Растянулся и млел. И, отбросив беспечно
сандали,
Мы бежали вперёд и ловили горячую синь.
Мы играли в свободу и в лето по-детски
играли.
Холм не знал новостей, не слышал
про коварный недуг.
Он молчал и встречал безрассудство,
печали развевая.
А в траве сам себе напевал потихонечку жук.
Пахло солнцем и счастьем с бодрящею
ноткой шалфея.

* * *

Фонарь, как цапля на одной ноге,
Ловил лучами чьи-то силуэты.
Летели хлопья – снежные кометы.
Метелило. В серебряной фольге
Спала дорога. Верилось: зима...
В оконной раме мне лгала реальность:
Меняла осень временно тональность,
И временно в себя впитала тьма
Поблёкший ильм, заснеженный цветник.
Но в этой лжи ирония живого –
Не обманувшись, не поймёшь простого:
Безмерно айсберг истины велик.

* * *

Свистит скворец, шумит кустарник,
Бурлит ручей своим контральто –
Из нот простые алгоритмы.
И инструмент всему свой дан.
Гремит по крышам дождь-ударник,
Стучит по панцирю асфальта,
Рождая для раздумий ритмы.
Весь мир – огромный барабан.

Легко скользит в хрущёвке старой
По вентиляционным флейтам
Да на печной трубе весною
Играет ветерок-шалун.
Владеет мастерски гитарой
Река, стремясь с великим рейдом
Куда-то вдаль, неся с собою
Журчанье переливов струн.

И жизнь грохочущим оркестром
Летит вперёд, сменяя акты.
Лишь солнце световую гривой
Покачивает не спеша.
И, отмеряя темп, маэстро
Лучом отсчитывает такты
Спокойно, ровно, терпеливо.
...Тихонечко поёт душа.

ПОДСОЛНУХИ

Поворот. Полыхает дорога –
Излученье в пятьсот киловатт.
Распожарилось в стиле Ван Гога.
Я смотрю на неожиданный закат,
Что растёкся по дикому полю,
Разукрасив линиями ландшафт,
Полумёртвой цветущею болью
Сердце путника околдовал.
Гнутся стебли, как спины, от гнёта –
Тянет семя набухшее вниз.
Где ваш Бог, подаривший свободу,
Позабывший о вас? Отзовись!
Тишина. Не дожидаться ответа.
Ни к чему здесь «Спаси, сохрани».
Солнцеглавые отпрыски лета
Догорают напрасно одни.

ТОСКА

Михаил Валерьевич шёл по раскисшей дороге, утопая в жирной грязи по самые щиколотки. Ночь, ветреная и сырая, окружила его плотным саваном. Тяжёлый рюкзак тянул плечи к земле.

Её глаза. Михаил Валерьевич понимал, что никогда уже не забудет глаза, увиденные в тот вечер. Никогда.

...Два дня назад он, бросив на рабочий стол заявление об отпуске, собрался и поехал к матери в деревню – три часа от города на электричке, в которой едва пахнет рассадой и жирными пирожками, и вот ты уже здесь, на пустынной платформе с осыпающимися краями.

Михаил Валерьевич любил приезжать в деревню: стоять на холме над чёрными рельсами, смотреть на притаившуюся в низине деревеньку. Если крепко зажмуриться, втянуть в себя аромат разросшегося борщевика и пряную горечь полыни, позволить солнечным лучам упасть на впалые щеки, то легко можно вообразить, будто за прошедшие годы ничего и не изменилось.

Разбросанные тут и там мелкие домишки с черепичными крышами, покосившиеся заборы и пыльные дорожки, что змеятся песчаником среди сочной травы. Пучеглазые коровы, топчущиеся у ворот. Колодезная вода.

Мишу, как и прежде, ждёт румяная мама, достаёт из светлой печи пироги с ревенем и капустой.

Всё это было в детстве, а сейчас Михаил Валерьевич сморщил лицо, прикрывая глаза от пыли рукою, и увидел деревню, каковой она стала после его отъезда. Дома, ушедшие почти под землю, рассыпавшиеся на куски, пока под выбитыми окнами разрастается колючий бурьян. Глухая тишина, будто всё здесь давно похоронено людьми. Ни хриплого петуха, ни быстрого курицы.

Дорога, затянутая ковылём, приветливо расступалась перед неожиданным гостем. Подтянув лямки рюкзака, Михаил Валерьевич спустился по насыпи и пошёл домой. К матери. Ковыль золотистыми стрелами цеплялся за мятые брюки.

На всю деревню осталось два дома – матери и её далёкой соседки, Ильиничны. Все разъехались кто куда, забрали нехитрый скарб и бросили дома умирать под напором дождей и сильных снегопадов. Мама уезжать отказалась – она стала на пороге, маленькая и круглая, словно бочонок, глянула сыну в глаза и крикнула изо всех сил:

– Не дождёшься! – А потом и вовсе захлопнула дверь перед его носом.

Идти по мёртвой деревне не хотелось, и страх этот вовсе не был ознобом от встречи с неизведанным и жутким, нет. Это был тот самый страх, когда ты ступаешь жарким днём по дороге, из которой пучками растут одуванчики, и светлый пух их подпрыгивает на тонких ножках, вышагиваешь среди берёз и осин, а внутри тебя – лишь пустота, щемящее одиночество.

Михаил Валерьевич до тошноты устал от этого одиночества. К матери в последние годы заезжал редко – то работа, то сварливая жена, то дела какие-нибудь... Словом, мало ли можно найти для себя оправданий. А сейчас, потерявшийся внутри гомонящего мира, Михаил Валерьевич побросал вещи в рюкзак и не раздумывая поехал к матери.

В руке он нёс тяжёлый пакет с едой. Послеполуденное солнце било в глаза, ослепляло. В воздухе с ленивым жужжанием висели толстые шмели, а редкие комары чуть удивлённо звенели в тягучем жаре. Парочку из них Михаил Валерьевич прихлопнул бледной рукой.

Деревня скончалась давно, но то тут, то там покоилась среди душистой травы очередная белая печь, валялись глиняные черепки по обочине... Михаил Валерьевич оглядывался, словно приведение увидел, – перед его глазами стояли ухоженные дома, в которых когда-то, тысячу лет назад, жили его друзья-мальчишки, его соседи и его родные.

Никого не осталось. Жизнь разметала, растащила, разбросала по сторонам.

Природа понемногу отвоёвывала земли у человека, стыдливо прикрывала костлявые остовы тонкими деревьями и зарослями чертополоха, пускала по нехоженой тропинке рос-

сыть ромашек да клевера. Михаил Валерьевич топтал траву, не испытывая сожаления.

Ему казалось, что детство умерло вместе с этой деревней и теперь уже ничего не будет прежним.

Мама ждала его на крылечке – за последние годы дом покосился, а половики у дверей истлел в прах, лишь торчали сероватые обрывки у порога. Мама, одетая в просторное платье и стоптанные тапки, выглядела похудевшей и старой. Старее, чем обычно.

Ирина РОДИОНОВА

Ирина Родионова (Сотрихина) родилась в 1995 году в Новотроицке. В 2018 году на Всероссийском семинаре-совещании молодых писателей «Мы выросли в России» была признана лучшим молодым фантастом, в 2019 году – лучшим прозаиком. По результатам семинара при грантовой поддержке вышли сборники рассказов «Мариуш» и «Жажда». Обладатель специальной премии в рамках областной литературной премии им. С. Т. Аксакова в 2020 году. Печаталась в литературных журналах «Гостиный двор», «Лёд и пламень» и др.

– Батюшки! – вскрикнула она и даже всплеснула руками, хоть глаза её и подёрнулись смешинкой. – Это кто к нам пожаловал-то?..

– Здорово, мам, – сказал Михаил Валерьевич, открывая калитку. Распахнуть её было не так-то просто – доски вросли в землю, и пришлось для начала приподнять их, чтобы протиснуться в огород.

– Чаво пожаловал? – спросила мама. Она сидела на деревянных ступеньках, сама красная и взмокшая, с почерневшими от земли руками. Неподадалёку валялись наточенные грабли. Значит, опять в грядках весь день проводит.

Михаил Валерьевич подошёл к матери, уронил тяжёлый рюкзак на землю и поставил рядом шуршащий пакет, ручки у которого растянулись от тяжести. Наклонился, поцеловал маму в щёку, улыбнулся сквозь силу.

Она была ему словно чужая – они так давно не виделись, что в душе всё студенисто задрожало. На миг Михаил Валерьевич подумал, что зря приехал, она ведь привыкла жить в пустом доме, ей спокойнее наедине с мёртвой деревней, а он вторгся, таща на плечах собственную боль...

Мать, подцепив пакет грязной рукой, придирчиво глянула на продукты и цокнула, обрадовавшись. Жёлтое масло, жирное молоко, сметана и свежий хлеб – всё, что мама любила.

– Так чой приехал-то? – спросила она, прищуренно глянув на сына снизу вверх. Солнце било ей в глаза, выделяя на загорелом лице каждую глубокую морщину.

– К матери приехал. Повидаться. Нельзя?..

– Можно. Чаво нельзя-то?.. Вот что, скидывай одёжки – там у печки вещи лежат, выбери, чаво подойдёт. Бери лопату и дуй в огород.

Мать не теряла ни минуты.

И вот только сейчас, не видя перед глазами разлагающиеся дома, не слыша стрекотание кузнечиков в высокой траве, Михаил Валерьевич понял, что вернулся домой. Он стал тем же мальчишкой, что поутру сбегал через окно и во все пятки мчался на реку удить карасей и бычков, только бы мать не заставила в огороде полоть редиску или окучивать картошку.

Михаил Валерьевич улыбнулся, втягивая в себя горячий воздух.

И пошёл искать одежду.

* * *

Лучше всего в деревянном срубе было поздним вечером – мать затопила баню по-чёрному, вымылась до скрипа и вернулась в ситцевом халате, заплетая в косу влажные волосы. Михаил Валерьевич, приглядевшись к её наряду, вспомнил вдруг, что сам давным-давно подарил этот халат ей на день рождения.

Надо же. Столько лет прошло, а она сохранила.

Заметив его пристальный взгляд, мама улыбнулась. Она редко говорила с сыном о любви, не проявляла всякие нежности – скупая на ласку, мама больше заботилась о смородиновых кустах, чем о сыне. Михаил Валерьевич давно привык к этому, но каждый раз, видя мамину улыбку, едва мог сдержать рвущееся изнутри слабое счастье.

– Топай мыться, – ласково буркнула мать. – Вымазался, как хряк. – И, подумав, прибавила: – Белоручка.

– Я тоже тебя люблю, – отозвался Михаил Валерьевич и, прихватив колющее полотенце, вышел из уютного дома.

Ночь казалась тихой и спокойной – у реки шлёпались в воду лягушки, квакали протяжно и с надрывом. Михаил Валерьевич остановился под высоким небом, всей душой вдохнул ещё тёплый воздух, едва отдающий надвигающейся прохладой.

Хорошо. В городе пахло бензином и смогом, плавленым асфальтом и пустотой. В деревне же слишком мирно и спокойно, чтобы страдать понапрасну.

Чуть не рухнув на тропинке между аккуратными грядками, споткнувшись о какой-то деревянный чурбак, брошенный прямо на дорожке, Михаил Валерьевич замер и заморгал, привыкая к темноте. Тьма тоже чудилась ему непривычной – едва разгоняемая слабым отсветом звёзд, она заполнилась шорохами и тя-

жѣлым дыханием, будто приказывала замереть на миг и вслушаться.

Михаил Валерьевич почувствовал себя мальчонкой, который тащит с реки улов или крадѣтся на охоту за утками. Небо, огромное и мрачное, и он, маленький и ослабевший. Посреди чѣрного огорода, посреди заброшенного мира. Один, совсем один. Даже дрожащий свет в окнах померк, словно оттуда исчезла душа.

Словно пропала из этой мѣртвой деревни и мама.

В грудь змеей пробрался холод, завозился там, обживаясь. Стиснув себя руками, Михаил Валерьевич бросился к бане, не желая думать ни о чѣм другом.

Чуть позже, сидя за столом в бревенчатом доме, распаренный Михаил Валерьевич набивал рот всем, что мать щедро накладывала в блюда и тарелки: кабачковая икра, маринованные огурцы и мочѣные помидоры, клубничное варенье, абрикосовый компот и сушѣная вишня...

Мать, прихлебывая молоко, довольно жмурилась. В распахнутое настежь окно, косо прикрытое сетью от надоедливых комаров, просачивалась ночь.

– Вкусно? – спросил Михаил Валерьевич, оторвавшись от материнских яств.

– Не очень, – не стала лукавить она. – Какое-то молоко это... никакое. А я пожирнее люблю. Но это хоть свежее. Батюшки, сколько я молочка-то свеженького не пила...

– Я буду чаще приезжать, – в очередной раз пообещал Михаил Валерьевич, утирая платком посеребрѣнные усы. Знал ведь, что не будет, но всегда ей так говорил. – Привезу еды побольше...

– Приезжай, – в очередной раз сказала мама, зная, что он не приедет. Что-то вроде старой семейной игры – он врѣт, а она делает вид, что верит. Им так проще. Обоим.

– Так всё же, чаво ты тут забыл? – цепко спросила мама, придвигаясь к дубовому столу. Михаил Валерьевич, закашлявшись, отвернулся.

– Просто решил навестить. От тебя ведь ни привета, и позвонить нельзя... Соскучился по старухе своей.

– Ты старуху-то попридержи, – посоветовала мать, сощурившись. – Ишь ты, соскучился. Не хочешь – и не говори.

В ответ Михаил Валерьевич лишь захрустел свежим огурцом.

– Как Надя? – спросила мама словно бы промежду прочим, но даже плечи её, рыхлые и покатые, будто приподнялись, а ноздри затрепетали, вынюхивая.

– Всѣ нормально.

– У неё или у вас?

– У нас. И у неё тоже, если тебе так интересно.

– А чаво один приехал? Без жены?

– Надя работает, – кратко пояснил Михаил Валерьевич, напропалую хрустя огурцом. – А у меня отпуск.

– Я-ясно...

Тяжело поднявшись, мать подошла к окну и прикрыла его, оставив лишь узкую щѣлку, чтобы было чем дышать. Погасила толстую свечу, воск которой плавился и вновь схватывался, казалось, уже тысячу раз подряд.

Всѣ померкло. Михаил Валерьевич, подбрав ломтѣм хлеба варенье, поднялся, чтобы забраться на печь и уснуть там, на тѣплом топленном боку, который разве что не парил в душной комнате.

– Заглянешь к Ильиничне завтра? – спросила мама, устроившись на застеленной широкой лавке. Михаил Валерьевич, подложивший под щѣку ладонь, уже проваливался в полудрёму, но скрипучий голос выдернул его из снов.

– Чего? – хрипло спросил он.

– К Ильиничне. У неё огородик чахлый, копошиться не вмоготу. Я подкармливаю. А тут ты ещё гостинцы привѣз... Сносишь к ней?

– Ладно, – Михаил Валерьевич перевернулся на другой бок. – Отнесу. А теперь дай поспать и так весь день гоняла по огороду.

– Не плачься, не плачься! – привычно одѣрнула мать. – Спи. – И потом уже, стоило только Михаилу Валерьевичу провалиться в крепкий сон, прибавила: – Спокойной ночи, сынок.

* * *

Когда Михаил Валерьевич отправился к дому старой Ильиничны, в небе, сером от надвигающейся грозы, уже вовсю распоясался вечер. По сторонам толпились тени, влажная дорога кисла под ногами, и старые шлёпанцы скользили по ней, словно по разлитому маслу. Сочная листва шумела над головой.

Весь день Михаил Валерьевич провёл на огороде: дёргал сорняки, выпалывал поросшую ковром сочную траву, сгребал её в охапки и относил в компостную яму, над которой буйно разрослись вишнёвые кусты. С утра накрапывал колючий дождь, но и он не приносил прохлады. У горизонта толпились свинцово-чёрные тучи, порой переходящие в мрачную синеву, и Михаил Валерьевич косился на них, гадая, когда же гроза подойдёт к их дому.

Мать с самого утра мела полы и орудовала тряпкой, порой улыбалась сыну, но молчала, ничего не говоря.

И вот он снова на дороге, среди заброшенных садов, высохших абрикосов и толстых яблонь с кислыми плодами. Порой приходилось идти, почти по пояс утонув в высокой траве, в то время как по обочинам разрослась желтоватая осока, предвестник наползающего болота.

...Маленький Мишка носится по улице, собирает круглые камешки, чтобы пускать по речке «лягушек». Мать, как всегда, возится в огороде, поглядывает на сына, а Мишке всё нипочём.

В дальнем конце улицы возникает женский силуэт, который становится всё ближе и ближе – Тамара, моложавая и статная, с тонкими чертами лица и янтарными насмешливыми глазами. Даже плывёт по улице не так, как ходят местные матроны да доярки, хоть и работает вместе со всеми в поте лица. Мишка редко любит на такую красоту, и поэтому каждый раз, стоит черноволосой Тамаре пройти мимо их дома, мальчонка застывает, разве что рот не распахнув.

Мать над ним посмеивается. Вот и сейчас, подойдя поближе, она прислоняет грабли к за-

бору, вытирает лицо тряпкой и хмыкает, глядя на вытянувшееся Мишкино лицо.

– Тома, здравствуй! – кричит мать, и Тамара приветливо кивает соседям. Лицо её будто светится изнутри, и Мишка, засмутившись вдруг, прячется за мать, выглядывает из-за её расплывшихся ног в старых рейтузах.

– Здравствуй, Люба! Как дела твои? Как огород?

– Да потихоньку, – мать обводит рукой чистенькие грядки, на которых нет ни единой травинки. – И в коровнике Глашка наконец поправилась.

– Выздоровела, правда? Ой, хорошо-то как. Я уж волновалась, что так и издохнет... – Тамара наконец-то замечает Мишку и машет ему рукой. Тот мигом загораживает лицо ладошкой. – Я вот яичек взяла, творога. И йогурт привезли из города, представляешь, с черникой.

– С черникой? – хрипло спрашивает разругавшийся Мишка.

– Ага. Хочешь? – Тамара, порывшись в сумке, вытаскивает на свет небольшую баночку и протягивает её мальчонке. Тот боится подойти, цепляется руками за мамины ноги и дрожит от стыдливости на пару с любопытством.

– Давай сюда, – хохотнув, Люба забирает йогурт из протянутой руки. – Мишка у нас дикий.

– Мам! – обиженно гундосит мальчик.

– Славный парень у тебя растёт, не наговаривай, – улыбается Тамара и подмигивает Мишке.

С той поры, попробовав сладкий йогурт с лиловыми ягодками, Мишка полюбил Тamarу ещё больше. Возвращаясь с речки, он засиживался в кустах, глядя на светлый приземистый дом. Любовался, как Тамара выходила оттуда с треснувшим тазом в руках, как развешивала мокрые фартуки и платья, вставая на носочки, как мурлыкала себе под нос, обрывая с кустов поспевшие помидоры.

Подходить Мишка боялся. И поэтому смотрел издали.

Дом Тамары казался маленьким, но уютным – светлый сруб из брёвен, к которому сбоку пристроен сарайчик, а на покато́й кры-

ше поблёскивает металлическая труба. Белые резные ставни, чистые стёкла и прозрачные занавески, которые вздымались парусами, стоило Тамаре распахнуть окно, – всё здесь было Мишке любо.

Каждый раз, проходя с сыном мимо её дома, мать кричала:

– Здравствуй, Тamar Ильинична! Как дела твои?..

И посмеивалась над Мишкой, застывшим от страха и неожиданного счастья.

...Остановившись посреди дороги, Михаил Валерьевич прищурился, разглядывая покосившийся домишко. В воздухе пахло свежестью и надвигающейся грозой, а лягушки на реке раскричались так, будто предупреждали о чём-то. Ручки переполненного пакета скользили во влажных ладонях.

Если бы Михаилу Валерьевичу показали фотографию этого дома, то он бы его и не узнал, – маленький и тёмный, с облезлой крышей, тот вовсе не напоминал прежний Тамарин дом. Краска потускнела и содралась со ставен, запylённые стёкла мутно светились в надвигающейся полутьме – лампа осталась в доме единственным светлым пятном. Пристроенный сарай давно развалился, гнилые чёрные доски валялись по заброшенному огороду.

У крыльца росли чахлые пучки редиса и моркови. Неопрятные и неухоженные грядки, они болезненно кольнули Михаила Валерьевича под рёбрами.

Постучав в покосившуюся дверь, он постоял, прислушиваясь к раскатистому грому. В домишке было тихо, даже ветер на улице смолк перед ливнем. Поросший лебедой и чертополохом огород замер, ни движения вокруг.

Ни ответа.

Михаил Валерьевич постучал ещё раз, настойчивее и громче. Тишина.

Поддавшись страху, что Ильинична, быть может, и умерла уже, его не дождавшись, Михаил Валерьевич толкнул дверь, и та с тягучим скрипом приоткрылась, словно бы нехотя приглашая его войти.

В комнате пахло пылью и старостью – кислый запах вьёлся в одежду, в кожу... В душу.

Михаил Валерьевич робко зашёл внутрь, и, только разглядев сгорбленную фигуру, сидящую за столом, выдохнул с небольшим облегчением.

Полутьма заволокла углы, спрятала бардак и раскиданные вещи, стыдливо прикрыла грязную посуду и рассыпъ таблеток у пружинной кровати. На столе едва тлела лампа, но и её было достаточно, чтобы разглядеть сморщенное незнакомое лицо.

– Тamar Ильинична? – громко окликнул старуху Михаил Валерьевич, но та и не шелохнулась. Сморщенная и сухая, она казалась фантомом, лишь отдалённо напоминая живого человека. Даже грудь её впалая почти не двигалась.

Михаил Валерьевич осторожно шагнул ближе. Ветер за окнами взвыл нечеловечьим голосом, и крупные капли дождя упали на сырую землю.

– Ильинична?.. – позвал Михаил Валерьевич громче и, решившись, положил ладонь на старухино плечо.

Она оглянулась так, будто только его и дожидалась. Тёмные глаза, прежде живые и глубокие, сейчас затянулись светлым бельмом, женщина щурилась, глядя в лицо Михаилу Валерьевичу, и в животе у него поселялся неприятный холод.

Старуха выглядела так, будто давным-давно умерла. Синюшное лицо, ввалившиеся глаза, заострённый нос... Коротко остриженные седые волосёнки Ильинична заправила под светлый платок. От былых чёрных кудрей и следа не осталось.

– Кто тут? – хрипло спросила старуха.

– Мишка. Сын Любы, вы с ней общались раньше... – Он замер, глядя, как на её лице проступает непонимание. Старуха сморщилась, и толстые морщины миглом расчертили все её лицо, проступили так явственно и сильно, словно оросительные каналы, словно каньоны на истончившейся коже, под которой, казалось, была видная каждая голубоватая венка.

Мысль не спешила приходить к старухе в голову.

– Мишка. Любин сын, – чуть громче повторил Михаил Валерьевич, испытывая не-

стерпимое желание развернуться и броситься прочь, вернуться в город и позабыть обо всём, как обычно он и делал.

Неухоженный дом, вросший в землю по самые ставни, заполонённый сорняками огород, прогнивший забор посреди пустой деревни, и только эта омертвевшая лицом старуха сидит, сгорбившись, и слепо смотрит ему в глаза.

– А, Мишка! – вдруг произнесла она бодро, и в дремучем голосе её мелькнула весёлость. – Заходи, заходи, Миш... С чем пожаловал?

– В гости заехал, – тихо ответил Михаил Валерьевич. – Проведать.

– Молодец, Миша, а ведь сколько лет не приезжал... Садись, садись – ищи табуретку, она тут где-то... Прости, Мишка, у меня ни еды, ни чая, нечем тебя попотчевать. Совсем я уж стала...

Она примолкла.

– Ничего страшного, Тамар Ильинична. Я еды привез – там и чай, и молоко, и баранки, и мёд...

– Славный ты, Мишка. Всегда славный был. Ставь тогда чайник, – проскрипела старуха. – У меня уже сил нет, даже встаю еле-еле, дойду до стола и сяду, гляжу на улицу. Пусто так стало в деревне...

Михаил Валерьевич нашёл табурет, убрал с него заплесневелые чашки и секатор, стряхнул рассыпчатую бурую землю. Поставил чайник, принялся вытаскивать еду и раскладывать гостинцы перед старухой – пусть посмотрит, что он для неё привёз.

Перед узловатыми пальцами на стол легла баночка с фиолетовой этикеткой – черничный йогурт. Остановившись перед этим йогуртом у белоснежной витрины, Михаил Валерьевич испытал почти физическую боль – воспоминания о загорелой женщине с весёлой улыбкой, её искреннем смехе, его первой детской влюблённости... Словно раскопал едва тлеющие угли под толстым слоем золы.

Ильинична протянула сухую ладонь, напоминающую куриную лапу, и схватила за баночку с йогуртом. Михаил Валерьевич, продолжая доставать пакеты с пряниками и несладким печеньем, чуть вздрогнул.

Старуха повертела йогурт в руках и отложила в сторону.

– С черникой, – объяснил Михаил Валерьевич.

– Спасибо, – сонно улыбнулась Ильинична.

Не узнала. Он и не надеялся – это для него тот солнечный день, в котором пахло распустившимися пионами, стал зарождением прекрасного детского чувства. Для Тамары же тот день был обыкновенным, с чего бы ему оставаться в памяти на долгие годы?

Гроза подступала – распорол небо грохотом, пролилась на землю завесой дождя, хороня под собой и мёртвую деревню, и опустевший огород, и вообще всё вокруг. По пыльным стёклам потоками лилась холодная вода, и Михаил Валерьевич смотрел на неё не отрывая глаз.

Чай оказался пустым и скверным – едва витал в воздухе химический малиновый аромат, но старуха с удовольствием прихлебывала горячий напиток. Оба молчали – Михаил Валерьевич барахтался в топких воспоминаниях, и детское тепло его сменялось взрослой неловкостью.

– Как вы тут? – спросил он, не выдержав. – Сын приезжает? Или дочка?..

Старуха улыбнулась, скользнула полуслепым взглядом по окну.

– Дождь идёт? – спросила, будто не слышав.

– Да. Гроза дикая.

– Можешь у меня оставаться ночевать. Места мало, но уляжемся...

– Спасибо, но я до матери дойду. У неё остановился.

– Как Люба?..

– Нормально. Лежит... Дом старый, ветшает.

Ильинична кивнула и вновь прижалась тонкими губами к пожелтевшей кружке. А потом, выдохнув тихонько, сказала:

– Сына убили. Сколько уж?.. Лет пять, наверно. Пьяная драка, не выучила я его нормально, вырос обормотом. Хоть нельзя так о покойниках, прости, Господи, душу мою грешную... Непутёвый был Фёдор, ох и непутёвый...

– А дочка? – спросил Михаил Валерьевич.

– Дочь в городе живёт, почти не приезжает. Не уследила я за ними, Миша, вся жизнь – то огород, то коровник, то хозяйство... А дети так и росли дичками. Вот и выросло, что выросло.

– Как же вы тут? Совсем одна...

Ильинична вытерла пальцами белые глаза, улыбнулась. Между поредевшими бровями её пролегла толстая складка.

– Доживаю потихоньку. Никого в деревне не осталось. Приезжают раз в месяц с города, женщина, соцработник, привозит мне еды... Иногда дочь вижу. Да мне хватает. Всё равно хорошо тут, спокойно. Жду, когда придёт за мной та, с косой... Но никак не доберётся. По-забыла уже, наверное, про меня.

– Неужели больше никого нет?

– Никого. Видишь, что с домом случилось, не могут руки уже... Да и не страшно мне было, не видит никто этого, не глядит на сад-огород мой. А тут ты, Мишка, приехал. Ладно уж, хоть со старухой поболтаешь.

– Конечно, поболтаю.

Чай отдавал таким тяжёлым горем, что Михаил Валерьевич не смог его больше пить, отодвинул кружку в сторону и уставился в окно.

Гроза утихла. Дождь шёл ещё, неистовый и сильный, но чуть тише выл ветер, чуть слабее текла вода, чуть посветлело на улице перед глубокой ночью. Старуха, с трудом поднявшись со стула и придерживаясь руками за шкафы, побрела до кровати.

– Давайте помогу...

– Оставь, Мишка! – в голосе её скользнул упрёк. – Сама могу, не впервой же...

Улеглась на продавленную кровать, за скрипела суставами. Ржавые пружины взвизгнули, принимая на себя исхудалое тело.

– Я полежу?.. – спросила она стыдливо.

– Лежите, конечно. Я еду в холодильник поставлю, разберёте потом, что и куда.

Пыльный холодильник затаился в углу. Маленький и жёлтый, он казался Михаилу Валерьевичу гостем из другого мира – мира его детства, давно позабытого, занесённого песками. В холодильнике нашлись плесневелые огурцы с хилыми веточками укропа, кусок пожелтевшего масла да банка с вареньем.

– Что ж вы едите-то тут? – разозлившись, спросил Михаил Валерьевич.

Скрипнули пружины. Старуха выдохнула, словно кузнечные меха – долго, со свистом, виновато.

– Ты не смотри, не смотри! Не голодаю я. У меня картошки полный погреб. Морква есть, свёкла... Рис, греча и горох. Крупы. Не бойся, не помру я от голода. Рассказывай лучше, чего забыл тут, – попросила она.

– С женой поругался я, Тамар Ильинична. По глупости поругался, по пустяку... Но так паршиво стало. Одиноко – будто на земле не осталось больше человека, который бы меня понял, после мамы ведь... Эх... Решил в детство своё съездить, вас порадовать.

– Понимаю, – тяжело выдохнула старуха.

Он ждал, что Ильинична начнёт поучать его, как надо ценить каждое мгновение рядом с близкими, как не стоит горевать по пустякам, и что пусть он едет в город к жене своей и не дурит голову. Что старухе, одинокой и всеми забытой, посреди мёртвой деревни тоже несладко живётся, но она же ничего ему не говорит, совсем ничегошеньки...

Только вот Тамара Ильинична хрипло дышала на кровати. В слабой руке она сжимала душистый пряник.

– А хочешь расскажу, как мы с Любой в коровнике доярками работали? – предложила Ильинична после долгого молчания.

– Хочу, – ответил Михаил Валерьевич и, подтащив табурет к кровати, присел рядом со старухой.

И она рассказывала. В её историях женщины были молодыми, весёлыми и бесшабашными, купались ночами в холодной реке, визжа от восторга, а потом с раннего утра трудились в поле, пока не падали замертво без сил. Ильинична помнила каждую корову и рассказывала о них с такой любовью, что, казалось, Михаил Валерьевич и сам заглядывает в чёрные влажные глаза, видит, как руки Тамары-красавицы, загрубелые от работы, гладят вытянутые морды.

Михаил Валерьевич нашарил сухую ладонь и стиснул в своих руках.

Ильинична говорила о сыне, больше ни словом не упрекая покойника, рассказывала, как тот плёл рыболовные сети и учил соседских детей делать свистульки. О дочери, у которой всё в жизни сложилось хорошо. Двое детей, муж – правда, никого из них Ильинична ни разу так и не видела, они всё не найдут времени приехать. Наташа только пишет порой, передавая письмецо для мамы с соцработником...

Голос Ильиничны становился всё глуше и глуше, она засыпала, обессиленная, но никак не хотела проваливаться в сон. Появившийся на её пороге человек, пусть и чужой совсем, едва знакомый, слишком дорог был старухе. С ним она могла говорить обо всём на свете, расспрашивать его о жизни в городе, какие там люди, потерявшиеся в круговерти из дел и забот, рассказывать о нелёгкой своей, но счастливой жизни...

Сон одолел её к ночи, и Ильинична, замерев на полуслове, обмякла, чуть приоткрыв чёрный провал рта. Лампочка едва роняла косой свет на белое лицо, и Михаил Валерьевич посидел немного, глядя на тонкие веки и дрожащие пальцы.

Поднялся неслышно, погасил лампу. Прошёл к двери.

Оглянулся. Комната, заваленная барахлом, что жалко выкинуть, потемневшие от времени и сырости брёвна да прохудившаяся крыша, с которой кое-где капает дождевая вода, – вот и вся её жизнь. Маленькая старуха, спящая на кровати.

И такой вдруг ужас овладел Михаилом Валерьевичем, что он не разбирая дороги бросился прочь, побежал по холодным лужам, по скользкой земле, пока сердце глухо стучало в разрываемой напополам груди.

Он, конечно, вернётся в город. Помирится с Надей – глупо обижаться на мелочи, когда столько лет живёшь рука об руку, вместе. Михаил Валерьевич знал, что одиночество его, сырое и тоскливое, быстро пройдёт, что он простит своей Надежде грубые слова и вернётся домой без обиды в сердце.

Наверное, поэтому и не решился рассказать обо всём матери, даже сейчас не решился, когда она...

Но вид старухи в пустом доме был сильнее человека. Михаил Валерьевич уедет, вернётся к привычной жизни, а она останется тут, похороненная в приземистом доме, будет сидеть у затянутого паутиной окна и смотреть слепыми глазами на дождь, вслушиваясь в какофонию звуков. И ничего уже в её жизни не изменится, только когда смерть заберёт постаревшую душу, когда сгниёт последний дом и растащат оттуда на растопку мебель, выбросят вещи, увезут старый холодильник на дачу...

Михаил Валерьевич бежал, не чувствуя, как ноги обрастают комьями влажной грязи, как дыхание прерывается в груди, и знал, что никогда уже не сможет забыть этой картины – старуха на руинах его детства. Последняя, кто остался доживать свой век.

Ильинична останется здесь. Здесь останутся её чёрные прекрасные глаза, затянутые бельмом, полные любви к миру и деревне. И её невысказанная тоска останется здесь, среди хилых ранеток и кустов кислой вишни.

Замер Михаил Валерьевич только у материнского дома – проломленная крыша, покосившаяся калитка, опустевшие чёрные окна. Молчал огород, где сгорели в летнем зное даже смородиновые кусты, даже листья виктории высохли – никакой больше сладкой клубники, которой по утрам маленький Мишка набивал рот, пачкая пальцы алым соком...

Весь прошлый день Михаил Валерьевич рвал сорняки, выпалывал бурьян, и теперь перед разваливающимся домом остался лишь голый пустырь. В этих руинах, забравшись на печь, Михаил Валерьевич и переждал ту ночь, пытаясь не вспоминать о проклянувшейся заново боли. Он думал о тепле и чувствовал себя так, будто мать и вправду ненадолго оказалась рядом.

Маму похоронили несколько лет назад. В гроб Михаил Валерьевич положил истрёпанный, но любимый мамин халат – его подарок на день рождения. Дом в деревне миглом захирел, оставленный без присмотра, – покосился, словно душу из него выдрали. Мёртвую маму Михаил Валерьевич перевёз в город, похоронил на ближайшем кладбище и часто приезжал,

сидел у невысокого памятника, положив ладони на мрамор. Мама насмешливо смотрела с фотографии да помалкивала, как обычно.

Она не любила напускную ласку.

Вчерашний день Михаил Валерьевич будто провёл в дурмане – изо всех сил воскрешал в памяти картины, как приезжал в деревню, как копался в огороде, а мама хлопала его сорняками по спине и жаловалась, что он лодырь и бездельник и руки у него совсем не из того места растут. Михаил Валерьевич думал, что всё взаправду – и натопленная баня, от которой лишь гнилые деревяшки усеивали землю, и румяная мать в ситцевом платье, и даже соленья её, скисшие в глубоком погребе, покрывшиеся плесневелыми шапками...

Ничего от мамы не осталось, кроме памятника на погосте. Вот и дом по наследству заполучило себе время.

Заглянув в разграбленные руины, Михаил Валерьевич спустил с печи рюкзак, накинул его на плечи и осмотрелся в последний раз, зная, что больше не вернётся. Дом казался чужим и бездушным, даже запаха маминого не осталось.

И тогда Михаил Валерьевич пошёл прочь.

После тягостной ссоры с женой он, ощущая тяжесть за грудиной, съездил на кладбище, но на могиле стало ещё хуже. Горечь разъедала рот.

И тогда Миша вспомнил, как хорошо ему было летом в деревне, в солнечном детстве, в старом бревенчатом доме. А ещё вспомнил, что в мёртвой деревне осталась одна-единственная бабка, его первая мальчишечья любовь, Тамара. Решил привезти ей продуктов побольше, пообщаться с Ильиничной, не понимая даже, в каком мире она была заточена.

Михаил Валерьевич вышагивал по дороге, видя вдалеке тёплый свет железнодорожной платформы. Воздух потеплел, стал мягче, запахло душицей и чабрецом. Проглянули на затянутом небе колкие звёзды.

Н. Б. Ливитчук. До свиданья...

Больше оставаться в исчезнувшей деревне у Михаила Валерьевича не было сил.

В единственном жилом доме спала старенькая Тамара Ильинична, тоненько всхрапывала, цепляясь рукой за худой матрас, словно хотела удержать Мишку рядом с собой. В другой ладони она сжимала мягкий пряник.

Уже на платформе, дожидаясь поезда, Михаил Валерьевич обернулся на миг, пригляделся к рассыпающимся прахом домикам. Ему показалось, что у материнского дома стоит светлый силуэт.

И машет ему рукой.

* * *

*У Печоры у реки, где живут олениводы.
И. Кашежева*

Я вдыхаю твой город глубже,
Выдыхаю как можно реже.
Проплывают навстречу лужи –
Океанами по проезжей.

Надо мною твоё небо!
Распахну широко руки –
Ты ещё отыскал где бы
Столь похожих сердец звуки!

Проходя, улыбаюсь шире
Деревянному двухэтажью.
Мне в твоём заполярном мире
Надышаться простором важно.

Ты, как в будни, в него выйдешь –
По-привычному безучастно!
Я ж – люблю то, что ты видишь
Ежедневно и ежечасно!

Только времени нынче мало,
Чтоб гулять и дышать с тобою.
Мне твой след на снегу талом
Будет взлётною полосой.

* * *

Отмерен пульсом стук колёс,
Дорог железные маршруты.
Мне предстоит сию минуту
Стать пленницей стальных полос.

Из пункта А пойдёт состав,
Километраж свернётся в кокон,
Просветами квадратных окон
На фоне неба замелькав.

И все доверятся судьбе.
И время потеряет силы.
И рельсы побегут уныло
Прочь, до прибытия в пункт Б.

Светлана ПОПОВА

Светлана Олеговна Зюгина, творческий псевдоним Светлана Попова, родилась 21 октября 1988 года. Работает в фирме ООО «Попов». Печаталась в литературных журналах «Аргамак. Татарстан», «Идель», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Новый Дон», «Галерея», «Крымский сад метаморфоз», «Образ», «Гостиный двор». В 2013 году стихи были опубликованы в альманахе литературного клуба «Чёрный вторник» «На сваяе» (г. Набережные Челны). В марте 2013 года вышел собственный сборник стихов «Зеркало мира». В 2020 году стихи вошли в антологию молодёжной поэзии России «111» (г. Калининград). В 2016-м стала участником Всероссийского молодёжного форума «Таврида», смена «Молодые поэты, писатели и критики». В 2016 году по итогам Всероссийского семинара-совещания «Мы выросли в России» стала победителем в номинации «Поэзия». Является лауреатом Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мицри» в 2016 году.

Нам остаётся только ждать
Конца пути, как новой эры.
И замкнутостью атмосферы
С лапшой заваренной дышать.

От пункта А до пункта Б
Стальной тарою сжимает.
Кто спит, кто ест, а кто читает.
Я буду думать о тебе.

* * *

Будапештским дождём
Обернулась осенняя морось.
Что – промокшими – ждём,
Из-за глупости снова поссорясь?

Здесь не Питер – мосты
Не разводят над серым Дунаем.
А давай – я и ты –
Всё по-местному переиграем:

Не Иваном – теперь
Будешь Яношем в сказке венгерской
Я же – Фениеш! Верь –
Как в легенде старинной на фреске,

Там, на стыке углов,
У собора Святого Матьяша –
То, что Бог есть Любовь!
И любовь – обязательно – наша.

* * *

В глаза мне больше не смотри.
Я полая, внутри – ни строчки.
Мне линий жизни было – три,
Остались точки...

В моей душе – сплошной норд-ост.
Анабиоз. Но пережду я.
Жизнь отвалилась, словно хвост, –
Рашу другую.

* * *

Мне часто не спится
Под ритм уходящих секунд.
Нарушив границы,
Они за собою влекут

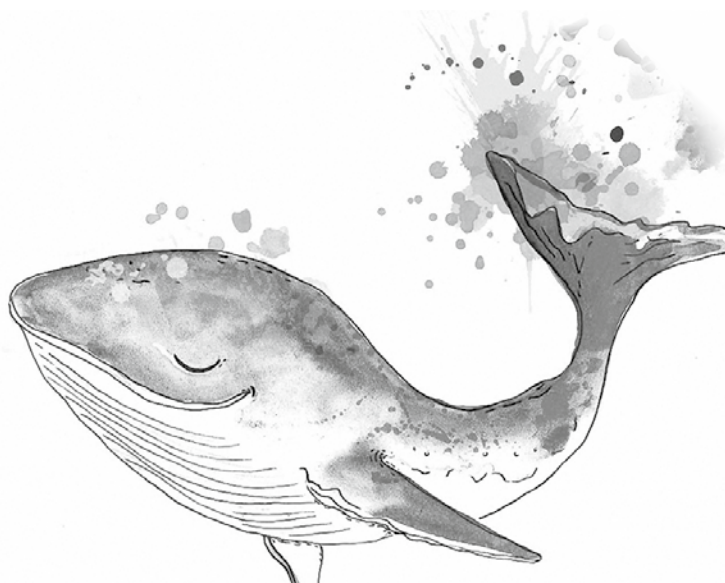
В бездонную пропасть,
Куда мир свалиться готов.
Куда мизантропы
Приходят смотреть на китов.

По старой привычке
Ты тоже стремишься туда.
Минуя таблички,
Спешит, утекает вода:

«Вниманье: край света!»,
«Опасно!», «Китов не кормить!»
Не веря запретам,
Ты будешь по грани ходить.

Киты бьют хвостами,
Протяжные песни поют.
Ты можешь часами
Бродить в одиночестве тут.

Никак мне с тобою!
И тщетно со страхом борюсь.
Я вслед за водою
Упасть в эту бездну боюсь.

* fényes (венгерский) – светлая.

СЕРДЦЕ СЛЫШИТ

РАССКАЗ

Марина ОВЧИННИКОВА

Марина Борисовна Овчинникова родилась в 1985 году в городе Сатке Челябинской области. Окончила Челябинскую государственную академию культуры и искусств. Работает на ПАО «Комбинат «Магнезит». Публиковалась в периодической печати, в южноуральских литературных альманахах и сборниках. Лауреат IV Всероссийского конкурса «Поэзия русского слова» (Анапа, 2018, 2020) в номинации «Поэзия», районного конкурса «О тех, кого нельзя забыть» (2020) в номинации «Публицистика». Финалист фестиваля «Хрустальный родник» (Орёл, 2019) в номинации «Проза», литературного конкурса Международного фестиваля «Мгинские мосты» (Санкт-Петербург, 2019, 2020), четвёртого Межрегионального открытого заочного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт» (Самара, 2020) в номинации «Проза».

Ранним утром Ольга спускалась по тропинке склона, который возвышался над тихими деревенскими улицами. Это был самый короткий путь от автобусной остановки до деревни. Сюда она не приезжала очень давно. С тех пор, как

родители переехали в город, – лет двадцать или больше...

На плечи ложилась тихая грусть по ушедшему детству, по беззаботным дням, с которыми связаны добрые, наивные, порой смешные воспоминания. Странное чувство – словно её неожиданно посадили в машину времени и отправили назад, в прошлое...

Сюда Ольга приехала на свадьбу подруги – Наташки Смеховой, которая решила праздновать в доме своих родителей. С Наташкой они дружили давно: вместе учились в институте, жили в одном городе.

На кособоре Ольга остановилась передохнуть. С этого места можно было разглядеть всю деревню. Казалось, за столько лет ничего не изменилось. Внизу – знакомая речушка: на её берегах ранней весной просыпались подснежники. Шаткий старый мостик. За ним Ольгу ждали пробудившиеся воспоминания. Вдали – лес, богатый разнотравьем, грибами и ягодами. Но сейчас не сезон. Конец октября на дворе...

Ностальгическое настроение Ольги перебили торопливые шаги за спиной. Она обернулась. С ней поравнялся высокий широкоплечий парень. Ольга отметила, что у него приятное лицо. Даже крупный нос и выдающийся подбородок не портили его. Выглядел он модно: стильная куртка и вельветовые брюки, тёмная вязаная шапочка была надвинута на брови. Парень катил велосипед. Когда поравнялся с ней, вдруг улыбнулся и подмигнул.

На этом месте был крутой спуск. Незнакомец подхватил крупными руками свой транспорт, быстро спустил его с косогора. Уложил велосипед поперёк мостика и вернулся к Ольге. Она в это время медленно ступала по опасному участку, врезаясь каблучками в глинистую почву. Парень бережно взял её под руку, помог спуститься. Ольга поблагодарила. Он не ответил. Что-то невнятно промычал, жестом попрощался с незнакомкой. И поехал по длинной деревенской улице. В голове Ольги промелькнула невероятная мысль. Она вдруг вспомнила глухонемого мальчика из далёкого детства: «Ярик! Он ведь до сих пор, наверное, здесь живёт?»

Ольга машинально приложила руку к затылку. У неё на голове был шрам от камня, который однажды кинул тот мальчишка. Ольга, как сейчас, помнила день, когда на улицу вышел Ярик. Им было тогда не больше семи лет. Обычно при появлении «глухонемого Ярика-дурачка» (так его дразнила местная детвора) все ребята разбегались. Дружить с ним никто не хотел. Так произошло и в тот раз...

Хихикая, Ольга с сестрой спрятались во дворе своего дома. Закрыли ворота на тяжёлый засов и стали ждать, когда же уйдёт этот неприятный, непохожий на других мальчишка. Но Ярик не собирался уходить. Сначала он стал искать детей: ходил от дома к дому. Затем остановился возле ворот, за которыми, притаившись, стояли девочки, разглядывавшие его в щёлочку. Ярик набрал кучу камней и стал кидать через эти ворота. Один большой камень нашёл свою цель! Оля громко закричала, заплакала. На шум из дома прибежали родители. Ярик быстро скрылся в лесу...

Вернулся домой только к ночи. Ярик знал, что его не будут искать. Напрасны были и жа-

лобы соседей на неуправляемого мальчишку. Ребёнок-инвалид не интересовал родителей – беспробудных пьяниц.

А ведь Ярик не всегда был глухонемой. Он родился здоровым ребёнком. Но в три года тяжело заболел менингитом. Болезнь дала осложнение, и мальчик стал инвалидом. Врачи много раз направляли Клавдию, мать Ярика, в областную больницу. Ребёнка можно было ещё вылечить, вернуть ему полноценную жизнь. Но «зелёный змий» творит с людьми страшные вещи: пила и Клавдия, и её муж Радик – отчим Ярика, и многочисленные родственники. Один запой сменялся другим...

И мальчик остался на всю жизнь глухонемым. В этой семье был ещё один ребёнок – Андрей. Ему повезло больше: он родился и рос здоровым. Но страдал от пьянства родителей не меньше маленького брата...

Воспоминания бередили душу. Парень на велосипеде не выходил из головы. «Неужели это Ярик?» Ольга присела на первую попавшуюся скамейку и достала смартфон. Очень быстро нашла его в интернете среди общих знакомых. Стала просматривать фотографии. Так и есть: парень с велосипедом – тот самый Ярик! Ольга подумала, что никогда не узнала бы его при встрече на улице. Под одной из фотографий Ярика был комментарий от некой Аллы: «Ты в этой жизни – растение».

Ольга тяжело вздохнула и поспешила к дому Наташкиных родителей.

Уже издали увидела парня с велосипедом, который оказался Яриком. «Неужели его тоже пригласили?» – подумала и ускорила шаг.

На пороге Ольгу встретила Наташкина тётка – Галина Сергеевна, добродушная женщина лет пятидесяти. Раздеваясь, Ольга осторожно спросила про Ярика. Галина Сергеевна рассказала, что Ярик превратился в хорошего парня с золотыми руками. Жители деревни его уважают и часто приглашают подзаработать. От родителей ему достался домишко. У него даже имеется своё небольшое хозяйство: лошадь, корова, куры и две собаки. В благодарность за помощь его пригласили к Наташе на свадьбу. Также Галина Сергеевна

сообщила, что и Андрей, его брат, приглашён в качестве шофёра одной из машин.

«Андрей-то вроде нормальным был. А вот Ярик совсем дурачком мне вспоминается. По голове мне хорошо тогда зарядил... В больницу даже пришлось ехать», – торопливо шептала Ольга. Нужно было скорее идти к гостям и невесте...

Через час все приглашённые дружно разместились в четырёх автомобилях. Ольга села к Андрею. Рядом – Галина Сергеевна. Вперёд посадили Ярика, который постоянно оборачивался и приветливо улыбался. Видимо, нечасто ему приходилось бывать на праздниках.

Громко сигналя, автомобили тронулись в путь. Машина Андрея замыкала вереницу. До ЗАГСа – чуть больше тридцать минут езды. Минуты, разделяющие жизнь на старое и новое. Трогательный момент.

Ольга разговорилась с Галиной Сергеевной и Андреем. Вспоминали детство, покосы, вечерние деревенские посиделки и праздники. Ярик с любопытством смотрел в окно, время от времени оборачивался и кивал спутницам, словно тоже участвовал в разговоре.

Выезд из деревни к трассе пролегал через заброшенные дачные домики. На ухабистой деревенской дороге после дождей образовались огромные лужи. Водители осторожно объезжали их.

Вдруг послышался лай собак...

– С десятка точно наберётся, – проговорил Андрей, заметив бродячих животных.

Ольга с Галиной Сергеевной переключили своё внимание на лающих беспризорников. Ярик почему-то напрягся, глядя на собак, и как будто прислушался.

– Какой-то странный, воющий лай у них, – заметила Ольга.

Ярик вдруг начал что-то объяснять Андрею: тряс его за локоть, беспокойно жестикулируя!

Водитель правой рукой резко оттолкнул брата:

– Ты что делаешь?! Ты чего от меня хочешь?! – зло закричал он на Ярика.

Повернулся к женщинам:

– До сих пор его жесты не понимаю!

– Он хочет, чтобы ты остановил машину!

Ярик продолжал настойчиво стучать по стеклам, показывая на ручки автомобильной двери.

– Вот ещё! Потерпишь до ЗАГСа! – сквозь зубы проговорил водитель.

Ярик понял: Андрей не собирается останавливаться. И начал громко мычать! Стучать по бардачку и передней панели!

Галина Сергеевна не выдержала:

– Останови! Вдруг у него что-то болит? Видишь, как разволновался...

Андрей резко нажал на тормоз!

Ярик выскочил из машины. Побежал в сторону лающих животных...

Андрей, Ольга и Галина Сергеевна пошли следом.

Когда оказались возле Ярика, увидели, что он стоит у открытого колодца и смотрит вниз. Животные при виде людей немного успокоились. Но всё равно продолжали лаять.

Ольга заглянула в колодец и вскрикнула:

– Господи, там же собака!

Канализационный колодец наполовину был заполнен грязной жижей. Задняя часть собаки была в воде. Передними лапами и грудью она опиралась на бетонные выступы в центре колодца, прижимаясь к ним мордой. Было ощущение, что животное много часов находится здесь. Собака выглядела измождённой. Тяжело дышала. Казалось, что силы её на исходе.

– Собаке срочно нужна помощь! Посмотрите на её глаза, – взволнованно заговорила Галина Сергеевна.

– И что теперь? В колодец прикажете лезть? Она дикая! У меня, например, нет желания быть искусанным. – Андрей пошёл в сторону автомобиля. Обернувшись, проговорил: – Опоздаем! Поехали уже!

Ольга огорчённо произнесла:

– Неужели совсем ничего нельзя сделать...

Медленно пошла за Андреем, спотыкаясь и оборачиваясь. Галина Сергеевна осталась на месте, удручённо глядела на собаку:

– Как же мы поедем на праздник, зная, что она здесь мучается и умирает? Ночью заморозки обещают. Мы для неё – последняя надежда...

Вдруг Ярик подбежал к Андрею. Настойчиво схватил его за руку. Начал что-то объяснять по-своему, по-глухонемому.

– Слушай, Андрей! Он ведь тебя про верёвку спрашивает. Собаку спасти хочет. Есть у тебя трос какой-нибудь? – с надеждой спросила Ольга.

– Как вы мне все надоели! Сдалось вам это безмозглое животное. – Андрей достал из багажника верёвочный трос, бросил под ноги брату.

Ярик схватил верёвку и побежал обратно к колодцу. Ольга отправилась следом. Андрей раздражённо закурил и уселся в автомобиль. Включил местное радио.

Возле колодца остановился большегруз. Водитель КАМАЗа, увидев, что творится неладное, выпрыгнул из кабины. Поинтересовался, в чём дело.

Поняв, что происходит, быстро скинул куртку и начал помогать Ярику. Мужчины соорудили петлю на конце троса и стали накидывать её на животное.

Собака как будто поняла, что верёвка предназначена ей, ухватила зубами трос.

– Посмотрите, какая умница! Держись, матушка, – прошептала Галина Сергеевна и крепко сжала Ольгу за локоть. Ярик осторожно потащил собаку вверх. Все напряглись. Казалось, что ещё пару секунд, и животное будет спасено. Но сил у собаки не хватило... Почти у самого верха она отпустила трос и упала вниз, с головой скрывшись в глубине колодезной бездны...

Галина Сергеевна вскрикнула, закрыв глаза. Ещё сильнее вцепилась в напряжённую Ольгину руку.

Не прошло и пяти секунд, как дворняга всплыла и ухватилась лапами за спасительный бордюр. Если бы собаки умели плакать, это произошло бы сейчас непременно. Страх и безысходность выражали только эти мутные глаза. Собака завывала. Отчаяние и мольба о помощи были в этом вое.

Она просто хотела жить.

Ярик снова бросил трос в колодец. С третьего раза ему удалось накинуть петлю на голову и переднюю лапу собаки! Умное животное снова ухватило верёвку зубами.

– Та-а-ащи!!! – заорал водитель большегруза.

И Ярик потащил. До спасения оставалось полметра. Ольга нервно шагнула вперёд и закричала: «Она соскальзывает с петли! Сейчас снова упадёт!»

Наклонившись, водитель грузовика быстро протянул обе руки и схватил собаку за передние лапы. Резким движением вытащил беднягу! Все выдохнули напряжение, скопившееся в груди. Ярик ликовал. Он бросился обнимать всех: Ольгу, Галину Сергеевну, водителя...

Ещё до конца не осознав произошедшее, собака несколько минут стояла как вкопанная и смотрела на своих спасителей. Затем, шатаясь и прихрамывая, побрела к сородичам. Собаки окружили её.

Дальнобойщик похлопал глухонемого парня по плечу. Помахал женщинам и запрыгнул в кабину. Посигналив на прощание, продолжил свой путь в добром расположении духа.

Всю оставшуюся дорогу до ЗАГСа Ольга с Галиной Сергеевной обсуждали произошедшее.

– Как на душе легко, хорошо стало. Как будто человека спасли! – улыбалась Галина Сергеевна.

– А ведь собака действительно могла покусать, когда её так бесцеремонно за лапы схватили, – вздохнула Ольга. – Но ведь поняла же, что мы её спасаем. И дальнобойщик не проехал мимо...

Уставший Ярик в это время сидел тихо, откинув голову на кресло. Закрыв глаза, улыбался чему-то.

– Ярик, какой ты молодец! – Галина Сергеевна ласково погладила его по плечу.

От прикосновения он встрепенулся и прижал к щеке её руку.

Ольга задумчиво проговорила:

– Я вот одного не пойму, как Ярик понял, что собака в беду попала? Он ведь глухонемой?

– Он сердцем услышал, Оленька. Не каждому это дано...

Галина Сергеевна и Ольга, словно сговорившись, посмотрели на водителя. Андрей, встретившись глазами с ними в зеркале заднего вида, быстро отвёл взор. Нужно было следить за дорогой. Поторапливаться. На праздник опаздывали.

Александр ЛОШКАРЁВ

Родился в 1993 году в Липецке. Окончил Липецкий государственный педагогический университет по специальности «преподаватель истории и мировой художественной культуры». Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (2019). Лауреат Липецкой областной премии имени Е. И. Замятина (2020).

... И слов не можешь подобрать...

Снег над дворами кружит птицею.
Собаки брешут дотемна.
А в слове будничном «провинция»
Горчит какая-то вина.
Невыразимо настоящая,
Как будто боль самой земли.
И молча смотришь на блестящую
Макушку церковки вдали.
Крестясь украдкой, спотыкаешься,
Привычно поминаешь мать...
И объяснить себе пытаешься,
И слов не можешь подобрать.

Бушующий наш ураган
В стакане гранёном не нов.
В России везет дуракам,
В России везут дураков,
Тех – строить, а этих – ломать,
Столетиями водится так.
А если всё прахом опять –
Виновен, конечно, дурак.

Со двора выхожу осторожно
(До угла шагом десять минут),
Словно вправду боюсь потревожить
Городок... Позабыл, как зовут.
Забывается многое, впрочем,
Это вовсе не новость уже –
Удивительно светлые ночи
Похоронены где-то в душе.
И внезапно кольнёт (в сердце? Рядом?)
Завалевшийся в прошлом упрёк,
Выгоняя чуть свет за ограду,
На пространство шумящих дорог.
От кого в самом деле поеду?
От хозяйки, не ставшей родной?
Ветер многих гоняет по свету
И подхватит меня заодно...

Луна окурком погаснет вскоре,
И в полумраке на тесной кухне
Сидим, бухаем, не зная горя,
А этот мир неизбежно рухнет –
Неловко выскользнет прямо на пол,

Когда закроет глаза усталость...

...И божий сын громко крикнет:

– Папа!

Твоя игрушка опять сломалась...

И будет мир сотворяться снова,

И будут, в трепет вгоняя души,

Жрецы гнусавить святое слово:

– Был за грехи прошлый мир разрушен!

* * *

Простой напев о пяти минутах,

Такой навязчивый почему-то,

Кружит в мозгу, как пустой автобус

Кружит по улицам городским.

Среди сгустившихся тёмных мыслей

И неслучившихся жизней смыслов

Звучит мотив развесёлый, чтобы

Отвлечь наутро от злой тоски.

Как жадно пьёшь, дабы сбить похмелье,

Так ловишь отзвук того веселья,

Что было в прошлом да там осталось

Среди иллюзий и миражей.

Припомнил песню. Да бог с ней... Что же,

Год будет новый – жить, значит, можно.

А пять минут – это много? Мало?

Какая разница-то уже...

* * *

Ремонт часов, минут, секунд, мгновений –

На вывесках так много дребедени...

Отходит от перрона электричка,

Чтоб раствориться в мареве столичном,

Чтоб сгинуть, запропасть на этом свете...

Вновь контролёрша требует билетик

И голоса какие-то старухи –

наверное, с рождения не в духе.

Здесь улыбнуться даже неприлично

И слишком к месту горечь от «Столичной».

Да, не лосьон, так ведь и я – не Вена.

А за окном – ремонт часов, мгновений...

* * *

По Липецку снова дожди

Проходят глухими садами.

Земная пора увяданья

Сильнее любви и вражды.

По-своему, значит, честней

И спросит поэтому строже.

Вот так же, наверно, итожат

На небе деянья людей.

Мой город ждёт белый покров,

Спокойствие и очищенье,

А я жду свой шанс на прощенье

Моих неизбежных грехов.

* * *

По расписанью не придёт,

Чтоб я готовился: вот-вот.

Она не электричка,

И дом, конечно, не вокзал.

Затянет темнотой глаза

Дымок погасшей спички,

И я к жилплощади иной –

Два метра где-то глубиной –

Привыкну понемногу.

Жаль только, нанесут вранья

Новоявленные друзья,

Не помнившие прежде.

Мария ЛЕОНТЬЕВА

Родилась 14 марта 1988 года, живёт в Санкт-Петербурге. Публиковалась в альманахе «Молодой Петербург», финалистка VII Беловских чтений. Археолог-любитель, ездит на раскопки в Старую Ладого, Ростиславль и др. Организует Фестиваль интересной поэзии «Собака Керуака». Является слушательницей семинара Ю. Казарина.

СТАРОЙ ЛАДОГЕ, МОЕМУ ДОМУ

Приеду в никаком-нибудь году.
Не с облака летящего сойду –
Восстану из автобусного гроба,
Трясаясь среди рассады и укропа,
Чихая, кашляя, с попутчиком ругаясь,
Я наугад сойду, не вспомнив адрес.

Вот дом, сгоревший ровно век назад.
Друзья мои умершие сидят
И говорят: «Не рано ли к обеду?»,
Их голоса разносятся над Летой,
А я молчу, не в силах отвечать.
Мой дом, на нём свинцовая печать
Из археологических раскопок.
И дым Отечества, и повсеместно – копать.

Войду в реки холодную громаду,
Ощупывая дно. Поблещим садом
Укроюсь вместо савана. Вокруг
Друзья поют, и дальний берег крут,
А ближний рвётся, словно полотно,
Впадая в ночь. Всё кончится само.

Всё кончилось, Гиперборея, viva!
Уныние, запущенность, крапива
Цветут в ненаступающем году
На доме, что я вскоре обрету.

ТРИП

Ты жизнью размахнись, билетом разночинца,
Одна попытка есть, а больше не случится.
Над лампой мотылёк: взлететь нельзя
остаться,
Вовек не прерывать порывистого танца.

Но будет ночь, а в ней кромешный твой вагон,
Из двери дым, из фар не обожжёт огонь.
Кондуктор говорит и поправляет нимб,
Все времена за миг проносятся над ним:

«Закончился билет, другого больше нет,
На весь на белый свет всего один билет,
Счастливый твой билет, последний твой билет –
Прозрачный мотылёк в огне минувших лет».

СЕГОДНЯ БУДЕТ ДЕНЬ ХОРОШИЙ / ПРОГНОЗ НЕПОГОДЫ /

«Сегодня будет день хороший» –
В трамвае надпись, что с того?
Пока мороз ползёт по коже,
Я не узнаю ничего.
Пока ломают перемены
Привычный всем уклад и быт,
Пока несётся кровь по венам,
Бесцельно множатся грибы,
Пока поэты выступают,
Стараясь достучаться до
Глухих, пока стоят трамваи,
Чуть слышно попадая в «до»...
Проходит жизнь с эпохой вместе,
Ржавеет каждая запчасть,
А что рассказывают «Вести»,
Так это – вводная в матчасть.
Трамвай похож на гроб железный
В неверном свете фонаря,
Когда я вглядываюсь в бездну,
Оттуда отвечают: зря.

Кира МАРЧЕНКОВА

Кира Юрьевна Марченкова – член Союза писателей России, член Международного союза писателей и мастеров искусств. Публиковалась на интернет-ресурсах, в поэтических сборниках, журналах «Странник», «Смена», «Дон новый», «Бельские просторы», «Крымский сад метаморфоз», «Александр», «Формаслов», «Наш современник» и др. Лауреат и призёр всероссийских и международных литературных конкурсов. Участница региональных и всероссийских совещаний молодых литераторов.

ДУРАКИ

Неуютно, ветрено и пусто
В городе, изжаренном до хруста,
Не успеешь сосчитать до ста –
Поезд отбывает – так печально...
Пожимаешь острыми плечами:
Нет чтобы немного опоздать.

Но по расписанию земному
Нас дороги то приводят к дому,
То уводят из дому порой.
Воробей купается в корытце,
Медный жук спешит в песок зарыться,
Вянет куст, измученный жарой –

Всё согласно времени и чину,
И уже совсем неразличимы
Поезда протяжные гудки.
В городе, пылающем от зноя,
Не простившись, расстаются двое –
Дураки.

ЧЕЛОВЕЧЕК – ЛЁГКАЯ ДУША

Ставенка захлопнется резная,
Вздрогнешь и замрёшь, едва дыша.
Что ты можешь, что о жизни знаешь,
Человечек – лёгкая душа?

Время утекает понемногу
В лучшие пространства и места,
Ты порхаешь – ну и слава богу.
День прошёл – и голова пуста.

Тем и жив – и кто тебя осудит? –
Скрюченный остывший фитилёк,
Ничего не знающий, по сути,
Человечий хрупкий мотылёк.

* * *

Солнце греет крашенные стены,
Воробей ныряет под карниз.
Уходя с провинциальной сцены,
Август возвращается на бис.

Что снаружи – клёны да заборы,
Ряд многоэтажек заводских –
Неуютный затрапезный город
Безнадёги и глухой тоски.

То штормит его, то листопадит.
Кажется, всего-то ничего –
Как страницу вырвать из тетради,
Так из сердца вымарать его!..

Сонный дворник держится за грабли
И глядит, как в доме на углу
Лихо машет крыльями журавлик,
Намертво приклеенный к стеклу.

НЕ КЛЮЁТ

Жёлтый, с ровными прожилками,
Но живой ещё пока,
Лист качается наживкою
Без крючка и поплавка,

По волнам уютной осени
Он сорвётся-поплывёт.
Кто рыбачит в этом озере –
Не узнаешь наперёд.

Дело, в общем-то, обычное
И привычное вполне –
Никому не стать добычею:
Ни тебе, видать, ни мне...

Снова братия шуршащая
Отправляется в полёт.
То ли мы ненастоящие,
То ли вправду не клюёт.

* * *

На дальних берегах и в ближнем заграничье,
Без повода и без особенных причин
Мы тихо говорим – на волчьем и на птичьем,
На шорохе листвы, но всё же не молчим.

Мы шепчемся с тобой украдкой и на равных,
Хоть за спиной давно скрывается беда,
И хрупкая строка – она имеет право
Разбиться и пропасть, теперь и навсегда.

Но песню не сковать тяжеловесным словом
И будущей зимы сверкающим звеном,
И мы ещё споём, споём друг другу снова,
Как ветер и трава, о чём-то неземном...

Гуляют сквозняки в коробках наших комнат,
Над крышами летят куда-то облака.
Как всё-таки легко и невозможно помнить
Хрустальные слова чужого языка...

Глеб БЕЛОВ

Родился в Омской области в семье художников. Текущее место жительства – г. Копейск, Южный Урал. Романтик, поэт. Рекомендован на Ежегодное всероссийское совещание молодых литераторов Союза писателей России в МГИК по итогам Челябинского литературного конкурса «Стилисты добра».

* * *

Передо мной альбомный лист.
Сверкая скромной белизною,
Лежит в обманчивом покое,
От всех моих видений чист.

Беру гуашь, рисую дом.
Тот самый, что ночами снится.
И замирает на ресницах
Печаль о времени былом.

Закружит памяти листву,
И вновь, как будто наяву,
Себя я вижу в доме этом.

Немало лет с тех пор прошло.
Но до сих пор его тепло
В моей душе рождает лето.

ПРОГУЛКА

Олег сложил локти на стойку в киоске «Шаурма» у Политехнического университета. Ждал, пока зарядится телефон. Нечистое кислое дыхание вырывалось между лиловых длинных губ, туманным пятном оседало на холодном стекле. Негромко играла музыка: какая-то певица признавалась в любви очередному плохому мальчишке. Девушка в фартуке и кепке грызла мелкие жёлтые яблочки, уставившись в детектив. Она то и дело с неодобрением поглядывала на Олега. Одно деление, два, три, четыре – и вот опять пустая батарея, снова одно, два, три. Он видел отражение девушки в стекле, оборачиваться

не хотелось. Пластиковый кофейный стаканчик давно опустел, но Олег упорно делал вид, что прихлёбывает остывшую свою утреннюю цикуту. Если она поймёт, придётся уходить. Денег на второй кофе не осталось.

Олегу тридцать лет, но выглядит он старше. Острое угловатое лицо было красивым пару сотен попоек назад. Нос с горбинкой и отросшая с мая борода делали его похожим на магистра тамплиеров, если бы тому захотелось надеть бесформенные джинсы, растянутый свитер с тёмной засаленной горловиной и потёртую, но вполне ещё приличную чёрную кожаную куртку вида «я не панк, я рядом стоял». Вся эта

сбруя не подходила даже для начала октября, покидать киоск Олег не спешил ещё и поэтому.

Зелёный силуэт идущего человечка, по переходу хлынула толпа студентов, всё больше с тубусами – черчение у них, что ли? Проследил за симпатичной стриженной барышней, которая широкими шагами разрезала людской поток, пересекая улицу в противоположном направлении. Скрылась в маршрутке, как и все они. Длинная трещина на фасаде пятиэтажки, выше и выше, квадратные оконца чердака, голубиное царство – вон сидят десятками в ожидании пищи. Крыша ржавая. А над всем этим небо.

«Нигде нет такого красивого неба, как в Омске, – в который раз подумал Олег. – Когда-то давно случайно зашли с друзьями на бесплатную лекцию об атмосфере. В рюкзаке плескалось початое вино, и Валя сидела у меня на коленях, а я запустил руки ей под куртку и придерживал чуть влажную от пота талию, переводил взгляд с седенького лектора на верхний край татуировки у неё пониже затылка, где едва заметным бугорком напоминает о себе какой-то там по счёту шейный позвонок. Старик махал руками, горячился. Говорил, Омск – один из самых плоских городов мира, скорее даже чаша, атмосферные потоки из Арктики и с юга создают здесь самые величественные облачные картины. А закаты какие. Рассветы не багряные, розовые. Впрочем, это избито».

– Мужчина, вы тут уже полчаса сидите, – скучающим голосом девушка подвела итог его воспоминаниям.

– А, и правда, – Олег усмехнулся, скрывая смущение. – Замечтался что-то.

Выдернул зарядку, сунул в карман, другой рукой схватил телефон – и был таков. Всё это он проделал быстро, с поспешностью почти комической, об одном молилось нелепое сердце: «Только бы не сказала ещё чего-нибудь вслед, холодного, оскорбительного, меня и так прошивает навывлет свинцовыми пулями, коваными наконечниками стрел, суждениями, ярлыками да приговорами. Не надо, девушка, прошу вас. Взгляните, я и так побеждён, мне холодно, и ваш ужасный кофе не дошёл толком до желудка, он скользким комом встал где-то посередине,

не, будто я ртути наглотался. Я знаю, девушка, жизнь у вас тоже не сахар, вы работаете три через один, чтобы каждый вечер возвращаться к какому-нибудь диванному тирану, или кого вы там себе выбрали. Но меня – молю – здесь и сейчас пощадите. Что вам стоит промолчать?»

– Бомжара немытый, – пробормотала продавщица в немилосердном мгновении от того, как захлопнулась дверь киоска.

Баякая очередную рану, Олег прохаживался вдоль бордюра, потому что стоять было холодно и больно. Внутри, где-то чуть выше поясницы, в районе диафрагмы, словно поселился слизень, высасывающий остатки тепла и без того продрогшего тела. Жирный школьник засовывал в рот обломок сосиски в тесте. «Может, у меня панкреатит? Да нет, тогда бы жгло, а тут словно выстуживает». Подъехал полупустой троллейбус. Олег медлил, сколько мог, потом запрыгнул в заднюю дверь, которая тут же закрылась.

Дмитрий КОНОНОВ

Родился в Омске, окончил ОмГУ им. Ф. М. Достоевского по специальности «лингвист-переводчик», с 2009 года – преподаватель перевода в ОмГУ. Лауреат премии Ф. М. Достоевского (Омск, 2020). Роман «Собачка бежит по кругу» (Омск, 2020), рассказ «Германия» (журнал «Сибирские огни»).

Пара свободных сидений смотрела на широкое окно, красивый вид удаляющегося Городка Нефтяников несколько портила лесенка и болтающиеся верёвки, ведущие к рогам троллейбуса. Тёмно-серые, набухли от влаги, почти чувствуешь запах псины. Хорошо, что они по ту сторону стекла. Старушка-кондуктор с трудом преодолела неблизкий путь от своего места, в голосе её звучала готовность вступить в конфликт по любому поводу:

– За проезд оплачиваем. – Сердитый взгляд из-под очков, глаза водянистые, бегают, ну что ж вы так.

Олег улыбнулся, протянул банковскую карту. Старушка несколько раз приложила её, без видимого эффекта. Троллейбус дёрнулся и трубно просигналил, затормозив перед каким-то лихачом.

– Денег нет, ваша карта в стоп-листе. Платите наличными.

«Я прекрасно это знаю, но и наличных нет».

– Да что вы говорите? Ох, это моя вина. Забегался, забыл денег на карту кинуть. Я тогда сейчас выйду – и сразу к банкомату. Простите, Бога ради.

Ложь, произносимая заученной скороговоркой пятнадцать раз на дню. Одну остановку всё же проехал бесплатно. «Медицинская академия», мёрзнуть, ждать последнего момента, запрыгнуть в дальний от кондуктора конец салона, протянуть карту, соврать, выйти на «Автодорожном», повторить. «Давно я так перемещаюсь по городу?» Летом всё больше пешком ходил, погода позволяла. Гулял с утра до вечера, полный плеер аудиокниг. С удовольствием переслушал всего Ремарка, принялся было за Майринка, но там диктор не понравился. В начале сентября «Наутилус», это уж как водится. А потом сдохли наушники, то ли от холода, то ли от чего... Олег часто проводил спонтанное мысленное гадание. Он пробовал предсказать исход какого-нибудь пустячного дела, и если преуспевал, значит, день благоприятен и ничего слишком плохого произойти не могло. Например, мужчина заходит в подъезд, за ним медленно закрывается магнитная дверь: «Успею я её поймать

или нет?» Сейчас Олег подумал: «Высадит она меня на самой остановке или крикнет водителю открыть двери тут же?»

– На, бери, – кондуктор протягивала ему грязноватый билет. – На полу нашла, обронил кто-то. Езжай, куда тебе надо.

– Спасибо... – Олег не верил.

– Ты на сына моего похож. Он тоже шибутной был у меня.

Не дожидаясь продолжения разговора, она медленно двинулась в обратный путь, качаясь в такт движению троллейбуса, перехватывая облезлые поручни. Что-то загудело в салоне, должно быть, включили печку. Олег скрестил руки на груди, втянул голову в ворот свитера и закрыл глаза.

У Аграрного университета он, вздрогнув, проснулся. Поёжился. Щурясь от солнца, посмотрел в окно. Мощённая бетонными плитами аллея вела к учебным корпусам в окружении голубых елей. «Помню, мы тут ещё в студенческую пору деревья сторожили под Новый год, чтоб не спилил кто-нибудь себе домой. Патрулировали эти дорожки, на дворе чёрная ночь, фонари через один выбиты, не видать ничего. Одно спасение – компаниями ходили, грелись водкой, а от неё только в сон клонит, как всегда меня от крепкого». Олег выпрямился на сиденье, холодный слизень никуда не исчез, даже наоборот, он словно раздулся больше прежнего. Случайно задел локтем пенсионера, который уселся рядом, пока Олег спал.

– Простите, пожалуйста.

– Бог простит, – хрипло ответил старик, не отрываясь от sudoku.

«Бог, как странно это слышать. Зайду тогда к Васе, всё одно к одному. Надо прислушиваться к сигналам мироздания». Проводил взглядом садовую ограду за окном и покосился на толстую книгу в руках соседа. «Страницы плохие, тонкие. Самураи. Наверное, эти sudoku автоматически генерирует программа. И какой интерес тогда в разгадывании? Расставлять по местам цифры в одной из миллионов комбинаций. Ещё раз. И ещё. Новая страница. Тычет пальцем по квадратикам. Семь да четыре. Бумагомарательство. Как с дурной про-

зой. Серые листы, тот же ограниченный набор знаков, только вместо цифр буквы. Расставь, уж как сможешь, в верном порядке. Каждая что-то да означает. Нет, сидеть невозможно, отчего ж так ноет диафрагма?» Олег поднялся, перешёл в середину салона и встал у дверей. Телефон квакнул в кармане джинсов, прося электричества. «Знаю, брат. Мне тоже поесть не мешало бы». Стараясь притупить голод, принялся оглядываться, изучать пассажиров. «Хэм говорил, что бедность делает писателя зорким. Ну что ж, нищета превратила меня в экстрасенса.

Не старая ещё женщина в платке непрерывно трясёт головой, словно отрицает всё и вся. Болезнь, по сторонам не глядит, погружена в личный колодец, где мысли одни и те же, по кругу, по кругу. Девушка красивая в круглых очках, повернулась, вся шея в розовой сыпи, какая досада. Светловолосый мальчик держится за резиновую прокладку троллейбусного оконного стекла, возит носом и ртом по кукольным своим пальчикам, светящимся в утреннем солнце, красно-оранжевым, с белым ореолом, вот уж и руки убрал, прислонился лицом к пыльной чёрной резине, трётся о неё, только что не облизывает. Бабушка, крашеная в рыжий, со страшными проплешинами на шишковатой голове, пристально смотрит на внука время от времени. Зачем смотреть, если не видит? Он разболеется потом. Ротавирус. Обвинят во всём пакетик сухариков, купленный на автовокзале. Выклянчил. Это всё американцы нас травят, ух!»

Городок Водников, двери троллейбуса раскрылись, диктор объявила остановку. Павлилоны в ряд, прелестные дешёвые едадьни. Плакаты с сосисками, чуть высунутыми из хлеба, и прочими деликатностями выгорели на солнце, сплошь бело-синие, погожее было лето. Запах ванили и свежих блинов проник в салон, это невыносимо, она берёт полный черпак жидкого теста, не белого, чуть кремового из-за маргарина и желтков, и отточенным движением распространяет его по дымящейся раскалённой конфорке, теперь шипящей, отрывающейся паром и дымом, как любой алтарь любому божеству, умахённый драгоценным

маслом и влекущий голодных. «Закрой ты уже двери, поехали».

Сибзавод, офисы. Немытые машины в ряд на парковке. Спит кто-то на водительском кресле, глаза в тени. Нищий в щегольских тёмно-зелёных полосатых брюках и в сером клетчатом пиджаке роется в урне. Что он ищет там, с утра банок не бывает. Коровьев, у кого ещё в городе есть такой костюм?

– Я ему прямо так и сказала: ты давай решай уже что-то, я за тебя больше платить не буду!

Студентка разговаривает по телефону, скошенный подбородок, лицо с наглой обречённостью некрасивой девушки. Личная драма у неё, парень оказался ничтожеством, опять. Весь салон слушает, кто ослабился, а кто и сочувствует. Эпоха, когда разучились понижать голос.

Кивнув благодарно кондуктору, Олег вышел из троллейбуса у библиотеки имени Пушкина. Здание растянулось меж двух улиц огромным грязно-серым прямоугольником, чуть позади – усеянная окнами, как инопланетный улей, башня книгохранилища. Интересно, каково там внутри? Лифты туда-сюда, наверное, гудят, скрежещут, на своём горбу книги не потаскаешь. «Оставьте заявку – и ожидайте. Брат Хорхе принесёт вам нужный том. Только не облизывайте кончики пальцев при чтении, литература может внезапно оказаться опасной, проповедуя несвоевременные вечные ценности». Восемь скульптур на фасаде библиотеки. «Чёрные, воронёная медь, я где-то читал. – Олег пригляделся. – Пушкина узнаю, а остальные? Хламида, рясы, сюртуки и пиджаки, усы и бороды, завитые парики. Кто-то воздел руку, а кто и обе. Тоскливо им, должно быть, глазеть на старенькую пятиэтажку напротив».

Хотел присесть на скамейку перед библиотекой и поговорить с учёными на фасаде, а может, выговориться до встречи с Васей, чтобы тому не так тоскливо было слушать, но солнце скрылось, налетел холодный ветер. Олег поднял воротник кожанки и быстрым шагом направился к подземному переходу. Справа здание общественно-политического центра, недавно после ремонта, аскетичное и строгое.

А когда-то весь первый этаж занимали киоски. И каких только компьютерных игр там не было. Пацаны, бывало, толпой набегали после школы прикупить что-нибудь. Или хотя бы одолжить на денёк. За витринами с яркими манящими упаковками очкастым сычом сидел хитрый Артур. Он промышлял дисками, потом – коллекционными картами, и не было, казалось, в сером как портянка городе девяностых ни одного мечтателя, исстрадавшегося по цветастой фантастике, который не был бы Артуру должен. Отдай. Всё отдай. За возможность стать героем в стальном панцире со сверкающим мечом, за шанс взглянуть на ночные мистерии эльфийских прелестниц, за скопированный калужскими пиратами билет в страну грёз с дурным переводом. Нет уже ни киосков, ни Артура. А билет в один конец скачивают в интернете, как, впрочем, и всё остальное.

Олег часто корил себя за привязчивую ностальгию, но что он мог поделать, если воспоминания детства и юности так и остались самыми яркими? Последующая череда скитаний, съёмных комнат, одинаковых женщин – всё это проплывало, не задерживаясь, не оставляя следа. Нырнул в смрадный полумрак подземного перехода и вынырнул на площади перед кафедральным собором. Пересёк сквер, где среди чёрного грунта клумб распластались гигантскими губками зелёные с жёлтыми подпалинами кусты туи. Не перекрестившись, подошёл к массивной двери, украшенной литыми барельефами, и с усилием потянул на себя.

Снял кепку, оказался в тихом полумраке притвора. Начищенная прикосновениями латунная дверная ручка пестрит повязанными платками. Запахи, копившиеся здесь годами, по осени всегда трансмутируют в смесь яблока и вишни, настаивается смирна, дымок от искривлённых жёлтых свечей. Поприветствовав знакомого старого охранника в полудрёме у доски объявлений, Олег повернул направо и по лестнице с красивыми коваными перилами спустился в нижний храм. Здесь было ещё тише и прохладнее. Обширная церковная лавка закрыта, несколько прихожан ждут у стойки, Олег присоединился к ним. Молчаливые лица, погружённые в себя. К Богу

в час крайней нужды. Из бокового прохода вышла старушка из местных. Женщина в коротком дорогом пальто обратилась к ней:

- Простите, а здесь кто-то работает?
- Ой, отошла она, скоро подойдёт, обождите.
- Да мне святой воды купить.
- А, ну давайте я вам со склада продам.
- Замечательно. И почём святая вода?
- Святая вода бесплатная, – строго ответила старушка. – А бутылочка стоит двадцать пять рублей.

Отошли. Олег разглядывал витрину: молитвенный щит и молитвенный покров, золотое тиснение, серебряные иконы, свечи по ранжиру, припасы для красного угла, Библия для детей, жития, утешение, сила и слава. Сбоку от витрины фанерная коробка, где в четырёх отделах стопками белеют листки для просьб о молитвах. На каждом силуэт кафедрального собора отпечатан соответствующим цветом, в зависимости от назначения. Обладательница дорогого пальто вернулась с бутылочкой святой воды, за ней шла старушка, неся монетки в нежадной руке. Положила деньги на прилавок и ловкими точными щелчками отправила их через щель на внутренний столик по ту сторону стекла.

– Ну вот, так-то оно хорошо, – с удовлетворением проговорила она и снова скрылась, пообещав, что служительница, работающая в лавке, вот-вот вернётся.

Так и случилось. Белоснежный платок, под ним седые волосы, в глаза не смотрит.

– Что вам угодно? – спросила она у Олега, отпирая бряцающими ключами дверь лавки.

– Дежурного батюшку пригласите, пожалуйста. Сегодня ведь отец Василий?

– Он. А по какому вы вопросу?

– По личному делу. Мы друзья.

Служительница достала из-под прилавка смартфон и набрала номер:

– Батюшка, – негромко сказала она. – К вам тут мужчина пришёл. Говорит, по личному делу. Как?.. Вас как зовут?

– Олег. Он знает.

– Говорит, Олег. Да, он подождёт. Хорошо. – Убрала телефон. – Ожидайте, сейчас батюшка спустится.

– Спасибо, – благодарно улыбнулся Олег.

– Спаси Господи, – то ли ответила, то ли поправила служительница.

Спустя полчаса Олег и Вася сидели друг напротив друга на самом краю большого стола в длинной низкой трапезной. Юный дьякон серой мышью сутился в противоположном конце комнаты, собирая тарелки. Перед Олегом стояла вместительная миска гречневой каши с куском жареного минтая, рядом – кружка крепкого чая с сахаром, ещё было варенье в вазочке, дешёвые конфеты, блюда с хлебом, сухарями и сушками. Олег ел жадно, с шумом прихлёбывал, после промозглого голодного утра блаженство ощущалось почти греховное. Ледяной слизень в области диафрагмы истаял, поверженный горячей кашей и горячим чаем, точно змей – копьём Георгия. Вася – или, как его звали теперь, отец Василий – деликатно помалкивал, изредка поднося к полным довольным губам свою кружку. Познакомились они в университете: Вася был на два года старше и закончил обучение на факультете теологии, когда Олег перешёл на четвёртый курс исторического. Следуя по стопам отца, поступил в духовную семинарию и очень скоро был рукоположён. Спокойный и уверенный, с приятным низким голосом, Вася располагал к себе людей. Жизнь его была определена кем-то раз и навсегда, поэтому причин для волнения попросту не существовало для этого высокого плотного человека. Что-то незыблемое и успокаивающее чувствовалось в нём, будто при виде основательно и на века построенного здания.

– Спасибо, брат, – искренне поблагодарил Олег, доев.

– Да не за что, – с приятной светскостью отозвался Вася. – Ты насчёт работы, помню, спрашивал. Это ещё актуально?

– Конечно, куда уж актуальнее, – с жаром подтвердил Олег.

Он закинул в рот конфету, отхлебнул чаю и добавил:

– До конца октября ещё живу на старой хате, а потом финита. Денег нет, хозяйка недвусмысленно дала понять, что нищebroдам не рада.

– Короче, смотри, – это был тот же Вася, с которым они сидели в столовке, смеялись, травили байки, разглядывали девушек. – Есть у нас школа в Саргатке, для больных детей. Им очень нужен учитель истории. Ещё в августе просили, да не было никого. Вот я и предлагаю. Платят не то чтобы много, зато еда местная – и главное, там же комнату дают. Это если согласишься до конца мая.

Одноэтажная школа, корова заглядывает в окно. Сельская жизнь, гонки на разбитых «ладах» по разбитой улице Ленина, единственной с асфальтом. Букolicеские радости Вергилия. Девушки с доверчивыми глазами. Очень некстати он вспомнил Валю, зрачки во всю радужку, ногти впиваются в спину.

– Идея хорошая, правда, – слова неловкого объяснения вязли на языке. – Но так уж вышло, что я унылый городской житель. Да и потом, не учитель вовсе. Скорее, вечный ученик. Брожу по улицам, веришь? Чем жив, сам не знаю. Книжками, фильмами.

– А стихи как, не забросил? – Вася не удивился отказу, теперь было видно, что и предложил-то он только для очистки совести.

– Не забросил. – Олег разломил сушку в кулаке и принялся подбирать с ладони кусочки. – Бывает, выступаю с ними, если приглашают. Если не приглашают, тоже выступаю.

– Ну, добро.

– А ты как? – сухой ответ друга заставил Олега покраснеть и спохватиться. – Что мы всё обо мне, расскажи про свои дела.

– Да как, всё в работе. По моей части, сам понимаешь, меньше не становится.

– Идут люди в церковь?

– А куда им ещё идти? Приходят и уходят, а всё это, – Вася повёл сдобной рукой, – стоит и стоять будет. Только знаешь, Олежа... – Он повернул голову, убедился, что дьякон ушёл, закончив прибираться. – Тяжело иногда бывает. С тобой одним этим и поделиться, а? Смешно сказать. Сейчас люди невоцерковленные думают, будто мы нечто среднее между инквизиторами и жандармами. Только и можем, что людей обирать да учить их жить. Самодовольные стяжатели, жадные до власти. Как там у Эко,

получаю удовольствие, смеясь над заблуждениями простецов. Помнишь, мы тогда с тобой поспорили, кто быстрее «Имя розы» прочтёт?

– Да, – улыбаясь воспоминаниям, ответил Олег. – И нас уделала Валя, управилась за четыре дня.

– Ну так вот, а я – веришь? – иду порой по улице и такие взгляды ловлю, как сто лет назад. Как им всем сказать, донести, что такие, как мы, не враги и не надзиратели их грехов, не тати крадущие, не мошенники? Я... я бы ещё мог тебе сказать, но это совсем уж дурное, ну его, не буду. Людей отпугивают от церкви, от Бога. Натурально отпугивают, антипиар какой-то, иначе не скажу. Делают умные лица и твердят, что не верят в Бога, зато верят в науку. Большая часть, положим, верит в интернет: им напиши статью про то, что успешно клонировали динозавра – они и будут с ней носиться, лайк, репост. Вот она, бездоказательная вера в то, чего не существует. А, ладно, заболтался. Вечно не туда ухожу. Так что, Олежа, не хочешь в Саргатку?

– Нет, прости.

– Хорошо, дело хозяйское. Охота, как говорится, пуще неволи, а уж от неохоты и подавно спасу нет.

– Вася, слушай... – Олег старался говорить небрежно, но холодный слизень внутри вернулся и стремительно набирал силу. – Не одолжишь штуку до ноября? Мне там заплатить должны, за стройку...

– О чём речь, – Вася вынул из барсетки кошелек и положил на стол две сине-зелёные купюры. – Бери. Отдашь, когда сможешь.

– Спасибо, – ненавидя себя, Олег сунул бумажки в карман куртки.

– Спаси Господи, – строго ответил, отстраняясь, отец Василий.

Олег, повернувшись к собору спиной, шёл через площадь в сторону Тарских ворот, его догонял ветер вперемешку с колокольным звоном. Со стороны реки тянуло сладким дымом. На аллее к ногам упал бурый дубовый лист, точно из гербария. Олег зачем-то подобрал его и сунул в карман – там лежал исписанный бисерным почерком блокнот, между страниц которого надёжно спрятаны были две тысячи рублей.

Он миновал ворота, оставил позади памятник Достоевскому и прогулочным шагом отправился по аллее вглубь сквера «Флора». У самого входа двое рабочих разбирали какую-то сварную конструкцию из толстых прутьев. Должно быть, на День города что-то соорудили, а теперь в утиль. В утиль. На фонаре прилеплено серое с фотороботом объявление о розыске. В последнее время все портреты на таких объявлениях стали напоминать одноклассников. Глаза как амбразурные дзоты. Странно, что деревья здесь никогда не желтеют равномерно: они покрываются растущими яркими пятнами, точно зелёная губка, которую Валя окунала в жёлтый акрил. «В тот год подарил ей настольный мольберт на день рождения, в самый раз для нашего тогдашнего жилья. Поставь в комнату обычный – он как раз займёт всё свободное пространство. Как она радовалась, за месяц новья накопилось на маленькую выставку. А потом лопнула батарея, работы сварились в кипятке, нас опять выселили, и мне пришлось устроиться курьером, чтобы выплатить хозяйке компенсацию. Тогда я начал пропадать надолго, обошёл город из конца в конец, только начал что-то понимать в этом месте, а Валя – Валя однажды пропала навсегда. В Омске ей было душно, она всё никак не могла понять, как мне удаётся находить на каждой улице, буквально в каждом встречном, историю – сильную, способную отозваться в миллионах сердец. В пылу последнего разговора начистоту она назвала то, во что я верю, утехой для скудоумных. Оправданием бездействия и лени. Валя не оставила моей созерцательности права на существование. И уехала. Сейчас, насколько я знаю, в Москве. Такая же съёмная квартира, работает журналисткой, нашла себя в гражданском протесте. Не вляпалась бы во что-нибудь».

На отшибе, в безлюдном уголке сквера, сидел на скамейке и безмятежно пил крепкое пиво Лёха Кочегар. Олег считал Лёху самым гармоничным из своих друзей. Все черты этого человека логично дополняли друг друга: лёгкий алкоголизм, околобуддистские взгляды, умеренно антиэтатистские, список профессий длиной с хорошую новеллу и фамилия Кочегар.

– Привет работникам культуры! – с наигранной бодростью провозгласил Олег, усаживаясь рядом. – По какому поводу праздник?

– Вино на пиво – диво, пиво на вино – говно, – отвечивал Лёха, пожимая Олегу руку. – Я сейчас допиваю – и иду на работу, я же не деградант какой-нибудь, в сфере образования и культуры занят. Нельзя, чтобы руки тряслись.

– А я думал, у тебя выходной. Что, вчера у Лупиноса тусили?

– Тусили. Альберт Робертович шлёт тебе привет и заверения в совершенном почтении. – Лёха покрутил бутылку в руке, оценивая оставшийся объём, и сделал хороший глоток.

– Ага, и ему не хворать. Лучше бы стихи мои в журнал принял, что ему стоит?

– Дык он объяснял вчера. Мне, говорит, Олежкины стихи не позволяет печатать принцип. Вот напечатаю я их – и что? Окажется Олешка в дерьмовом журнале, среди прочих горемык с охами-вздохами про осинки-берёзки. А вот пока я его не печатаю – он остаётся непризнанным гением, которого такие чиновники от литературы, как я, в чёрном теле держат и роздыху не дают. Понял?

– Вот сука. И сколько ж он выпил, что так разоткровенничался?

– Он это трезвым рассказывал, в самом начале. А после первой же рюмки к Леночке полез. – Лёха аккуратно положил пустую бутылку в урну.

– А, ну значит, её напечатает, – пробормотал Олег вроде бы самому себе.

Кочегар покачал головой:

– Ай-яй-яй, не надо так. Ты выше этого.

Рыгнул, тактично прикрыв рот пятернёй, поднялся со скамейки и закинул на плечо рюкзак.

– Ты спешишь? – спросил он, глядя сверху вниз и близоруко щурясь.

– Не-а, даже наоборот, перевожу время попусту, – ответил Олег.

– Как всегда, то есть. Ясно. Тогда пошли в музей, мы там выставку разбираем, поможешь.

– Не вопрос. – И двое приятелей отправились вдоль заборов и обшарпанных исторических фасадов к музею Достоевского.

Петрашевец Достоевский провёл здесь четыре года на каторге, его воспоминания об этом времени нашли отражение в «Записках из Мёртвого дома». В дневниках писатель ругал пыльный городишко, но причастность к судьбе великого классика льстит Омску. Университет носит имя Фёдора Михайловича, в старинном доме на берегу реки открыт музей с арестантской робой и кандалами. Что ж, и Чехова почитают в Томске. Олег и Лёха прошли мимо баннеров с портретами омских поэтов и писателей (возглавлял их опять же Достоевский), немного задержались у Аркадия Кутилова.

– Вот это был настоящий, – уверенно заявил Олег.

Кочегар просто кивнул.

В музей они поздоровались с гардеробщицей и вошли в зал, где закончила работу выставка, посвящённая Егору Летову. Лёха объявил, что сегодня нужно успеть разобрать все стенды и упаковать как можно больше экспонатов.

– Я думал, этим занимаются хранители, – Олег озадаченно посмотрел вокруг.

– Так я, можно сказать, хранитель. Не по-настоящему, конечно, но мне вполне доверяют нехитрую работу. Разбирать ведь проще, чем оформлять экспозицию. Я тебе так скажу: сейчас нет понятия «подходящий» или «неподходящий», есть только «свой» и «чужой». Вот посмотри на нас со стороны: ханыги ханыгами – но поди ж ты, работаем в музее совершенно легально. Ибо – свои!

Длинноволосый человек с тяжёлым пронзительным взглядом смотрел на них с десятков фотографий и даже с портрета на высоком мольберте. Лёха давал негромкие указания, руки у него в самом деле больше не дрожали, пиво возымело эффект. Олег изо всех сил старался быть аккуратным, чтобы ничего не задеть без нужды и не повредить. В голове у него слово «демонтаж» крутилось в вихре давно заученных наизусть песен. До хрипоты, под расстроенную гитару, пьяными голосами, не красоты, не удовольствия ради, а потому что невозможно иначе, невыносимо, потому что боль и гнев вскипают, им тесно в груди, тесно

в голове, башка уже кипит, как кастрюля с пельменями, от наглого, беспардонного, самодовольного несовершенства мира, смеющего называться порядком и цивилизацией.

Перерыв. Курили в музейном дворике, опять остановились перед портретом Кутилова. У Олега болела голова, от сигареты слегка тошнило, холодный слизень тянул ложноножки по пищеводу.

– Слушай, Кочегар...

– Нет.

– Что «нет»?

– Я знаю, ты хочешь сказать, что стал совсем уже почти как он, – Лёха указал дымящимся окурком на старого поэта с диковатым взглядом. – Так вот, нет. Ты – не он. Следуй своей дорогой, пока не выкрикнешь, выкашляешь, выблюешь всё, что тебе определено. Загнуться в сквере напротив Транспортной академии – такая себе затея. Это, брат ты мой, слишком просто.

– У меня сейчас от банальности зубы зачесались, – объявил Олег, скривившись. – Я всего-то хотел предложить тебе сходить в «НППО» после трудов праведных.

– Достойно есть, яко воистину. А на какие шиши? Я на мели.

Олег достал из кармана блокнот со стихами и дурашливо помахал им:

– *Ecclesia magistra artis*. Церковь – наставница искусств, – объявил он. – Духовенство не даст художникам погибнуть от жажды. Как в Италии эпохи Ренессанса.

На сырую холодную землю приземлились у старых его берцев давешний дубовый лист и маленькая чёрно-белая фотография Вали.

Через пять часов с работой было покончено. За это время почти никто не беспокоил, разве что хранитель забежал проверить, как идут дела, светя стареньким пиджаком под твид. С недоверием посмотрел на Олега, но промолчал.

В начале восьмого друзья покинули музей, спустились по улице Достоевского мимо кирхи восемнадцатого века и музея УВД, повернули направо у здания военного комиссариата с нелепой деревянной башенкой и пошли по тихой,

безлюдной Партизанской в холодном свете белых фонарей. Курили на ходу, разговаривать не хотелось. Олег с болезненным удовольствием смаковал подступивший голод: слизень требовал питательного бульона.

На перекрёстке с Петра Некрасова их чуть не сбил катафалк, отчего-то нёсшийся в сторону моргов со скоростью, противоестественной для буднего вечера. Поворот на Музейную по-прежнему закрывал уродливый стальной забор – на стройплощадке уже, конечно, ни души. Слева, со стороны кофейни на Либкнехта, пахло свежей сдобой. Должно быть, вытяжку на кухне врубили. Оставив позади пустой и тёмный педагогический университет, Олег с Лёхой нырнули в подворотню у органного зала.

Здесь вольготно расплылось праздное нутро улицы Ленина, бывшего Любинского проспекта. Изнанка. Старинные дома сходились хаотично, под углами совершенно питерскими, друг на друга накладывались дворы, дворики и арки. Стены нещадно истисаны, среди наркошифров встречались разрозненные крики, вопросы без ответов или ответы без вопросов. «Это, знаешь, когда идёшь, бывает, по улице да как вспомнишь какой-нибудь момент из прошлого, за который тебе и сейчас смертельно стыдно, – и выкрикнешь или скажешь что-нибудь громкое в сердцах, потому что такой возглас стыд оттягивает слегка, и только странные взгляды прохожих возвращают тебя из невыносимого прошлого в посредственное настоящее, рождая новую неловкость, новый стыд: чего это ты на улице сам на себя кричишь? Повезет ещё, если гуляешь в наушниках, тогда можно сделать вид, что разговариваешь по телефону, я так и поступал, и не раз. А если серьёзно, Олег Сергеевич, что тебе мнение этих людей, встречных-поперечных, ты видишь их, быть может, в первый и последний раз в жизни, а хоть бы и не так, хоть бы ты и перед знакомцами так облажался, зачем, отчего ты всякий раз готов под землю провалиться, если о тебе подумают "не то"?»

У стены громоздились мусорные баки, на каждом белым выведено название магазина

или кафе с той, внешней, парадной стороны улицы. Ещё несколько лежали кверху пузом, Олег повернул голову, читая – ну да, обанкротились и закрылись. Наверное, это традиция: когда место умирает, его мусорный бак переворачивают. Надгробие.

Пошли по безымянной узкой улочке, почти у цели. Здесь группками проветривалась у стен молодёжь, алели в темноте сигареты, огненные звёздочки гаснущего пепла падали на косую тротуарную плитку. Справа и слева разинули чёрные рты бары и кальянные, тянуло ароматным сладким дымом, ярковолосые девушки выпускали нежными губами белые конусы пара от вейпов, сотни круглых значков на вечных рюкзаках бликовали в неверном красном свете неоновой вывески.

«НППО». «Не Пытайтесь Покинуть Омск». Олег полюбил этот бар с самого открытия. Небольшой зал на несколько столиков, стойка, полки под потолком, картины – вот и всё. Помещение напоминало пещеру Али-Бабы, если бы разбойники грабили исключительно советских старух. Неповторимые ковры на полу и стене, обломки восточногерманского гарнитура, полированная книжная полка с кошмарными соцреалистами на изъеденной табаком бумаге. Портреты на стенах, нарисованные так плохо, что неясно было, кто же перед вами – Толстой или Хемингуэй. Где-то на уровне разноцветных бутылок покоилась раскуроченная пишущая машинка, она Олегу отчего-то особенно нравилась.

За барной стойкой, как всегда, кутерьма и оживление: у Геры сегодня выходной, он с аристократическим видом пьёт что-то химически-синее из коктейльного бокала, Светка то и дело убегает на кухню, шелестя шторой из плащевой ткани, Анна принимает заказ у парочки, милующейся на высоких стульях.

– Так, откуда штука в кассе? – спрашивает Светка.

– Какая? – не отрывается от коктейля Гера.

– Вот эта. – Светка открывает кассу и трясёт в воздухе купюрой. – Это за что и от кого?

– А, так я знаю? – облегчённо улыбается Гера. – Это... это у Ани надо спросить, наверное. О, а вот и поэзия припожаловала!

Бармен поставил бокал на стойку и поспешил навстречу друзьям, с радостью пожимая руки. Справа, заметив, приветственными возгласами разразилась обычная компания, по традиции занимающая столик у окна.

– Олежа, Кочегар! Давайте сюда, сегодня поэтам надлежит пить и веселиться! – провозгласил Митяй.

Настя Земская, Антоша и Гуревич одобрительно приподняли пивные стаканы.

– Гуляешь, Митяй? А повод есть? – дружелюбно поинтересовался Олег, подсаживаясь к тёплой компании.

Анна принесла ему и Лёхе по пиву, как обычно. Вечер объявили открытым. В противоположном углу гремела музыка, но здесь вполне можно было разговаривать. Гуревич подчищал тарелку с пастой, вытирая курчавую бороду скомканной бумажной салфеткой. Земская глядела на Лёху с грустной нежностью безнадёжно влюблённой девушки и пальчиками с облупившимся бордовым маникюром крутила забытую с прежних времен стеклянную пепельницу. Антоша украдкой долил в своё пиво что-то из фляжки, Гера у стойки театрально закрыл глаза рукой. На смену пиву пришли шоты, Олег ставил, ставили Олегу, медленно уплывали две тысячи, протянутые холёной рукой священника. Голодный организм скоро перешёл в состояние обманчивой лёгкости, алкоголь сглаживал углы, притуплял мысли. Снаружи моросил дождь, капельки на стылом окне, за столиком сидят полукругом омские окололитературные деятели, и неважно, в конечном счёте, кто и что говорит.

– Меня опубликуют в ежегодном сборнике, уже почти обещали. Не думал, что так скоро получится. Пять лучших стихотворений.

– И что толку? Кто их читает, эти сборники? Это же гробы для слов. Получишь авторский экземпляр и поставишь на полку – вот и вся любовь. Поэты для поэтов. Эй, олимпийцы из Жмеринки, вы о читателях не забыли там?

– Нет, ну погоди. Дарья Чернышёва тоже с чего-то начинала.

– Если быть точным, уже не Чернышёва, а Луганская. Она ж военкор теперь, пишет на

военно-патриотическую тему, про любовь к Родине там, на погибель всем фашистам.

– Любовь к Родине? К чьей родине? Она же из Омска.

– Не из Омска, а из Муромцева. Это район-центр в области.

– Опять твоё начётничество. Ну, может, она и паразитирует на мясорубке, но ведь все так делают: Киплинг там, мало ли, этот... Лебедев-Кумач.

– Лёша, мне уже плохо, не будь злым. Мы все любим ранние стихи Чернышёвой, они хороши вне зависимости от того, кто она теперь, Луганская, Афганская или Идлибская.

– А как публиковаться, где? Таргет нужен, таргет! Пиар и реклама. Вот, Олежа, ты меня прости сейчас, я тебя по-братски люблю, но...

– Митька, не уверен – не обгоняй. Я эти твои заходы знаю. После твоего «но» обычно такого дерьма наслушаешься, так что лучше...

– Погоди, погоди. Я тебе добра желаю ведь. Ты отличный поэт. Отличный. И стихи у тебя отличные. Но надо учиться себя рекламировать. Заведи паблики в соцсетях, «Твиттер», «Инстаграм»...

– И выкладывать фото еды? Эй, Гуревич, хочешь, твою пасту сфотоаю? Чёрт, телефон ещё утром сдох, Анька, Анька! Солнышко, поставь на зарядку, пожалуйста. Спасибо, спасаешь меня.

– Да послушай ты, Олег. Серьёзно, Митяй правильно всё говорит. Ты круто пишешь, но о тебе знает полторы калеки. Найди нормальную работу, мне знакомый эсэмэщик всё подробно объяснил, десять тысяч рублей в месяц на таргет – и через год будешь знаменитым сетевым поэтом, а там, чем чёрт не шутит, сможешь публиковаться в приличных местах. Им, ты пойми, в издательствах главное – гарантия того, что твой сборник раскупят. А ты им – хоба, двадцать с хреном тысяч подписчиков. Если каждый сотый купит твою книжку, первый тираж в две тысячи уже, считай, разошёлся. Понял, как это работает?

– А ещё... да не трогай ты пасту, оставь в покое... А ещё вот что: нужны связи. Пока ты парень с улицы, ты можешь быть хоть Лер-

монтовым – всем плевать. А ты съездил бы в «Липки», на «Тавриду». Творческого человека делает среда, понимаешь меня? Общение с собратьями по перу. Я вот в этом году в Крыму на «Тавриде» был. Винцо, девки умопомрачительные. Познакомился там с одной поэтессой.

– Гуревич, два вопроса: почему ты ещё не Лермонтов с публикациями и когда свадьба?

– От тебя, Настенька, не ожидал. Ты же знаешь, как я тебе боготворю. И всегда боготворил. А с той поэтессой у меня исключительно духовное единение и деловое сотрудничество. Я её публикую у себя, она меня – у себя. Наверное, в Казань весной поеду, там форум молодых литераторов.

– Сашка, я за тобой замужем два года была, боготворитель ты мой. И Олежа тут прав, лучше в петлю, чем в твой сборник.

– Ладно, брейк. Давайте ещё по одной, я угощаю. Анька, Анька!.. Ещё раз то же самое, ладно? Спасибо. Так вот, о чём я. Не знаю, ребята, мне врождённая интеллигентность мешает саморекламой заниматься. Неужели нельзя по-другому, просто, по старинке?

– Опять ты за своё. Предпочитаешь скромно стоять в стороне, ждать, пока в тебе разглядят гения? Да кто разглядит-то? Им не «Божественная комедия» нужна, а «Декамерон». Орать нужно, бить пяткой в грудь, трубить на каждом углу, рекламу оплачивать. И ещё можно, как это в деревне называлось, отхожим промыслом заняться.

– В смысле, кочегаром устроиться? Прости, Лёха, ничего личного.

– Не кочегаром, горе ты луковое. А создать, например, свой литературный блог на «Ютьюбе» и снимать видосы. Рассказывать о книжных новинках, иногда читать стихи на камеру, сейчас золотой век блогерства. Свой канал, подписчики, лайки – отличное подспорье к пабликам в соцсетях. Ещё больше людей узнают о тебе, ещё один шаг к успеху.

– Господин мистер учитель, разрешите вопрос: а на каком шаге к успеху продают задницу дьяволу, на пятнадцатом или на шестнадцатом?

– Ой, да ну тебя. Не хочешь серьёзно.

– Хочу серьёзно, Антоша. Душой торговать не хочу.

Друзья размахивали руками, повышали и понижали голоса, доказывали, пьяными пальцами водили по экранам телефонов, пытались найти какие-то сайты в подтверждение своих слов – Олег задумчиво улыбался, неотрывно глядя на чёрный прямоугольник коктейльной карты на столе. В списке шотов внимание привлекали «Нефты», «Кировск», «Чекалдан» – знакомые районы, исхоженные вдоль и поперёк, пепельной взвесью осевшие в лёгких, там, где и должна быть душа, если только есть она на свете.

Переполненное такси выехало на проспект Мира. Земская попрощалась со всеми и вышла на «Телецентре», за ней, повинувшись порыву, машину покинул сидевший спереди Лёха, провожаемый ревнивым взглядом Гуревича. Теперь место Кочегара рядом с водителем занял Олег, а Антоша и Митяй продолжали советовать с заднего сиденья. Они то и дело подавались вперёд, обдавая его сложными неприятными запахами.

– Мало писать хорошо. Безнадёжно мало. Нужно уметь себя продать. Свои тексты. Ты понимаешь меня? – Митяю было непросто справиться с икотой, от его красноречия остались жалкие обрубки.

– Засветился там, засветился тут, семинары, форумы, то да сё – вот тебе уже и на поэтических конкурсах рады. Это который Олег Сергеевич, это с которым мы на слёте водку пили? Отлично, наш человек. В шорт-лист его! – Антоша резко, повелительно взмахнул рукой и нечаянно врезал костяшками по стеклу.

– Осторожно, – грубо и с нажимом прорычал таксист.

– Люди в двадцать пять имеют с десяток публикаций, иногда и собственные книги издают, а тебе уже тридцать, – продолжал слизень.

– Я бы даже так сказал: то, насколько хорошо ты пишешь, вполне вторично. Главное, насколько ты успешен как автор. И связи с качеством твоих текстов тут прямой нет, одна только косвенная, – вторил слизию слизень. – Реклама, в конечном счёте, определяет тебя как литератора.

Олегу стало плохо.

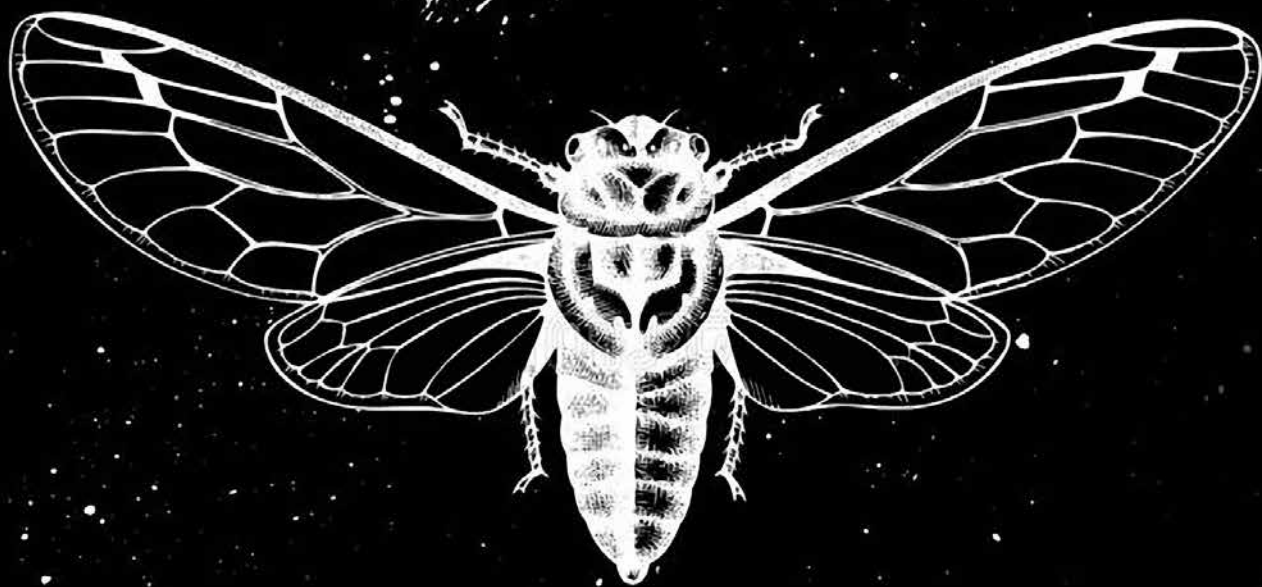
– Высадите меня у Политеха, на остановке, – попросил он водителя. – Ладно, мужики, до встречи. Созвонимся.

Машина затормозила. Олег обернулся, пожал руки друзьям и не без труда выбрался из такси. Холодно, вокруг ни души. Испарина покрыла бледное лицо и высокий лоб. Олег согнулся, его качнуло вперёд. Потеряв равновесие, он упал на четвереньки, ладонями на асфальт. Его вырвало. И ещё раз.

Бело-зелёная пахнущая спиртом лужа растекалась по тротуару. Она распространялась отдельными потеками, как амёба ложноножками, как холодный гигантский слизень, блестящий в свете фонарей. В ней – в нём – было всё: дрянной утренний кофе, красивая девушка на переходе, пронзённая навывлет душа, бомжара немытый, необходимость мухлевать в транспорте, судоку и облизывание троллейбусного окна, медные кумиры на здании библиотеки, церковный минтай, поминальные конфетки, две тысячи сине-зелёных рублей, загнуться в сквере, о-о-о моя оборона, недоверчивый взгляд хранителя музея, таргет, реклама, форум, семинар, связи, блогинг, соцсети, паблик, лайки, репосты, подписчики, статистика, продажи, успех.

Свободный, Олег стоял на четвереньках над лужей своей рвоты и смеялся.

СКАЗКА МАЛЕНЬКОЙ ЦИКАДЫ

СИНОПСИС

Действие происходит в стране развитых насекомых в канун Нового года. Главным героем является маленькая Цикада, которая узнаёт о том, как создавался их мир, из сказки мамы-Цикады. Возникшие вопросы не дают ребёнку покоя в новогоднюю ночь. Любознательность заставляет маленькую Цикаду отправиться с Жуком Морозом в настоящее путешествие, в конце которого она обретёт не только новые знания об их мире, но и преданного друга.

Ночь сменилась днём, позволяя увидеть буйство разноцветных красок, разбросанных вокруг, будто на палитре умелого художника. Солнце, поднимаясь из-за горизонта, как и всегда, освещало этот мир, даря ему нескончаемую теплоту. Пёстрые растения тянулись к источнику ежедневной бодрости, неестественно резво реагируя на него.

Бордовый длинный цветок, закутанный сам в себя на время сна, неожиданно развернулся, оголяя три пары небольших глазок. Маленькие стебельки вокруг него в рассинхрон задвигались, давая понять, что это лапки существа. Извиваясь, оно спустилось на землю,

шагая подобно человеку и встречая на своём пути других воспрянувших ото сна насекомых.

Но откуда они здесь появились? Почему населяют эти земли не люди? Что могло произойти, настолько изменившее мир? Чтобы ответить на эти важные вопросы, дорогой читатель, нужно переместиться намного раньше. Увидеть предысторию этого мира. Тараканьего мира. Читай эту историю, как последнюю в своей жизни, и помни: всё зависит только от нас самих.

– Вы её привели? – нервно расхаживая из угла в угол, прикрикнул принц на вошедшего в тронный зал стражника. На его шлеме красовалось два огромных шпиля, напоминающих усики насекомого.

– Алхимик северного нагорья доставлена в целости и сохранности, ваше высочество! – чётко и по уставу отозвался стражник, всем своим видом скрывая нарастающее волнение.

– Так веди её сюда! Живее! – заливаясь нетерпением, кричал на бедного стражника принц, остановившись прямо напротив последнего.

Молча и с поклоном слуга принца удалился, оставляя своего властителя наедине с мыслями. В который раз монарх подходил к

окну, с ненавистью глядя на своё королевство. Красочные крыши его домов мозолили принцу глаза, а все подданные в чудаковатых костюмах, ходившие по его указу одетыми будто насекомые, не удовлетворяли его истерзавшуюся по идеалу душу.

– Госпожа алхимик, ваше высочество! – отчитался резко вошедший в зал стражник, вырывая искренне любимого монарха из собственных мыслей.

Перед принцем предстала волшебница того времени – девушка в синем одеянии, умевшая превращать одни вещества в другие. Белокурые её волосы, обычно собранные в пучок, развевались от лёгкого дуновения ветра из открытого настежь окна.

– Доброго дня, творец материалов! – не выдержав молчания алхимика, выступил принц вперёд, жестом показывая стражнику уйти. – Должен признаться, мне нужна ваша помощь.

– Чем обязана столь одностороннему предложению? – без уважения откликнулась девушка, неуверенно делая шаг назад под напористым взглядом монарха.

Молча принц поднял руки и звонко похлопал. Будто ожидая этого, из небольшой двери в другом конце зала появились слуги, несущие накрытые баранчиками подносы. Остановившись в ряд прямо перед девушкой, они положили руки на крышки, внимательно следя за дальнейшими командами принца.

– Я сам своего рода алхимик, должен вам в этом признаться, – почти шёпотом произнёс монарх, отходя за спину девушки и кивая слугам.

Резво они принялись отрывать баранчики от подносов, позволяя увидеть, что находится под ними. На алхимика смотрела пара сотен удивлённых глаз. Под первой крышкой прятались коричневые жуки, стоящие только на задних четырёх лапках, бесхозно повесив остальные восемь пар. Их умные глаза изучающе смотрели то на девушку, то на соседний поднос. На нём, не понимая происходящего, сидели чёрные насекомые, всем своим видом напоминающие безглазых пауков. На последнем же подносе, словно люди, стояли большие

бежевые тараканы, опираясь на все сорок лапок и двумя голубыми человеческими глазами смотря на алхимика.

– Последние самая удачная проба, – осторожно обходя девушку, произнёс принц, – больше всего похожи на идеал, хотя их усики крайне ядовиты, но крылья практически атрофированы и панцирь их мягок, как человеческая кожа.

– Что вы сделали с ними? – испуганно произнесла алхимик, заворожённо наблюдая за всем происходящим.

– Я пытаюсь сделать идеал. По своему подобию, разумеется. То существо, которое буду любить до конца жизни и знать, что его никто не полюбит кроме меня из-за внешнего вида, – размеренно проговорил юный монарх, – поэтому мне нужна ваша помощь. Полагаю, вы понимаете, что ваш отказ будет воспринят мною враждебно и не примется. Я покажу вам все формулы, которые использовал для создания этих существ.

– Вы эгоистичный человек, осмелюсь заявить, который не понимает, что вмешивается в сами законы природы. Я не владею знаниями в этом, – громко возразила алхимик, пугая своим голосом насекомых, и тихо затем вздохнула: – Другого выхода у меня нет?

– Нет, – коротко ответил принц.

С тех самых пор королевство зачахло. Задача принца найти свой идеал успехом не увенчалась. Природа сыграла над ним злую шутку, убив одним из его ядовитых творений. Алхимик же не прожила долгую и счастливую жизнь – смерть безумного монарха не принесла ничего кроме глубокой, разрывающей сердце печали. Бедные насекомые, наполнявшие клетки в замке, в скором времени сбежали, наводя хаос в королевстве и не понимая свою убийственную силу. Так и появилась эта удивительная земля, которую породил сам человек своим же эгоизмом, не осчастливив и не погубив себя.

* * *

Большие лапки закрыли маленькую книжечку. Яркая цикада, немного стрекоча и переваливаясь с ноги на ногу, добралась до полки,

куда поставила общепринятое произведение. Выпрямившись полностью, она вернулась к колыбели, наблюдая в недалёкое окно за метелью.

– Мамочка, неужели так появился наш мир? – спросила маленькая Цикада, засыпая в своей кроватке-гамаке.

– Никто не знает, милая, кто создал нас и как мы появились, но верить в это нужно, – ответило большое зелёное насекомое, накрывая своего ребёнка тёплым одеялом.

– Но вдруг это просто кто-то выдумал? – не унималась любопытная Цикада, перебирая лапками под одеялом и наслаждаясь теплом в это холодное время.

– Тише-тише, надо думать как принято, запомни это, – нравоучительно и с беспокойством произнесла мама-Цикада, отдаляясь от своего любимого дитяти, – утро вечера мудренее, ложись спать, иначе Жук Мороз не принесёт тебе подарочек.

Ветер завывал всё больше, сквозь трубы проникая в домики и гуляя по комнатам. Со всем скоро Новый год, и вся детвора с нетерпением ждала, чтобы услышать, как по вентиляционно-дорожным трубам кто-то с тяжёлым мешком спешит в гости. В зимнее время существовал запрет на передвижение насекомых на улице. Оно и понятно: в такой холод они запросто могли простудиться. Именно поэтому в каждом маленьком домике существовал такой же маленький выход к огромному разветвлению труб, позволяющему дойти куда угодно. Разумеется, детям не разрешали туда ходить: они же запросто могут потеряться! Но в новогоднюю ночь желание ребятишек выйти туда росло ещё больше. Ведь именно по этим многочисленным путям к ним с подарками спешил настоящий Жук Мороз!

– Мамочка, ты спишь? – шептала маленькая Цикада, проснувшись от яркого сна, тут же забытого, над ухом большой Цикады.

– Да, милая, и ты должна давно спать, скоро Жук Мороз придёт, а если увидит, что ты не спишь, – расстроится и убежит, не оставив тебе подарка, – сонно протараторила, будто причитая, мама-Цикада, поворачиваясь на другой бок.

– Но я не хочу спать, – лишь прошептала Цикада, отходя от кровати родителя.

Дитя подошло аккуратно к круглому окну, осторожно приподнимаясь на цыпочки, чтобы насладиться зимним видом. К большому сожалению, на улице было так темно, что даже луны, всё время освещавшей местность, не было видно.

– Но я же не хочу спать, – обидчиво сама себе повторила маленькая Цикада, возвращаясь в тёплый гамак.

Глазки её по-прежнему оставались открытыми, когда часы проббили полночь. Сонная отстранённость отпала, когда Цикада поняла, что скоро придёт Жук Мороз с подарком.

– Неужели я смогу его увидеть? – шептала в пустоту Цикада, восхищённо через полузакрытые глаза наблюдая за пёстрой шторкой, прикрывавшей вентиляционно-дорожный выход. В тёмном безмолвии вся комната выглядела совсем иначе: маленький обеденный столик, заваленный книжками, походил на кроважного круглого монстра, едва различимые в другом углу диван с креслом-качалкой и вовсе страшно скрипели от ветра, пугая ещё больше, маленькая ёлочка, проросшая из семечка, любовно посаженного в горшок, злобно блестела своими шариками, напомнившими множество страшных глаз.

Маленькая Цикада залезла под одеяло с головой, пытаясь убедить себя, что ей всё кажется. Неожиданный шорох, раздающийся прямо из трубы, напугал дитя ещё больше, но уверенность в том, что это Жук Мороз, придала смелости, чтобы выползти из-под одеяла. К несчастью Цикады, никто из трубы так и не вышел.

– Я смелая, я смелая, – повторяла шёпотом она, не зная зачем, наступая лапками на холодный пол.

Перебежками насекомое продвинулось прямо к дорожной трубе, стараясь создавать как можно меньше звука и прислушиваясь к шороху. Шторка едва заметно колыхалась от ветра, создавая иллюзию, будто её кто-то теребит с другой стороны. Дрожащей лапкой маленькая Цикада резко сдвинула ткань, прикрывающую

нечто страшное. Отпрыгнув от удивления назад, дитя впустило в комнату всё это время наводивших пугающий шум летающих червячков. Так называемых низших насекомых, которых «рука принца не коснулась».

Через несколько секунд в дорожных трубах послышались тяжёлые шаги. Цикада только и успела, трепыхая бесшумно бесполезными крыльями, спрятаться за кресло-качалку. Почувствовав небывалый приступ жара, дитя наконец увидело причину нового шума.

Маленькое грозное существо из последних сил тащило большой мешок, спотыкаясь при этом обо все неровности на пути. Буквально вваливаясь в комнату и распрямляясь в полный рост, Жук осмотрелся в поисках новогодней ёлки. Заметив некое шевеление около кресла, он резко двинулся туда.

– Это ещё что такое! – грозным басом сказало насекомое, закашлявшись и продолжив тонким голосом: – Ты почему не спишь, дитя? Полежай быстро в кровать.

Быстро метнулась Цикада прямо в свой уютный гамак, накрывшись покрывалом с головой. «Настоящий Жук Мороз! Настоящий! – думало про себя дитя. – А что же за странные насекомые прилетели перед ним? Почему они не как мы?»

Звонкое чертыхание Жука Мороза, ударившегося о стопку книг, лежащих недалеко от ёлки, заставило Цикаду вылезти из-под одеяла. Грозное маленькое насекомое несло коробочку с бантиком, желая оставить её под праздничным деревом. Шапка существа слетела окончательно, когда оно присело под ёлку. И тут в голову к маленькой Цикаде пришла безумная мысль: «А что, если принц ещё жив? Вдруг он сможет сделать червячков такими же, как мы? Тогда я бы обрела новых друзей». Сострадание, возникшее в этом ребёнке, вкупе с наивной идеей сподвигли Цикаду спуститься с гамака.

– Дядя Жук, а можно мне пойти с вами? – любознательно-несмело спросила Цикада, подходя к насекомому чуть выше её самой.

– Чего? – испуганно опешил Жук Мороз, пряча быстро подарок и не понимая, кто с ним

говорит. – Это опять ты! Куда со мной? В трубы? Детям нельзя! И не спать в такое время тоже нельзя! Думаешь, я такой добрый? Сейчас как разозлюсь!

Испугавшись, дитя побежало обратно в кроватку под тихий смехок новогоднего Жука. Смелость постепенно покидала ребёнка, но только не любознательность. Тот самый интерес, который двигает любым с самого детства. Жажда новых знаний завладела Цикадой целиком. Что? Что там в этих трубах? Есть ли там создатель этого мира? И как сладко поддаваться самому себе, пытаясь представить, что находишь ответы на все интересующие тебя вопросы.

Неугомонное дитя метнулась к мешку с подарками, хватая по пути летающего червячка, пока Жук Мороз копался под ёлкой, пряча подарок для мамы-Цикады. С того момента, когда жук вновь потащил мешок в дорожные трубы, началось приключение насекомого-ребёнка, не представляющего, что ждёт его дальше.

Маленькая Цикада стучалась о неровности труб, всякий раз бережно обнимая не понимающего ничего червячка. Жук Мороз путешествовал от одной семьи к другой, позволяя увидеть ребёнку, как живут остальные насекомые. Некоторые домики были полностью покрыты паутиной с новогодними ленточками, ловящей малейшие передвижения, другие были в непонятной слизи с конфетти от больших и толстых существ, третьи и вовсе представляли собой какой-то хаос из еды и её остатков. Но в каждом доме неизменно была маленькая ёлочка или её ветка, предусмотрительно украшенная яркими гирляндами, под которой Жук Мороз заботливо оставлял подарки всей семье.

Наконец, когда подарки закончились, новогоднее насекомое прибыло в странное, холодное место. Осторожно маленькая Цикада выползла из мешка, ощущая небывалый ветер, прижимая червячка ближе к себе. Жук Мороз сидел прямо на краю огромной трубы, непривычно свесив лапки. Впереди был лишь яркий свет, за которым едва различимо были видны огромныедвигающиесясилуэты.

– Что это? – удивлённо вскрикнула Цикада, делая шагжок вперёд и пугая собой Жука Мороза.

– Ты? – потеряло дар речи новогоднее насекомое, стаскивая шапку с макушки. – Тебе нельзя здесь быть! Что же делать? Зачем ты пошла со мной?!

В ответ дитя лишь подняло едва трепыхающегося червячка, показывая жуку цель своего путешествия:

– Я хотела отнести его принцу. Вдруг он сможет, как в сказке, сделать его подобным нам? Мы бы подружились с этим червячком...

– Что? Принц? – поперхнувшись, произнёс жук, начиная понимать, в чём тут дело. – Ты думала, я приведу тебя к принцу, раз только мне разрешено выходить зимой?

– Д-да, – боязливо ответила Цикада, прижимая червячка к себе с большей силой, – но я не вижу дворца.

Огромная тень вновь пролетела мимо, заставляя насекомых отбежать от края трубы. И опять холодный ветер залетел в дорожную вентиляцию, оглушая неприятным гулом, заставляя маленькое насекомое прокричать жуку:

– Что это?

– Люди, – лишь выдавил Жук Мороз, когда ветер утих, но после слегка обнял Цикаду и жалостливо продолжил: – Милая, я прихожу сюда всякий раз после этой доброй ночи. Всякий раз я знаю, что совершил что-то хорошее, как когда-то принц, создавший нас. Поверь мне, его не нужно искать. Он там, далеко за стеклянным куполом, накрывающим наш мир. Но пойми,

чтобы сделать этого червячка своим другом, не нужны волшебные руки принца, нужно твоё тёплое сердце. Полюби его, оберегай и учи, тогда он станет твоим настоящим другом.

– Но принц?.. Он правда существует? – не унималась маленькая Цикада, накрывая лапками червячка и облачиваясь на плечо Жука Мороза.

– Разве это важно? Важно, что есть мы все сейчас, – задумчиво произнёс жук, вставая и кряхтя. – Никому не рассказывай, что ты здесь была, и береги червячка. Иди назад и поверни два раза направо, потом три пролёта вниз и налево, там и будет твой дом. Тебе пора возвращаться, а мне лететь дальше.

– Но куда ты, Жук Мороз? – спросила маленькая Цикада, делая шаги назад.

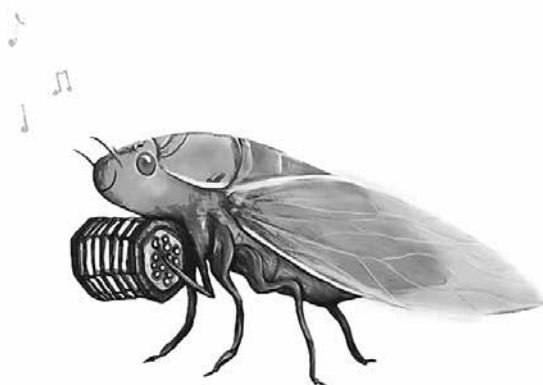
– К ним, – многозначительно кивнул Жук в сторону больших теней, – прощай, любознательная Цикада!

После этих слов он взлетел. Цикада подбежала к краю трубы последний раз, чтобы увидеть, куда полетел Жук, но его силуэт уже успел скрыться. А внизу, под трубами, простиралась огромная долина, покрытая снегом.

Маленькая Цикада пришла с червячком домой только под утро. Мама ещё спала, поэтому дитя тихонечко залезло в свой гамак и под одеяло, обнимая своего нового друга.

– И помни, червячок, теперь ты мой друг, и мы оба должны уметь хранить в тайне это приключение, – прошептало насекомое и закрыло глаза, ожидая, когда сон поглотит его полностью.

Арина БЕЗЗУБЦЕВА

Анастасия ВОЛКОВА

Родилась в Москве 10 мая 2001 года. В 2018 году в журнале «Наша молодёжь» были впервые опубликованы её стихотворение и краткое эссе к нему. В 2019 году был выпущен сборник стихотворений, написанных с 2013 по 2018 год. В этом же году в журнале, упомянутом ранее, было опубликовано несколько стихотворений из данного сборника. На данный момент продолжает заниматься стихосложением и практикует написание аналитических эссе на психологические и социологические темы, также пробует писать художественную прозу.

ЮНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Свои записи смотрит. Их дважды читает.
Вспоминает их смысл. Очерёдно кидает
Бумагу истёртую в горящее пламя.
Разлетаются пеплом воспоминания.
Теряется в прошлом, рассыпается прахом
Когда-то сильнейший трепет со страхом.
А в дыме рассеяна сладкая радость
И горечь обид. Ещё терпкая гадость
От гниющих предательств. Сожжено
всё дотла.

Юный писатель сидел у костра.

БЕЗЛИКАЯ

Вспомни того, кто сидел там, у края.
Не помнишь? Ну что ж. Это я, та иная,

Пустая и тихая. Возможно, безликая.
Моя блёклая внешность под маскою скрытая.

Ещё раз скажите, в чём моя роль.
Наверное, в том, чтобы быть неживой,

На вопрос «Ты в порядке?» лишь улыбаться,
В любой ситуации тихо смеяться.

Правильно, правильно вы все говорите.
Что, я обиделась? Простите, простите...

Я больше не буду. Я снова молчу.

Фаланги просвечены на ярком свету,

А губы искусаны от нервов, волнения.
А в мыслях обида от невезения.

Знаете, знаете, а я люблю дождь.
А вы понимаете, я чувствую боль.

Да ладно вам, видите – я улыбаюсь.
Всё хорошо. Я вновь повторяюсь.

ВИТРАЖ

Ваш мир расколот на крошечные части.
Вы видите мерцания от тысячи осколков.
И зрение наивно заключает: это счастье.
Это смысл. Это истинное слово.

Смотря на вакханалию теней
в сопровождении мерцаний,
Мы в панике стремимся создать
свой собственный характер,
Создать систему объективных пониманий
Всех самых важных крошечных частей,
выдаваемых в отдельности за правду.

Куда стремится ошалелый разум, когда
бедняга извивается в углу,
Пытаясь схорониться от хищных ощущений?
И где он прячется, когда тот, встав на ноги,
взывает к пытливому уму
И ищет, как наркотик, блестящие идеи?

Зачем, зачем все божии создания бредут
по миру с проволокой у шеи, не подозревая,
Что может быть и по-другому?
Что именно душа должна найти, пройдя
сквозь нарциссизм, неверие, разочарование
И бегство от родного дома?

На что должно быть направлено сознание,
Чтоб наконец вместо разноцветных
стёклышек увидеть целостный витраж?
И как, позвольте же узнать, услышать
мироздание,
Когда оно вопит сквозь этот пьяный
нескончаемый угар?

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Днём, как обычно, сознание спит.
Но оно не даёт тебе ночью покоя.
Что-то по черепу злостно скрипит.
Ты ждёшь, чтоб нырнуть в пространство
пустое,

Где мысли, как свет, невозможно поймать,
Где всё превращается в самый ясный
рассудок,
Где сложнее всего самому себе лгать,
Где смеёшься навзрыд без каких-либо шуток.

Смотри и внимай самым странным идеям,
Что изволили ночью тебя посетить.
Придётся общаться с собой, не жалея
Собственных страхов. Придётся убить

Множество, множество своих убеждений
Ради того, чтоб себя понимать.
Ты не знал о количестве тех странных
явлений,
Что пугают тебя? Придётся узнать.

СКОЛЬКО ОСТАЛОСЬ ДО ПЛИНТУСА?

Он добрался до дна.
Вскинул голову. Вверх.
И увидел звёзды.
Когда?
В какой именно век
Всё будет не поздно?

Гнить или жить?
Вопрос ведь простецкий.
Но никак не могу собраться с ответом.
Быть убитым? Убить?
Кого именно? Некий
Образ, что прячется где-то за зеркалом?
Ох, всё бред.
Воспалённое самолюбие.
Всё, что я ненавижу, меня обличает.
Здесь выхода нет.
Это скука или безумие?
Тот, кто смеялся (внезапно!), истошно
рыдает.

Я себе обещал очень много.
Даже слишком. До состояния,
Что хочется выпихнуть себя же в окно.
Всё долго. Долго. Долго!
«Не успел». «И не сделал». «Не знаю».
«Не знаю!»
Мне теперь интересно, что такое
«ничто»?

Это ж сколько...
Сколько осталось до плинтуса?
Или я уже сильно ударился головой
о паркет?
Наверное, много
Пришлось бы отдать, чтобы
выпрямиться,
Чтобы сжать себе горло и
выкинуть себя же на свет.

НАГРАЖДЕНИЕ

23 апреля в администрации Тамбовской области состоялось торжественное мероприятие, посвящённое Дню местного самоуправления.

Это один из самых «молодых» российских праздников. Начиная с 2013 года он отмечается ежегодно 21 апреля. Установлен Указом Президента РФ от 10 июня 2012 года.

Приглашённых гостей поздравил глава администрации области Александр Никитин, который подчеркнул важную роль органов местного самоуправления в жизни тамбовчан. Благодаря слаженной работе властей всех уровней происходит динамичное развитие нашего региона.

Президент социального центра «Александръ», главный редактор одноимённого литературно-исторического журнала, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского нового университета Анатолий Труба удостоен премии Тамбовской области имени Евгения Боратынского. Она присуждается за успехи в литературоведении,

языковедении, краеведении. В этом году она присуждается в семнадцатый раз.

Журнал «Александръ», который возглавляет Анатолий Труба, предоставляет возможность начинающим авторам и людям, уже заявившим о себе в литературе, проживающим на территории Тамбовской области, реализовать свои творческие замыслы.

Журнал является единственным литературным периодическим изданием в Тамбовской области, выходящим при содействии Союза писателей России. Этот статус позволяет авторам после публикации в «Александре» получить возможность подать заявку на вступление в Союз писателей России без издания обязательных в таком случае книг, достаточно предоставить публикации.

Анатолий Труба – автор двенадцати книг и более чем пятидесяти литературных произведений различных жанров. Он пишет на православную тематику, раскрывает в своих произведениях тему войны и историю Тамбовской области.

Александр СЕРГЕЕВ

ПРАЗДНИК И ТРУДОВОЙ СУББОТНИК В САМОМ КОСМИЧЕСКОМ ГОРОДЕ РОССИИ

В Звёздном городке праздничная программа была столь разнообразной, что многочисленным гостям было непросто везде успеть.

Приехавшая в субботу, 24 апреля, группа Союза писателей России перво-наперво направилась на посадку дубовой аллеи, где всем выдали, кроме лопат и рабочих перчаток, памятные специальные футболки и кепки-бейсболки с соответствующими важному событию надписями и тёплыми рисунками.

Настроение не смог испортить даже холодный частый дождь, сразу после митинга перешедший в плывущий хлопьями снег. Дубочки высаживали с весёлыми шутками и пожеланиями: чтоб росли и крепили, чтоб в жару укрывали тенью, а в холод не давали сильным ветрам слишком большой воли. Писатели Анатолий Труба, Любовь Берзина, Родион Рахимов, Нина Дьякова и фотооператор Борис Иванов свои деревца отметили лоскутками, привязанными на тоненьких стволиках. Так делают на Востоке и в Сибири, чтобы часть сердечного тепла здесь осталась подольше, а ещё – чтобы когда-нибудь снова приехать в этот удивительный городок, наполненный неповторимой, поистине космически позитивной энергией.

Люди в Звёздном – тема отдельная. Каждый житель, включая ребяташек и подростков, знает, что показать и рассказать гостям, которым вроде и так-то про космические достижения всё-всё известно. Ан нет!

– Вот это памятник Юрию Алексеевичу Гагарину. Посмотрите, он стоит спиной к дому, в котором жила семья Гагариных – очень скромных, очень милых и доброжелательных людей. Юрий Алексеевич каждое утро перед работой выходил на пробежку, а супруга провожала его, глядя в окно. После пробежки он всегда принёс Валентине Ивановне букет полевых цветов. Вот и скульптор изваял первого космонавта таким трогательным романтиком с букетиком ромашек, которые он держит в левой руке за

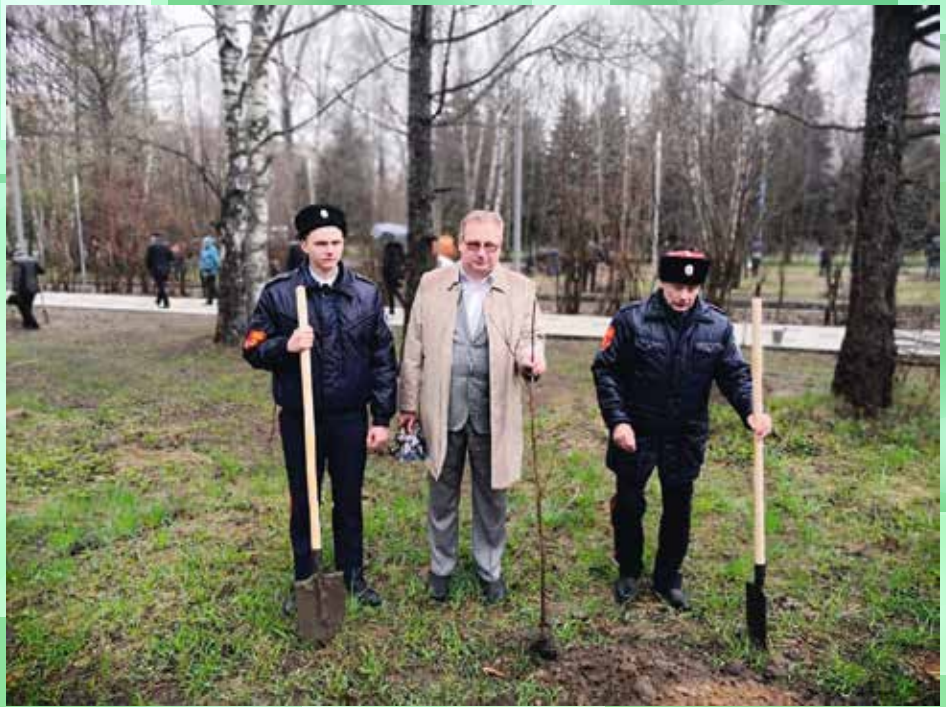
спиной... – Так нечаянный «экскурсовод» по имени Марина буквально на несколько минут остановилась рядом с группой писателей, увидев заинтересованные взгляды в сторону памятника, рассказала и побежала к своим заботам, коих в этот день было немало у всех жителей городка. Потом ещё несколько раз пути писателей с Мариной пересекались – уже на правах давних добрых друзей никто не скрывал искренние улыбки: наша, мол, Мариночка...

Центр подготовки космонавтов, музей истории освоения космоса, широкие аллеи и дорожки, маленькая приветливая кофейня с хорошим (а как же иначе?!), душистым и вкусным кофе, небольшое фойе с выставкой постеров «Земля и космос» дважды Героя Советского Союза Владимира Джанибекова, дружеская неформальная встреча, во время которой писатели почитали стихи и подарили Звёздному свои книги... В кулуарах новые знакомые рассказывали гостям, не скрывая ничего, что могло заинтересовать, о космической отрасли, хотя и кажущейся всем понятной, известной – и такой таинственной, притягательной, а то и пугающей своими неизведанными, непостижимо огромными просторами...

Каждый из жителей Звёздного – не планета даже, а самостоятельный космос. Без преувеличения. И поговорить, и пошутить, и посетовать на реалии нынешней ситуации в мире... Да мало ли о чём могут беседовать люди с крепким характером, потрясающей судьбой и открытой душой романтиков! Такие они и есть: писатели и космические специалисты. Не случайно, по последним данным, спецы из Звёздного, занимающиеся литературным творчеством, считают честью стать членами Союза писателей России, будь они героями и многаяжды героями Советского Союза и России...

Освоение космоса продолжается.

Нина ДЪЯКОВА,
поэт, публицист и драматург

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru